

P.O. germ. ~~1285~~^h

Schiller

1274 - 8

<36629144670019

<36629144670019

S

Bayer. Staatsbibliothek

ШЕЛЕРЪ

ШИЛЛЕРЪ

LIBRARY OF THE

UNIVERSITY OF

CHICAGO

1892

1892

1892

1892

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

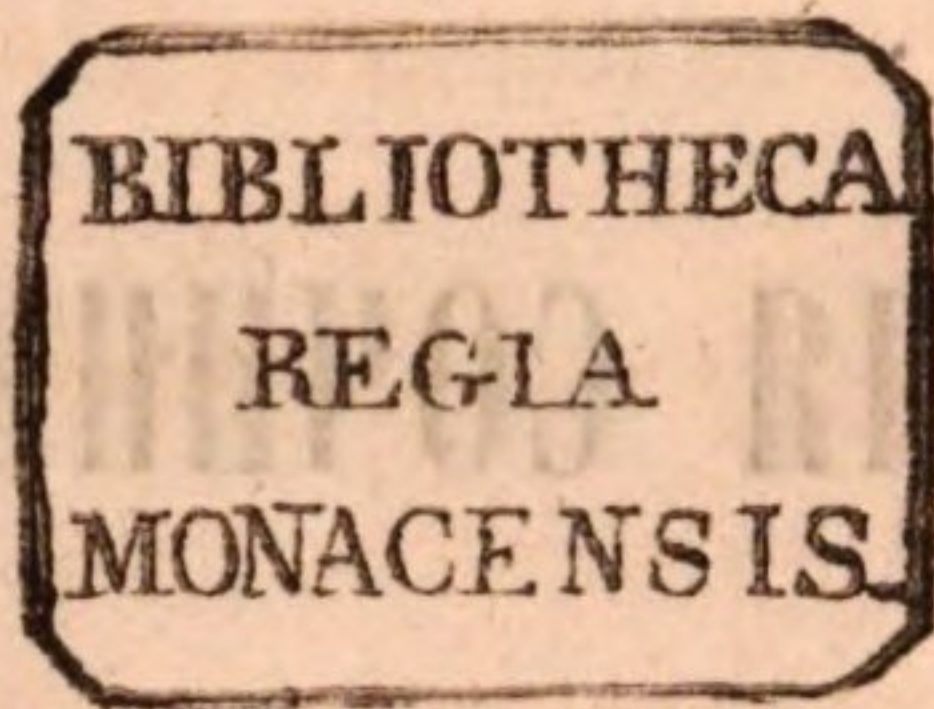
НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

VIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1860

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 22 декабря 1860 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

29-го октября (10-го ноября) 1859 года совершилась сотая годовщина рожденія Шиллера, и вся Германія, а съ нею и весь образованный міръ, праздновали въ этотъ день память великаго германскаго поэта. Во всей Германіи не нашлось уголка, гдѣ бы не торжествовали этого дня, гдѣ бы этотъ день не былъ національнымъ праздникомъ. Вездѣ — обѣды, рѣчи, концерты, спектакли, шествія съ факелами (Fakelzug) слѣдовали одинъ за другимъ и занимали согражданъ великаго поэта въ теченіе цѣлаго дня, начиная съ ранняго утра и кончая позднею ночью. Лондонъ, Парижъ, Брюссель, Нью-Йоркъ, и другіе большіе города Европы и Америки такъ же торжествовали этотъ день обѣдами, концертами и спектаклями.

И у насъ въ Россіи онъ не прошолъ забытымъ. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Архангельскѣ и другихъ городахъ, гдѣ живетъ много нѣмцевъ, составились комитеты для празднованія сто-лѣтней годовщины Шиллера. Празднованія эти совершились далеко не такъ шумно, какъ въ Германіи, но, во всякомъ случаѣ, сочувствіе къ великому поэту было заявлено, какъ нѣмцами, такъ равно и многими русскими, при чемъ было сказано много горячихъ словъ въ честь Шиллера, во имя свободы, истины и братства.

Въ Петербургѣ отпраздновали этотъ день, такъ сказать, по семейному: двумя-тремя обѣдами въ нѣмецкихъ клубахъ, да пѣніемъ стиховъ Шиллера въ музыкальномъ обществѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Sing-Akademie (Академіи Пѣнья). «Здѣсь», пишетъ фельетонистъ одной изъ петербургскихъ газетъ, «многочисленный мужской хоръ, состоявшій изъ членовъ обоихъ музыкальныхъ обществъ (кромѣ Sing-Akademie въ Петербургѣ существуетъ еще одно музыкальное общество — Liedertafel) исполнилъ «Диѳирамбъ» Шиллера; затѣмъ двѣ любительницы, пользующіяся въ Петербургѣ обширною и вполне-заслуженною извѣстностью, пропѣли, первая — «Прощаніе Гектора», положенное на музыку Шубертомъ, вторая — «Жалобу дѣвушки», также положенную на музыку Шубертомъ. Послѣ

этихъ двухъ *solo*, возбудившихъ громкія рукоплесканія всѣхъ присутствовавшихъ, мужской хоръ исполнилъ «Festlied an die Künstler», съ музыкой Мендельсона» (*).

Въ Москвѣ 29-е октября отпраздновали нѣсколько торжественнѣе. Именно: русское общество, въ лицѣ Любителей Россійской Словесности, помянуло Шиллера публичнымъ засѣданіемъ, котораго вся вторая, и большая притомъ, часть была посвящена его біографіи и чтенію лучшихъ мѣстъ изъ его сочиненій, въ переводѣ на русскій языкъ; а колонія нѣмцевъ, проживающихъ въ Москвѣ, дала въ честь своего великаго соотечественника большой обѣдъ, въ устройствѣ котораго приняли участіе и многіе русскіе. Вотъ описаніе обоихъ торжествъ, составленное однимъ изъ присутствовавшихъ:

«Засѣданіе происходило, за отсутствіемъ изъ Москвы г. Хомякова, подъ предсѣдательствомъ временнаго предсѣдателя Общества г. Погодина. Зала университетской бібліотеки, гдѣ происходили чтенія, была украшена бюстомъ Шиллера, увѣнчаннымъ лавровымъ вѣнкомъ. Множество посѣтителей и посѣтельница собралось въ залѣ....

«Вторая часть засѣданія началась рѣчью, про-

(*) «С. Петербургскія Вѣдомости», 1859, № 243.

изнесенною г. Шевыревымъ, въ которой были изображены черты изъ жизни Шиллера, какъ художника, ученаго и человѣка, и сообщены свѣдѣнія о судьбахъ его твореній въ Россіи. Послѣ этой рѣчи г. Миллеръ прочелъ извѣстный монологъ Вильгельма Теля въ своемъ переводѣ; г. Минъ — отрывки изъ переведенной имъ поэмы «Художники», г. Чернышевъ (извѣстный любитель драматическаго искусства) — два отрывка изъ «Орлеанской Дѣвы» въ переводѣ Жуковскаго: прощаніе Іоанны съ родиной и знаменитый монологъ ея въ 4-мъ актѣ; наконецъ, г. Лонгиновъ — «Торжество побѣдителей», переведенное Жуковскимъ.

«Г. временный предсѣдатель предложилъ Обществу избрать въ члены Н. В. Гербеля, переводчика и біографа Шиллера и издателя полного собранія его сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей.

«Въ часъ пополудни Общество отправило въ Лейпцигъ, въ тамошній центральный комитетъ для устройства празднества въ честь Шиллера, телеграфическую депешу слѣдующаго содержанія :

«Die Gesellschaft der Freunde der Russischen
«Literatur in Moskau, eine Sitzung zur Feier des
«hundertjährigen Geburtstages Schiller's haltend,
«wünscht Glück dazu.»

«Депеша эта получена въ Лейпцигѣ въ шестомъ часу пополудни, а въ 6 часовъ 20 минутъ отправленъ оттуда слѣдующій отвѣтъ:

«Centralhalle, $\frac{1}{2}$ Stunde vor der Schillerfeier, an
«Gesellschaft der Freunde Russischer Literatur
«herzlichen Gruss zurück mit Wunsch dass auch
«den Russen ein Schiller erstehe.»

«Такимъ образомъ русская литература въ лицѣ единственнаго литературнаго Общества въ Россіи, продолжающаго въ настоящее время свою дѣятельность, была участницей въ общемъ торжествѣ всего образованнаго міра. Москва послала братскій привѣтъ соотечественникамъ великаго поэта и получила отъ нихъ такой же радушный отзывъ, сопровождаемый желаніемъ, исполненіе котораго будетъ истиннымъ торжествомъ и счастіемъ для Россіи.

«Въ пятницу, 30 октября, былъ устроенъ въ помѣщеніи Эрмитажа обѣдъ, распорядителями котораго были члены здѣшней нѣмецкой колоніи. Цѣлю обѣда было отпраздновать столѣтнюю годовщину дня рожденія національнаго германскаго поэта произнесеніемъ нѣсколькихъ рѣчей и стихотвореній. Рядъ тостовъ былъ открытъ поднятіемъ заздравнаго кубка за Государя Императора, котораго воспитателемъ былъ Жуковскій, величайшій изъ многочисленныхъ переводчиковъ Шиллера на

иностранные языки. Затѣмъ слѣдовали рѣчь г. Фелькеля и стихотвореніе г. Зелеманна въ честь Шиллера. Такъ-какъ многочисленное собраніе участвовавшихъ въ этомъ обѣдѣ (всѣхъ было около 300 человѣкъ) состояло преимущественно изъ лицъ коммерческаго сословія, то былъ очень на мѣстѣ тостъ въ честь торговли и промышленности, провозглашенный г. Ахенбахомъ, однимъ изъ здѣшнихъ банкировъ. Изъ устъ коммерческаго человѣка, удивляющаго своихъ собратовъ неутомимою торговою дѣятельностью, было особенно пріятно слышать завѣреніе, что гуманическое образованіе необходимо купцу и промышленнику для полноты жизни, и что трудъ ихъ освѣжается живымъ сочувствіемъ тому труду невещественному, котораго представителемъ можетъ быть признанъ великій поэтъ-труженикъ. Въ живыхъ, одушевленныхъ словахъ былъ предложенъ послѣ того тостъ за Россію г. Циммерманомъ, содержателемъ частнаго учебнаго заведенія, успѣшно оспаривающаго пальму первенства у здѣшнихъ гимназій. Частыя рукоплесканія прерывали рѣчь оратора, энергически высказавшаго горячее братское сочувствіе бодро-развивающемуся юношественному народу, въ средѣ котораго онъ самъ и его соотечественники, присутствовавшіе на этомъ торжествѣ, нашли себѣ второе отечество. Послѣдній тостъ, за германскій народъ, провозглашенъ

быль г. Бабстомъ (*), и въ заключеніе г. Погосдинъ высказалъ желаніе, чтобы молодая поколѣнія Россіи продолжали воспитываться на Шиллерѣ, какъ воспитывалось на немъ поколѣніе, современное Жуковскому. Г. Циммерманъ прочиталъ еще стихотвореніе въ честь Шиллера, написанное однимъ поэтомъ-юношей, здѣсь присутствовавшимъ, и торжество окончилось звуками университетской пѣсни *Gaudeamus igitur* (**).

Въ Архангельскѣ также праздновали столѣт-

(*) Помѣщаю здѣсь эту во многихъ отношеніяхъ замѣчательную рѣчь:

«Присутствуя на празднествѣ, которымъ нѣмецкая колонія чествуетъ память великаго германскаго поэта, и слыша, какъ въ рѣчахъ ораторовъ съ именемъ Шиллера раздаются голоса за благоденствіе Россіи, какъ поминаются дорогія намъ имена людей, честно и благородно служившихъ русскому обществу, позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ.

«Не стану говорить о нашемъ сочувствіи великому пѣвцу; это было высказано вчера, въ публичномъ засѣданіи «Общества Любителей Россійской Словесности», собравшагося въ память великому поэту.

«Я предлагаю поднять тостъ за благоденствіе народа, изъ среды котораго вышелъ Шиллеръ. Да осуществляются всѣ благородныя стремленія лучшихъ людей Германіи! да будетъ Германія славна и едина своими собственными богатыми средствами! и да будутъ ей всегда чужды проявленія узкаго, плотояднаго патріотизма, недостойныя великаго народа, какъ они были чужды великому пѣвцу!

«Взирая на благородный ликъ германскаго пѣвца, будемъ мечтать, вмѣстѣ съ двумя великими поэтами славянскими,

«О временахъ грядущихъ,

«Когда народы, распри позабывъ,

«Въ одну великую семью соединятся!»

Прим. издателя.

(**) «Русскій Вѣстникъ», 1859, т. XXIII, № 19, отд. II, стр. 296.

ною годовщину Шиллера и притомъ довольно торжественно, какъ это видно изъ тамошнихъ «Губернскихъ Вѣдомостей». Для совершенія торжества избранъ былъ коммерческій клубъ, залъ котораго великолѣпно былъ убранъ флагами всѣхъ націй; на стѣнахъ находились стихи Шиллера, въ золотыхъ рамахъ, украшенныхъ гирляндами изъ зелени; надъ входами въ другіе покои — также двустишія изъ его произведеній, въ видѣ арокъ надъ золотою лирою; противъ входа устроено было возвышеніе для участниковъ торжества, отдѣленное рѣшеткою; въ углахъ ея возвышались орифламы трехцвѣтнаго русскаго флага, съ лирами. На стѣнѣ виднѣлся вензель Шиллера, надъ щитомъ, на которомъ золотыми буквами написаны были слѣдующія слова: «Der Dichter der Idee durch die Macht des Willens», а по бокамъ щита годы: 1759 и 1859; на противоположной сторонѣ, подъ хорами, — щитъ съ словами: «Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst», съ атрибутами коммерціи и искусства. Къ первому часу собрались всѣ любители и любительницы просвѣщенія, приглашенные гг. членами комитета устройства торжества. Въ часъ пополудни, участники и участницы въ этомъ торжествѣ вошли попарно въ залъ, заняли мѣста на возвышеніи — и торжество совершилось по слѣдующей программѣ: 1) Была вступительная рѣчь о значеніи торжества,

произнесенная г. пасторомъ Брюкнеромъ; 2) Хоръ изъ «Пѣсни о колоколѣ», музыка А. Ромберга; 3) Рѣчь въ память Шиллера — г. Гроссъ; 4) Соло изъ «Пѣсни о колоколѣ» — г. Цушъ; 5) «Пѣснь о колоколѣ», декламированная г. Мёллеромъ; 6) Квартетъ изъ «Пѣсни о колоколѣ» — г-мъ и г-жею Цушъ, г-мъ Гувелякенъ и г-жею Менкъ; 7) Рѣчь, на русскомъ языкѣ, о значеніи произведеній Шиллера въ переводахъ Жуковского — Э. Вернертъ; 8) Эпilogъ, стихотвореніе, написанное на случай этого торжества и читанное г. Мёллеромъ; 9) Квартетъ съ хоромъ, изъ той-же «Пѣсни».

Повсемѣстныя манифестаціи въ честь Шиллера, и приготовленія къ празднованію столѣтней его годовщины, какъ въ Германіи, такъ и у насъ въ Россіи, побудили и меня, какъ переводчика и издателя сочиненій Шиллера, заявить свое сочувствіе къ торжеству, свое благоговѣйное поклоненіе памяти величайшаго изъ поэтовъ и благороднѣйшаго изъ людей. Съ этой цѣлью я доставилъ въ петербургскій комитетъ, учрежденный для празднованія столѣтней годовщины рожденія Шиллера, первые шесть томовъ «Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей», для доставленія ихъ въ Марбахъ, мѣсторожденіе поэта, при слѣдующемъ письмѣ:

«Наступающій столѣтній юбилей Шиллера
«празднуется всѣми образованными народами
**

«Европы. Сочувствіе къ великому поэту отозва-
 «лось и у насъ. Имя Шиллера давно родное и
 «русскимъ. Мы съ дѣтскихъ лѣтъ учимъ его сти-
 «хи, смотримъ на сценѣ его драмы; вліяніе его
 «на молодую русскую литературу было сильно и
 «благотворно. Въ послѣднее время сдѣлалось воз-
 «можнымъ издать полное собраніе сочиненій
 «Шиллера въ русскомъ переводѣ. Счастливый
 «трудъ этотъ, въ которомъ приняли дѣятельное
 «участіе наши лучшіе поэты, выпалъ на мою
 «долю. Онъ еще не вполнѣ конченъ; но вышед-
 «шіе доселѣ 6 томовъ я рѣшился переслать Вамъ,
 «Милостивые Государи, какъ посильную дань мо-
 «его благоговѣйнаго поклоненія генію Шиллера,
 «и свидѣтельство, что имя его чтится и въ Рос-
 «сіи на равнѣ съ націями, опередившими наше
 «отечество въ наукѣ и искусствѣ.»

Думаю, что всѣ эти подробности празднованія
 столѣтней годовщины дня рожденія Шиллера въ
 Россіи, не лишены интереса въ глазахъ русской
 читающей публики, для которой Шиллеръ всегда
 былъ дорогъ, какъ писатель и человѣкъ.

Всѣ піэсы, составляющія содержаніе восьмага, нынѣ вышедшаго, тома, какъ-то: неоконченная трагедія «Димитрій Самозванецъ», въ переводѣ Л. А. Мея, романъ «Духовидецъ», въ переводѣ М. Л. Михайлова, драматическій отрывокъ «Мизантропъ», въ переводѣ издателя, и двѣ статьи «Ожесточенный» и «Игра Судьбы» — переведены вновь и являются здѣсь въ первый разъ. Всѣ эти піэсы, за исключеніемъ «Димитрія Самозванца», который до сихъ поръ не былъ переводимъ на русскій языкъ, уже извѣстны русской читающей публикѣ по старымъ переводамъ. Вотъ ихъ списокъ:

I.

Сцена изъ послѣдней неоконченной трагедіи Шиллера: «Димитрій Самозванецъ» (сцена между Іовомъ и Марѳою, изъ втораго акта). Переводъ К. Павловой. («Москвитянинъ», 1841, ч. I, № I, стр. 67).

II.

*Духовидецъ, исторія, взятая изъ записокъ графа О***, и изданная Фридрихомъ Шиллеромъ. Переводъ съ нѣмецкаго, въ 6 частяхъ. Москва. 1807.*

То же. Изданіе второе. Москва. 1818.

III.

Мизантропъ. Драматическій отрывокъ.
Сочиненіе Шиллера. Переводъ * *. («Московскій Вѣстникъ», 1828, ч. XII, стр. 204).

IV.

Ожесточенный. Безъ означенія, что изъ Шиллера. Переводъ *В. Жуковскаго.* («Вѣстникъ Европы», 1808, ч. XXXVIII, № № 6 и 7, стр. 119 и 173).

V.

Игра судьбы. Отрывокъ истинной исторіи. Изъ Шиллера. Переводъ *Н. Карамзина.* («Переводы Карамзина», т. VI, стр. 75).

«Димитрій Самозванецъ» — былъ послѣднимъ произведеніемъ, надъ которымъ трудился Шиллеръ въ послѣдніе дни своей жизни. Не смотря на болѣзненные припадки и ожиданіе смерти, приближеніе которой онъ хорошо зналъ, поэтъ неутомимо занимался своимъ новымъ сочиненіемъ, но все-таки не успѣлъ его окончить. Смерть пришла ранѣе, чѣмъ онъ думалъ, и остановила его на половинѣ работы. Шиллеръ, какъ извѣстно, довелъ ее до половины втораго акта, и

остановился на сценѣ вступленія Самозванца съ войскомъ въ русскіе предѣлы. Прочитавъ, по смерти поэта, начало и планъ трагедіи, Гёте взялся было окончить ее, но — не окончилъ. Три года тому назадъ поэтъ Густавъ Кюне исполнилъ то, о чемъ думалъ Гёте, то-есть окончилъ трагедію и поставилъ ее на сцену. Предпріятіе смѣлое! Величайшая и, можетъ быть, главная трудность заключалась уже въ томъ, что произведеніе было задумано и начало написано человѣкомъ геніяльнымъ. Не смотря на то, продолжатель съ честью вышелъ изъ этаго испытанія: характеры Самозванца и Бориса Годунова очерчены удачно и трагедія имѣла успѣхъ. «Димитрій Самозванецъ», за исключеніемъ отрывка, переведеннаго К. К. Павловой, не былъ до сихъ поръ переведимъ на русскій языкъ. Переводъ сдѣланъ, по моему вызову, Л. А. Меемъ, и, независимо отъ художественнаго своего достоинства, отличается замѣчательною близостью къ подлиннику.

«Духовидецъ», это граціозное произведеніе, въ которомъ видно философское направленіе, соединенное съ прелестью вымысла, такъ же не конечно, хотя по другимъ причинамъ. Это только отрывокъ, но отрывокъ, исполненный занимательности, который, можетъ быть, потерялъ бы много, еслибъ былъ полнѣе.

«Духовидецъ», какъ равно и напечатанные

здѣсь, вслѣдъ за нимъ, — драматическій отрывокъ «Мизантропъ» и двѣ статьи: «Ожесточенный» и «Игра судьбы», были переводимы и прежде; но такъ-какъ эти переводы сдѣланы были въ началѣ нынѣшняго столѣтія и потому — сильно устарѣли, то, само собою разумѣется, они не могли войти въ предлагаемое изданіе, и потребовали новыхъ переводовъ. Переводъ «Духовидца» принадлежитъ М. Л. Михайлову, уже знакомому читателямъ по прекрасному переводу трагедіи «Коварство и Любовь», помѣщенному въ предъидущей книжкѣ моего изданія.

Въ приложеніи къ восьмому тому помѣщаю отрывокъ изъ «Димитрія Самозванца» (сцена, между Іовомъ и Марѳою, изъ втораго акта), въ переводѣ К. К. Павловой и нѣсколько лирическихъ стихотвореній Шиллера, не вошедшихъ въ I и II томы моего изданія, въ переводахъ: Б. Н. Алмазова, А. П. Глинка, М. Ю. Лермонтова и В. Треборна. Переводы Лермонтова, помѣщенные въ предлагаемой книжкѣ, нигдѣ не были напечатаны и являются здѣсь въ первый разъ. Эти опыты не имѣютъ достоинства вѣрности и художественной передачи подлинника, и помѣщая ихъ въ моемъ изданіи, я не думалъ содѣйствовать ими ближайшему знакомству русскихъ читателей съ Шиллеромъ. Но они отмѣчены именемъ столь дорогимъ и столь рано смолкшимъ въ нашей литературѣ, что

я считалъ себя не вправѣ оставить ихъ въ сторонѣ и не представить свидѣтельства, что и на образованіе Лермонтова и на его поэтическую дѣятельность Шиллеръ имѣлъ свою долю благотворнаго вліянія, какимъ обязаны ему многіе и многіе лучшіе наши поэты. Эти стихотворенія, относящіеся къ самой ранней, почти дѣтской порѣ поэта «Мцыри» и «Бѣлы», доставлены мнѣ А. А. Краевскимъ, которому приношу за то мою искреннюю благодарность.

Восьмой нынѣ вышедшій томъ заключаетъ собою литературную дѣятельность Шиллера, какъ поэта и повѣствователя. Слѣдующіе томы будутъ заключать его историческія, критическія и философическія сочиненія.

Н. Гербель.

20-го декабря 1859 года.

С. Петербургъ.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ

НЕОКОНЧЕННАЯ ТРАГЕДІЯ

Переводъ Льва Мея

УЧЕБНИК

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

Редактор Н. А. М. М.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Сеймъ въ Краковѣ.

При поднятіи занавѣса открывается большая зала сената, въ которой засѣдаетъ собраніе польскихъ государственныхъ чиновъ. На высокой эстрадѣ о трехъ ступеняхъ, крытыхъ алымъ сукномъ, королевскій тронъ съ сѣнію; по бокамъ висятъ польскіе и литовскіе гербы.

КОРОЛЬ возстаетъ на тронъ; справа и слева стоятъ на эстрадѣ десять КОРОННЫХЪ САНОВНИКОВЪ. Подъ эстрадой, по обѣимъ сторонамъ сцены, сидятъ ЕПИСКОПЫ, ПАЛАТИНЫ и КАСТЕЛЛАНЫ. Близъ нихъ помѣщаются, въ два ряда, ВЫБОРНЫЕ ОТЪ ШЛЯХТЫ, съ непокрытой головой. Всѣ вооружены. ГНѢЗНЕНСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ, какъ прима съ королевства, сидитъ ближе всѣхъ къ авансценѣ; за нимъ его КАПЕЛЛАНЪ держитъ золотое распятіе.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

И такъ, нашъ бурный сеймъ благополучно
Пришелъ къ давно-желанному концу:
Король съ чинами разстается дружно;
Шляхта съ себя оружіе слагаетъ;

Упрямый *Рокошъ* ¹⁾ разойдись согласенъ ;
А самъ король даетъ святое слово —
Внимать отнынѣ жалобамъ правдивымъ.

— — — — — ²⁾
Внутри все мирно, и теперь мы можемъ
Окинуть взоромъ внѣшнія дѣла.

— — — — —
Угодно ли чинамъ свѣтлѣйшимъ будетъ,
Чтобъ князь Димитрій, правый притязатель
На русскую корону, какъ законный,
Какъ истый сынъ покойнаго Ивана,
Предсталъ — и доказалъ свои права
На русскій тронъ здѣсь передъ *сеймомъ вальнымъ*? ³⁾
КРАКОВСКІЙ КАСТЕЛЛАНЪ.

Конечно! Гдѣ же честь и справедливость?
И отказать намъ князю не прилично
ЕПИСКОПЪ ВЕРМЕЛАНДСКІЙ.

Всѣ документы на его права
Просмотрѣны теперь, и оказались
Всѣ подлинными. Выслушать его
Намъ *можно*.

Нѣсколько выборныхъ шляхтичей.
Нѣтъ! не только можно — *должно*.
ЛЕВЪ САПѢГА.

Но выслушать — всё то-же, что признать.

¹⁾ *Рѣкошъ* (rokosz) возстаніе шляхты противъ короля и сенаторовъ. *Прим. переводчика.*

²⁾ Предлагаемая трагедія, какъ извѣстно, не была окончена Шиллеромъ. Строки, означенныя тире, находятся въ подлинникѣ: онѣ означаютъ монологи еще не написанные, не положенные авторомъ на бумагу, но уже обдуманые имъ и долженствовавшіе быть въ тѣхъ мѣстахъ. *Прим. издателя.*

³⁾ *Sejm Walny* — генеральный сеймъ. *Прим. переводчика.*

ОДОЕВСКІЙ ⁴⁾.

Не выслушать — все то-же, что отвергнуть.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Благоволятъ-ли допросить его?

Вопросъ въ другой и въ третій разъ предложенъ.

ВЕЛИКІЙ КОРОННЫЙ КАНЦЛЕРЪ.

Пусть предстаётъ предъ королевскій тронъ!

СЕНАТОРЫ.

Пусть говоритъ!

ВЫБОРНЫЕ.

Мы всѣ готовы слушать.

(*Великій коронный маршалъ даетъ придвернику знакъ своимъ жезломъ; придверникъ отворяетъ двери.*)

ЛЕВЪ САПЪГА.

Я протестую — пусть запишетъ канцлеръ —

Противъ всего, что несогласно съ миромъ

Межъ Польшей и московскою короной.

Входитъ ДИМИТРІЙ, приближается на нѣсколько шаговъ къ трону, и, не снимая шапки, отдаетъ по поклону королю, сенаторамъ и выборнымъ; ему отвѣчаютъ наклоненіемъ головы. Затѣмъ Димитрій становится такъ, что ему видна большая часть собранія и присутствующихъ на сеймъ; къ королевскому трону онъ только-что не повернулся спиной.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Князь Дмитрій Іоанновичъ! Быть можетъ,

Блескъ сейма и величье короля

⁴⁾ Нѣкоторыя собственныя имена искажены у Шиллера: такъ, напримѣръ, вмѣсто *Одоевскій* — у него *Одовальскій* (Odowalsky). Вообще, какъ иностранный писатель тогдашняго времени, незнако-

Тебѣ невольно связываютъ рѣчи?
Такъ вѣдай, что дозволено сенатомъ
Тебѣ избрать повѣреннаго: можешь
Его устами съ сеймомъ объясниться.

ДИМИТРІЙ.

Отецъ архіепископъ! я предсталъ
Искателемъ наслѣдственнаго царства
И скипетра державнаго: не гоже
Смущаться мнѣ передъ народомъ вольнымъ,
Передъ его владыкой и сенатомъ.
Я никогда еще не лицезрѣлъ
Подобнаго высокаго собранья —
И этотъ видъ мнѣ возвышаетъ душу,
Но — не страшить. Чѣмъ послухи ⁵⁾ достойнѣй,
Тѣмъ мнѣ желаннѣй; а теперь я слово
Держу наисвѣтлѣйшему собранью.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

— — — — —
Рѣчь-Посполита слову твоему
Благо-вонмѣть.

ДИМИТРІЙ.

Король великодушный,
Отцы-епископы, вельможный сонмъ
Достойныхъ палатиновъ, паны-рада
И выборные Рѣчи-Посполитой!
Дивлюсь, и, съ несказаннымъ изумленьемъ,
Себя, пріимца русскаго престола,

мый съ русскимъ бытомъ и съ русской исторіей, онъ неминуемо
долженъ былъ впасть въ погрѣшности и анахронизмы. Они будутъ
указаны послѣдовательно въ выноскахъ. *Прим. переводчика.*

⁵⁾ Я не нашелъ приличнѣе забытаго слова *послухъ* для пере-
дачи товременнаго понятія *свидѣтель*. Оттѣнки обоихъ понятны.

Прим. переводчика.

Наслѣдника державы Іоанна,
На вашемъ сеймѣ всенародномъ вижу.
Кровавою враждою оба царства,
Русь съ Польшей, обмѣнялися; о мирѣ
И рѣчь не шла, пока отецъ былъ живъ....
И — вотъ теперь благо - рѣшило Небо,
Чтобъ плоть отъ плоти и отъ крови кровь,
Сынъ Іоанна, съ молокомъ всосавшій
Наслѣдственно - пріемную вражду,
Чтобъ я предъ вами странникомъ явился,
И у враговъ, въ срединномъ градѣ Польши,
Отстаивалъ законныя права!...
Забудьте-жь прежде, чѣмъ держать мнѣ слово,
Забудьте былъ - былую благодушно,
Не осудите сына за отца
И кровною войной не урекните.
Я, русскій князь, ограбленъ, угнетѣнъ,
Прошу защиты. Развѣ угнетѣнный
Не въ правѣ полагаться на участие
Людей правдивыхъ, благородно-вольныхъ?
А есть-ли что правдивѣе на свѣтѣ,
Какъ храбрый, независимый народъ?
Верховной властью древле-облеченный,
Онъ самъ свои дѣянья повѣряетъ,
И преклоняетъ ухо ко всему,
Что человѣчно.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Князь! ты передъ нами
Предсталъ, какъ сынъ законный Іоанна.
Твоя наружность и слова согласны
Съ такимъ высокомернымъ притязаньемъ;
Но докажи намъ подлинность твою

Неотвержимо — и надѣйся смѣло
На благородство Рѣчи-Посполитой:
Она встрѣчалась съ Русскими на полѣ,
И доказала, что способна быть
Честнымъ врагомъ и вселюбезнымъ другомъ.

ДИМИТРІЙ.

Иванъ Васильчъ былъ женатъ пять ⁶⁾ разъ,
И первую супругу взялъ изъ дома
Романовыхъ. Царица родила
Царевича Θεодора: наслѣдникъ
И царь онъ былъ по смерти Іоанна.
Но у покойнаго еще былъ сынъ, Димитрій,
Отъ брака съ Марѳой, изъ роду Нагихъ ⁷⁾,
Съ послѣднею супругою. Димитрій
Въ пеленкахъ былъ, когда скончался царь.
Θеодоръ Іоанновичъ, и тѣломъ,
И духомъ слабый, пѣредалъ кормило
Правленія Борису Годунову,
Великому конюшему, и тотъ
Всѣмъ царствомъ русскимъ правилъ самовластно.
Бездѣтному Θεодору надежды
На сына и наслѣдника престола
Царицы юной лоно не сулило.
А между тѣмъ правитель хитрый царства
Снискалъ любовь и преданность народа,
И на вѣнецъ возвелъ свой смѣлый взоръ.
Одной препоной былъ царевичъ-отрокъ
Димитрій Іоанновичъ, взрощенный
Въ удѣльномъ Угличѣ царицей Марѳой.

⁶⁾ Ошибка: Іоаннъ былъ женатъ не пять, а семь разъ.

Прим. переводчика.

⁷⁾ У Шиллера: Нагòри (Nagori).

Прим. переводчика.

Когда Бориса замыслы созрѣли,
Послалъ убійцъ онъ въ Угличъ потаенно,
Чтобъ умертвить царевича-младенца.
Глухою ночью, въ терему царицы,
Вдругъ вспыхнули отдѣльные покои,
Гдѣ съ дядькою опочивалъ царевичъ.
Все сдѣлалось добычею пожара,
А самъ царевичъ безъ вѣсти пропалъ.
И мать, и всѣ сочли его погибшимъ,
Оплакали безвременную смерть —
Тѣмъ дѣло и покончилось. Спросите —
И вся Москва вамъ въ этомъ присягнѣтъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Мы слышали тогда-же эти вѣсти:
Всѣ государства обошла молва,
Что въ Угличѣ царевичъ средь пожара
Погибъ; и такъ-какъ смерть его конечно
Была желанна для царя Бориса,
Бориса въ этой смерти обвинили.
Теперь однакожь не о смерти рѣчь.
Царевичъ живъ. Ты увѣряешь, будто
Онъ живъ въ твоей особѣ: докажи,
Гдѣ основанье тождеству такому?
По чѣмъ признать намъ подлинность твою?
Какъ поисковъ Бориса несомнѣнныхъ
Ты избѣжалъ, и чрезъ шестнадцать лѣтъ
Явился въ Божьемъ мірѣ такъ неожиданно?

ДИМИТРІЙ.

И года нѣтъ, какъ самого себя
Обрѣлъ я, ибо жизнь моя доселѣ
Была покрыта непрогляднымъ мракомъ,
И о своемъ рожденѣ я не вѣдалъ.

Едва себя запомню, былъ я служкой
За крѣпкой монастырскою оградой.
Охъ, какъ тѣсна монашеская жизнь,
Когда душа запроситъ вольной-воли,
И въ богатырскихъ, юношескихъ жилахъ
Забьетъ ключемъ наслѣдственная кровь!
Я сбросилъ ненавистный мнѣ подрясникъ
И убѣжалъ потайно въ вашу Польшу
Здѣсь славный Сендомирскій воевода
Мнѣ далъ пріютъ въ своемъ вельможномъ замкѣ
И честнымъ званьемъ воина облекъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Какъ? о себѣ ты самъ еще не вѣдалъ,
Когда по свѣту слухъ ходилъ издавна,
Что былъ спасенъ отъ гибели царевичъ?
Борисъ, дрожа на отнятомъ престолѣ,
По всѣмъ границамъ учредилъ заставы,
Чтобы слѣдить за путниками зорко.
Какъ? до тебя слухъ этотъ не достигнулъ,
И ты не выдавалъ себя нигдѣ
За Дмитрія?

ДИМИТРІЙ.

Я рассказалъ, что знаю.

Коль слухи о моемъ существованьи
Ходили — ихъ разсѣялъ Самъ Господь.
Себя не зналъ я. Въ домѣ палатина
Я прожилъ юность въ сонмѣ челядинцевъ.
Въ молчаніи благоговѣйномъ, страстно
Я полюбилъ одну изъ дочерей
Хозяина, хотъ взоровъ и не поднѣялъ
На высоту, запретную пришельцу.
Но вотъ что было: Львовскій кастелланъ,

Женихъ моей красавицы, случайно
Узналъ про страсть мою къ его невѣстѣ,
И оскорбилъ меня кичливой бранью,
И даже руку поднялъ на меня;
Я взялся за оружіе: безумный,
Онъ въ бѣшенствѣ попался мнѣ подъ саблю —
И палъ Но въ смерти этой я невиненъ.

МНИШЕКЪ.

Да, такъ все было — — — — —

ДИМИТРІЙ.

Боже! безъименный
И бѣглый чужеземецъ умертвилъ
Сановника, пріятеля и зятя
Вельможнаго патрона своего!
Ни явная невинность, ни участие
Всей челяди, ни даже милосердье
Патрона не могли меня спасти:
Законъ, къ Полякамъ милостивый, прямо
Меня, пришельца, осуждалъ на казнь.
И вотъ меня приговорили къ смерти
И я колѣна преклонилъ предъ плахой
И шею подъ ударъ меча подставилъ
Но въ это-то мгновенье у меня
Блеснулъ на шеѣ золота литаго,
Каменьями осыпанный, наперсный
Купельный крестъ. У насъ такой обычай,
Чтобы символъ святаго искупленья
Не скидывать съ груди отъ колыбели.
Въ тотъ самый мигъ, какъ съ жизнію разстаться
Пришлось мнѣ, я этотъ крестъ купельный
Поднесъ къ устамъ съ благочестивой думой.

(Поляки знаками выражаютъ свое сочувствіе.)

Замѣтили святую драгоцѣнность
Съ немалымъ изумленьемъ; любопытство
Понудило мнѣ узы разрѣшить
И допросить меня; но я не вѣдалъ —
Съ которыхъ поръ ношѣ святыню эту.
Тутъ были трое изъ дѣтей боярскихъ,
Бѣжавшихъ отъ Бориса въ Сендомиръ.
Они признали крестъ, по изумрудамъ
И аметистамъ, за наперсный крестъ
Царевича Димитрія: возложенъ,
По ихъ словамъ, онъ былъ Мстиславскимъ княземъ ⁸⁾
При самомъ воспринятіи отъ купели
Царевича. Оглядываютъ ближе
Меня — и замѣчаютъ съ изумленьемъ,
Что правая рука моя короче,
Чѣмъ лѣвая: такая-же примѣта
Была и у Димитрія, случайно.
Допрашиваютъ крѣпко Я припомнилъ,
Что захватилъ съ собою, при побѣгѣ
Изъ монастырской келіи, псалтырь,
Что въ псалтырѣ есть греческая надпись,
Начертана игумною — а какая —
Не знаю, по незнанью языка.
Псалтырь нашли и разобрали надпись.
Гласить: что братъ Василій-Филаретъ
(Тогда мое монашеское имя),
Владѣтель псалтыря сего, — законный
Царевичъ Дмитрій, младшій сынъ Ивана;
Что чудомъ спасъ младенца дьякъ Андрей
И скрылся отъ клеветовъ Годунова;

⁸⁾ У Шиллера: Вестисловской (Westislawskoy).

Прим. переводчика.

Что есть тому свидѣтельства: хранятся
Въ такихъ-то двухъ обителяхъ и нынѣ.
Тогда бояре ⁹⁾ мнѣ упали въ ноги;
И съ полнымъ убѣжденьемъ и сознаньемъ
Челомъ мнѣ били, какъ цареву сыну.
И такъ: внезапно, изъ потѣмной бездны,
Горѣ меня судьбина вознесла!

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

— — — — —

ДИМИТРІЙ.

И вотъ — теперь я чувствую, какъ будто
Съ моихъ очей ниспала чешуя;
Воспоминанья подняли завѣсу
Минувшаго, — и ясно, въ отдаленьи,
Какъ куполъ въ лучахъ зори вечерней,
Два образа передо мной мелькаютъ, —
Двѣ первыхъ искры дѣтскаго сознанья.
Тѣ образы: бѣгу я темной ночью;
Взглянулъ назадъ — потѣмки словно sprysнулъ
Пылающими брызгами пожаръ
Должно быть, воспоминанье стародавне,
Затѣмъ, что образы, съ нимъ слитые, погасли
Въ моей душѣ. Я смутно помню только
Вотъ этотъ страшный, неотступный образъ.
Потомъ яснѣй мои воспоминанья:
Припоминаю, какъ меня обидѣлъ
Одинъ изъ служекъ, урекнувши царскимъ
Пріѣмышемъ Тогда я счелъ за шутку
Его слова; заушиной отвѣтилъ
На нихъ — и думалъ, что вполнѣ былъ правъ,

⁹⁾ Шиллеръ смѣшиваетъ званіе боярина и боярскаго сына.

Прим. переводчика.

Какъ человѣкъ. Теперь я понимаю —
Не какъ простой я смертный былъ разгнѣванъ,
Какъ царскій сынъ Теперь единымъ словомъ
Разрѣшена судьбы моей загадка.
Не по примѣтамъ, можетъ быть, обманнымъ,
А по б енью собственнаго сердца
Я узнаю наслѣдственную кровь —
И ужь скорѣй пролью ее по каплѣ,
Чѣмъ уступлю права на мой вѣнецъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Нельзя же намъ-то на слово повѣрить,
Что впечатлѣнья дѣтскія правдивы!
Кому должны мы вѣрить? Бѣглецу?
Иль показанью бѣглецовъ такихъ-же?
Прости меня: я вижу — благородень
Ты, юноша! По голосу, по рѣчи
И по осанкѣ — видимо не лжець;
Но можетъ быть и *самъ* вѣдь ты обмануть?
Понятно: человѣческому сердцу
Простительно забиться ложно, если
Вопросъ идетъ о царственной игрѣ.
Что можетъ быть словамъ твоимъ порукой?

ДИМИТРІЙ.

Пятнадцать я свидѣтелей представлю,
Пятнадцать родовитыхъ Поляковъ,
Отъ корня безукорнаго Піастовъ:
Пусть подтвердятъ, иль нѣтъ мои слова
Вотъ къ слову Сендомирскій воевода
И кастелланъ Люблинскій: полагаю,
Что за меня ручательство дадутъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ.

Такъ что жь еще, пресвѣтлое собранье?...
Свидѣтельствомъ такихъ особъ высокихъ
Разрѣшено сомнѣніе. Давно
По свѣту слухъ прошолъ, что князь Димитрій,
Сынъ Іоанна, живъ еще доселѣ:
Самъ царь Борисъ невольно подтверждаетъ
Слухъ этотъ непонятнымъ опасеньемъ.
Теперь предъ нами юноша Лѣтами,
Обличьемъ, даже до примѣтъ малѣйшихъ,
Случайною природною игрою,
Онъ сходенъ съ тѣмъ, кто такъ необъяснимо
Пропалъ, кого такъ долго и такъ тщетно
Искали. Этотъ юноша достоинъ,
По разуму и сердцу, предъявить
Высокое такое притязанье.
Судьба его чудесна несказанно:
Изъ кельи монастырской бѣдный служка
Является, и на груди его —
Тотъ самый крестъ безцѣнный, что царевичъ
Носилъ когда-то тотъ купельный крестъ,
Съ которымъ онъ ни разу не разстался,
Онъ, то есть — этотъ юноша Припомнимъ,
Какъ рукопись смиренная монаха,
Безъ спору несомнѣнная, гласить
О томъ, что яко-бъ самый этотъ служка
И есть Димитрій Я не говорю,
Не помяну, что ясное чело
И рѣчь по правдѣ — всякому порука
Съ такимъ челомъ обманъ потайный въ свѣтѣ
Еще ни разу не посмѣлъ пройти,
Закидывая громкими словами

И такъ — я дальше возражать не смѣю
На притязанье юноши и имя:
Даю ему, какъ примасъ, первый голосъ!

АРХІЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ.

Мой голосъ — твой!

НѢСКОЛЬКО ЕПИСКОПОВЪ.

И наши — также ваши!

НѢСКОЛЬКО ПАЛАТИНОВЪ.

И я!

ОДОВЕВСКІЙ.

И я!

ВЫБОРНЫЕ

(поспѣшно другъ за другомъ).

Мы всѣ!

САПѢГА.

Но нѣтъ, позвольте,

Позвольте, паны-рада! не спѣшите:

Обдумать надо.... Благородный сеймъ

Изъ пустяковъ не долженъ расходиться.

ОДОВЕВСКІЙ.

Тутъ нѣчего обдумывать: все ясно.

Свидѣтельство и дѣло — на лицо.

Здѣсь — не Орда: здѣсь горла не затянетъ,

За слово правды, ханская веревка!

Здѣсь истина чела не потупляетъ!

Надѣюсь, что въ собраньѣ благородномъ,

Здѣсь, въ Краковѣ, на главномъ польскомъ сеймѣ,

Ни одного нѣтъ ханскаго холопа.

ДИМИТРІЙ.

Благодарю сенаторовъ свѣтлѣйшихъ

За признанную истину! И если

Я подлинно *тотъ самый*, за кого

Меня признали, прибѣгаю къ сейму
Съ усердною, но правомѣрной просьбой:
Ужели благородный сеймъ допустить,
Чтобъ дерзостный и наглый похититель
Владѣлъ моимъ наслѣдіемъ законнымъ
И государскимъ скипетромъ моимъ?

— — — — —
Мое — права, а ваше — мощь и сила.
Такого нѣтъ ни царства, ни престола,
Гдѣ нѣ было-бы слова: справедливость,
Гдѣ нѣ было-бы собственности правой.
Тогда и весель только человѣкъ,
Когда онъ знаетъ, что его наслѣдье
Ограждено закономъ, что надъ каждымъ
И домомъ и престоломъ вѣетъ знамя
Свободнаго, святаго договора,
Какъ бы хоругвь охранная правамъ.
Не даромъ говорятъ, что справедливость —
Десницей смертной возведенный сводъ,
На немъ-же опочіетъ все едино
Всѣ то, что съ нимъ-же рушиться должно.

— — — — —
(Одобрительныя мнѣнія сенаторовъ.)

ДИМИТРІЙ.
Король пресвѣтлый Сигизмундъ! Проникни
Мнѣ въ душу яснымъ и духовнымъ взоромъ;
Пойми, что участь скорбная моя
Сродна съ твоей; что ты и самъ родился
Въ темницѣ, самъ безропотно сносилъ
Судьбы несправедливые удары.
Твой первый взглядъ на склепъ тюремный брошенъ;
И изъ тюрьмы избавиться ты могъ

Единымъ бѣгствомъ — на престолъ наслѣдный
Достигъ — а съ нимъ достигъ великодушья:
Такъ будь же и ко мнѣ великодушень

— — — — —
А вы, сановники-предстатели сената,
Вы преподобно-твердые столпы
Всей церкви христіанской, палатины
И кастелланы! Вотъ удобный мигъ
Слить два родныхъ народа во-едино:
Давно они между собой враждуютъ
Оставьте-же вы славу за собою,
Что поняли, что даже доказали,
Какъ Польша сопрестольна со Москвой,
И какъ въ враждебномъ, видимо, сосѣдѣ
Вы друга благодарнаго нашли
А вы, опора Рѣчи Посполитой,
Вы, шляхтичи, скорѣй коней сѣдлайте,
Влетайте въ золотые ворота,
Что передъ вами распахнуло счастье!
Я подѣлюсь всей вражьей добычей.
Москва богата. Царская казна
Несчѣтна: награжу друзей по-царски;
Кто въѣдетъ въ Кремль за мной, такъ — вотъ клянусь! —
Тотъ въ бархатѣ, въ шелку, и въ соболяхъ,
И въ жемчугахъ ходить по-буднямъ будетъ!
А серебромъ — подкуй коня, кто хочетъ

(Сильное волненіе между выборныхъ отъ шляхты.)

КОМЛЯ, КОЗАЧІЙ АТАМАНЪ

(объясняетъ, что онъ готовъ привести Димитрію войскъ).

ОДОЕВСКІЙ.

Ужели-же козакъ у насъ похитить
И славу, и богатую добычу?

— — — — —
Мы въ мирѣ съ Крымомъ, съ Турками и съ Шведомъ.
Уже давно всю нашу молодежь
Такой нежданно-долгій миръ тревожить;
Давно покрылись ржавчиною сабли....
Порѣ! Гайдѣ — на царскія владѣнья!...
И другу мы пособимъ, ну — и прибыль,
Да и почетъ доставимъ Польшѣ....

нѣсколько шляхтичей.

Правда!

Война, война съ Москвою!

ОСТАЛЬНЫЕ.

Рѣшено! —

По голосамъ рѣшимъ!

САПѢГА

(встаетъ).

Коронный маршалъ!

Вели молчать: хочу держать я слово.

МНОЖЕСТВО ГОЛОСОВЪ.

Война, война съ Москвою!

САПѢГА.

Стойте: слово!

Вы, маршалъ, долгъ исполнить не хотите?....

КОРОННЫЙ МАРШАЛЪ.

Вы видите, что это не возможно.

САПѢГА.

Какъ? И коронный маршалъ также купленъ?...

На сеймѣ, значить, больше нѣтъ свободы?

Да бросьте-жь жезлъ, въ знакъ общаго молчанья:

Я требую, упорствую, хочу!...

(Коронный маршалъ бросаетъ свой жезлъ на средину палаты; говоръ стихаетъ.)

О чёмъ тутъ спорить? развѣ мы не въ мирѣ,
Не въ полномъ соглашеніи съ Москвою?
Я, полномочный короля посолъ,
Я на двадцать лѣтъ вѣрно, самолично
Скрѣплялъ съ Москвой условье перемирья:
Я поднялъ руку правую къ соборамъ
Во имя королевское и Польши....
Царь слово держить.... Но зачѣмъ-же клятвы,
Зачѣмъ-же и святыя договоры,
Коль можно ихъ нарушить сеймомъ сразу?

ДИМИТРІЙ.

Князь Левъ Сапѣга! Вы намъ говорите,
Что миръ съ царемъ Московскимъ заключили?
Неправда: царь одинъ Московскій — я;
Во мнѣ Москвы величіе; за мною
Наслѣдная держава Іоанна....
Коль Поляки миръ съ Русью заключать,
Такъ заключать съ ея царемъ законнымъ —
Со мною: договоръ вашъ не пригоденъ.

ОДОВЕВСКІЙ.

А намъ-то что за дѣло? Мы тогда
Хотѣли такъ — теперь хотимъ другова.

САПѢГА.

А! вотъ куда зашло!... И не найдется
Здѣсь никого, кто-бъ сталъ теперь за правду?
Такъ стану я, такъ я сорву личину,
И обнаружу истину. Какъ? Примасъ,
Ты можешь такъ сочувствовать усердно
Налѣтной, недоказанной молвѣ?
Иль можешь такъ искусно притворяться?
Какъ? Польскіе сенаторы доступны
Для первой сплетни? Какъ?... И ты, король,

Такъ слабодушень, что повѣрилъ сплетни?
Да развѣ вы не вѣдали доселѣ,
Что были вы игрушкою въ рукахъ
У воеводы хитраго, что онъ-то
И сочинилъ вамъ русскаго царя,
Такого честолюбца, самозванца,
Что за́года, на нашихъ-же глазахъ,
Свою Москву родную намъ-же дѣлитъ?
Напоминать объ этомъ вамъ, помимо
Всѣхъ клятвенно-скрѣпленныхъ договоровъ,
Не нужно, а скажу, что воевода
Дочь младшую ему-же, самозванцу,
Помолвилъ.... Будто въ Рѣчи-Посполитой
Всѣ слѣпы такъ, что разглядѣть не могутъ,
Гдѣ омутъ? Но зачѣмъ-же намъ вдаваться
Въ опасности, въ случайности войны
На пользу воеводы Сендомира
И быть ступенькой для его Марины,
Чтобъ легче ей взойти на русскій тронъ?
Онъ — мало *подкупаетъ* — *покупаетъ*....
Про сеймъ теперь ужъ я не говорю:
Что сеймъ, когда по Кракову повально
Принаняты и праздные ватаги
И тридцать тысячъ праздныхъ лошадей?....
Сторонники его и здѣсь, въ палатѣ,
Свободный голосъ заглушить хотятъ
Не право, покупными голосами....
Но страхъ душъ правдивой не причастенъ,
А потому, пока течетъ по жиламъ
И не застыла родовая кровь,
Упорно я отстаиваю право
Свободой мнѣ дарованнаго слова:

Я заручался мирово съ Москвою —
И *по рукамъ* мнѣ свято по неволѣ.

ОДОЕВСКІЙ.

Не слушайте его! — По голосамъ.

(Епископы — краковскій и виленскій встаютъ и становятся на-сторону Одоевскаго, чтобы отбирать голоса.)

МНОГІЕ.

Война! война съ Москвою!

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ

(Сапъгъ).

Панъ, сдавайся!

Нельзя противу видимости спорить,
Иначе выйдетъ неразумный споръ
И несогласье.

КОРОННЫЙ КАНЦЛЕРЪ

(сходитъ со ступенекъ трона, и говоритъ Сапъгъ).

Король васъ очень просить,
Чтобъ какъ нибудь, разнорѣчивымъ мнѣньемъ,
Разстроены не былъ общій голосъ сейма.

ПРИДВЕРНИКЪ

(на ухо Одоевскому).

Васъ просятъ: стойте смѣло на своемъ,
А просить — цѣлый Краковъ, за дверями.

КОРОННЫЙ МАРШАЛЬ

(Сапъгъ).

Рѣшенье обще: лучше — согласитесь!

КРАКОВСКІЙ ЕПИСКОПЪ

(отобравъ съ одной стороны голоса).

На право — всѣ согласны.

САПЪГА.

Пусть согласны,

А всё-таки и всѣмъ скажу я: нѣтъ!

Я сеймъ, по праву, распускаю: Veto!
Кричите, какъ хотите, но вашъ крикъ
Никѣмъ, нигдѣ не можетъ быть услышенъ!

*(Общее смятеніе. Король встаетъ съ трона. Перила раз-
двигаются. Шумъ. Выборные обнажили сабли и сверкаютъ
ими, справа и слева, передъ Сапъгой. Епископы, съ обѣихъ
сторонъ прикрываютъ его своими столами.)*

Чтò видимость? въ ней нѣту даже смысла,
Затѣмъ, что смыслъ-то есть, да не у всѣхъ.
Что для слѣпаго значить очевидность?
Что потерять, пожалуй — все, тому,
Кто не имѣетъ ничего? Для нищихъ
Есть развѣ выборъ? Нѣту: нищій долженъ
Служить тому, кто милосердно кормить
И обуваетъ за продажный голосъ:
Не счѣтъ, а вѣсь быть долженъ голосамъ:
То государство, рано или поздно,
Обрушится, гдѣ видимость царить,
А не разумье дѣло разрѣшаетъ.

ОДОВЕВСКІЙ.
Вы слушайте извѣтчика!

ВЫБОРНЫЕ.
Долой!

Долой его! Рубите на куски!

АРХІЕПИСКОПЪ ГНѢЗНЕНСКІЙ
*(вырываетъ изъ рукъ своего капеллана крестъ и становится
между спорщиками.)*

Миръ! . . . Уступи, Сапъга благородный!
Ужели сеймъ быть можетъ . . . окровавленъ?

(Епископамъ.)

Скорѣй его отсюда . . . Потихоньку . . .
Въ дверь боковую . . . Защитите грудью,
Чтобы толпа въ куски не растерзала . . .

(Сапѣга, всё-еще грозя очами, насильно уводится епископами. Архіепископы Гнѣзненскій и Львовскій удерживаютъ въ это время выборныхъ отъ шляхты. При общемъ шумѣ и звукѣ сабель, палата пустѣетъ; остаются только: Димитрій, Мнишекъ, Одоевскій и Козачій атаманъ.)

ОДОЕВСКІЙ.

Мы промахнулись. — — — —

— — — — Только не отсюда!

Вы помощи и ждите: пусть тамъ Польша

Съ Москвою въ мирѣ — справимся мы сами.

КОМЛЯ.

И кто бѣ подумалъ, чтобы онъ одинъ

На цѣлый сеймъ такъ дерзко поднялъ голосъ?

МНИШЕКЪ.

Король идетъ.

Входитъ КОРОЛЬ СИГИЗМУНДЪ; за нимъ коронные КАНЦЛЕРЪ, МАРШАЛЪ и нѣсколько ЕПИСКОПОВЪ.

КОРОЛЬ.

Позвольте васъ, царевичъ

Димитрій Іоанновичъ, обнять:

Вы признаны всей Рѣчью-Посполитой,

Хоть наше сердце васъ признало прежде.

Мы тронуты до глубины души

Судьбою вашей: столько въ ней уроковъ

Для насъ, владыкъ, по милости Господней.

ДИМИТРІЙ.

Я все забылъ, что прожито когда-то,

И на груди у васъ я возрождаюсь.

КОРОЛЬ.

Я много словъ не трачу, но спрошу васъ:
Какъ властвовать возможно королю,
Когда вассалы и его богаче?
Вы видѣли теперь примѣръ плачевный;
Но худа не подумайте о Польшѣ:
Случайно государственный корабль
Былъ потрясенъ грозою мимолетной.

МНИШЕКЪ.

А смѣлый кормчій и подъ шумомъ бури
Направить судно въ пристань безопасно.

КОРОЛЬ.

Сеймъ на двое распался. Я не властенъ,
Коль и хотѣлъ бы, миръ съ царемъ нарушить.
Но — сильные друзья у васъ.... Поляки
Могли-бъ и на свой страхъ вооружиться,
И козаки могли бы попытать
Удачи: тѣ, да и другіе вольны.

МНИШЕКЪ.

Весь *Рокошъ* подъ оружіемъ, государь!
Коль вашему величеству угодно,
Потокъ мятежный можете отвести
Вы на другое русло — на Москву.

КОРОЛЬ.

Царевичъ, вамъ сильнѣйшее орудье
Дастъ Русь; щитомъ вамъ будетъ грудь народа.
Русь побѣдима развѣ только Русью.
Какъ нынче говорили передъ сеймомъ,
Такъ точно говорите и въ Кремлѣ:
Всѣ вашимъ сердцемъ доблестнымъ плѣнятся,
И властвовать вы будете конечно.
Я въ Швеціи, наслѣдникомъ природнымъ,

Вступилъ когда-то на престолъ законно,
Но потерялъ отцовское наслѣдье,
Затѣмъ, что мнѣ противился народъ.

МАРИНА

(входитъ).

— — — — —
МНИШЕКЪ.

Всепресвѣтлѣйшій, вотъ къ твоимъ стопамъ,
Вотъ дочь моя молодшая Марина
Со всеусердной просьбой припадаетъ :
Ей руку, вмѣстѣ съ сердцемъ, предлагаетъ
Царевичъ Ты — одна у насъ опора.
Твоей рукѣ единой подобаешь
Ввести къ намъ въ домъ достойнаго супруга.

(Марина коленно-преклоняется передъ королемъ.)

КОРОЛЬ.

Согласенъ съ вами, братецъ! Если нужно,
И если вамъ пріятно, я готовъ
Быть у царевича въ отцово мѣсто.

(Димитрію, влагая руку Марины въ его руку.)

Я лучшій фантъ теперь вамъ вынимаю :
Богиню счастья Только-бы дожить,
Пока чета прелестная такая
Возсядетъ на достойномъ ей престолѣ.

МАРИНА.

Я, государь, всегда всеуниженно
Склонюсь передъ твоимъ великодушьемъ,
Всегда твоей остануся рабою.

КОРОЛЬ.

Царица, встаньте! Здѣсь вы не у мѣста —
Здѣсь мѣста нѣтъ возлюбленницѣ царской
И дочери такого воеводы,

Какимъ отецъ вашъ нами признается.

У насъ онъ — первый, и хотъ вы моложе

Сестеръ, однако жъ умъ вашъ и любезность

На высоту должны васъ возвести.

Вы же Русь возлюбите. ДИМИТРІЙ.

Король, изъ рукъ передаю я въ руки,

Какъ государь такому-жъ государю,

Вотъ эту клятву: принимаю руку

Дѣвицы Мнишекъ, какъ залогъ на счастье!

Клянусь, взойдя на отческій престолъ,

Взвести ее торжественно туда-же,

Какъ подобаетъ, истоя царицей!

На утро, послѣ свадьбы, ей даю,

Какъ брачный даръ, и Псковъ и Новый-Городъ,

Всю пригородъ ихъ, волости, концы,

И села, и посёлки, и угодыя,

Даю ихъ ей я въ вѣчное владѣнье —

И грамоту пишу въ Кремлѣ московскомъ!

За-то, что благородный воевода,

Въ защиту правъ моихъ, теперь собираетъ

По шляхтѣ ополченье, предлагаю

Милльонъ дукатовъ польскаго чекана!

— — — — —

Помогъ-бы мнѣ Господь и всѣ святыя,

А клятву я сдержу ненарушимо!

Какъ вы видите. КОРОЛЬ.

Вы сдержите: нельзя вамъ позабыть,

Чѣмъ одолжилъ васъ польскій воевода.

Тотъ, кто свое завѣдомое благо,

Кто дочь свою любимую бросаетъ

Какъ упованье лучшее на жребіи —

Такого друга надобно цѣнить,

И, если посчастливится, вамъ должно
Припомнить всѣ престольныя ступени
Съ одеждою вы сердца не смѣняйте —
И забудьте, что нашлись въ Польшѣ,
Что Польша васъ вторично породила.

ДИМИТРІЙ.

Я выросъ вѣдь въ бездольѣ, я узналъ,
Какъ только узы чувства и пріязни
Людей взаимно межъ собой связуютъ.

КОРОЛЬ.

Но вы теперь вступаете на царство,
Гдѣ нравы и обычаи не схожи
Съ такой землей свободою, какъ Польша.
Здѣсь самъ король, хотя изъ первыхъ первый
По блеску, долженъ часто уступать. . . .
Тамъ, на Руси — священныя права,
Семейныя; тамъ — *отческая* власть

.

— — — — —

ДИМИТРІЙ.

Я здѣсь свободу сладкую вкусилъ —
Перенести ее хочу въ отчизну

.

.

КОРОЛЬ.

Не торопитесь ! Время нужно выждать !
Послушайте, царевичъ, три совѣта,
И слѣдуйте имъ вѣрно : предлагаетъ
Вамъ ихъ старикъ, а въ старческомъ совѣтѣ
Для юноши всегда таится польза.

ДИМИТРІЙ.

О, научите, доблестный король !

Вы почтены, вы избраны народомъ
Свободнымъ: какъ достигнуть мнѣ того-же?

КОРОЛЬ.

— — — — —
Вы на Русь явились изъ чужбины,
Явились подъ вражескимъ оружіемъ —

Съумѣйте-жь, чтобъ про это позабыли,

Чтобъ признали васъ родичемъ Москвы,

И мѣстные обычаи уважьте.

Блюдайте слово, данное Полякамъ:

На новомъ тронѣ нуженъ старый другъ,

Иначе та-же самая рука,

Что вознесла, и низпровергнуть можетъ.

Но помните, что подражать не надо:

Обычай чуждый для страны не въ прокъ

— — — — —
А главное: къ чему-бъ ни приступали,

У матери своей благословитесь —

Вѣдь вы ее найдете?

ДИМИТРІЙ.

Государь!

КОРОЛЬ.

Какъ сынъ, ее вы чтить должны сыновне —

Почтите-же Межь вами и народомъ

Она да будетъ связію священной.

Конечно — нѣтъ законовъ для царей;

Но для людей законы естества

Не только есть, а — боязливо-чтимы

Для вашего народа нѣтъ святѣе

Залога, доказательства и права,

Какъ дѣтская — сыновняя любовь.

Я замолчу объ этомъ. Слишкомъ много

Препятствій неожиданныхъ прійдется
Вамъ побороть, чтобъ наконецъ достигнуть
До золотого вашего руна.
Вамъ предстоитъ не легкая побѣда.
Силёнъ и чтимъ престолъ царя Бориса.
Не съ нѣженкой вступаете вы въ споръ.
Въ чьи руки скипетръ вложенъ всенародно,
Того не скоро опрокинетъ вѣтеръ
Молвы пролетной: у того въ замѣну
Всѣхъ предковъ есть дѣянья и заслуги.
Я васъ ввѣряю вашему-же счастью:
Оно спасло васъ два-раза отъ смерти —
Спасло какимъ-то непонятнымъ чудомъ —
Оно-же васъ и увѣнчать должно.

МАРИНА. ОДОЕВСКІЙ.

ОДОЕВСКІЙ.

Ну, панна, я исполнилъ договоръ:
Жду, чтобъ мое усердье похвалили:

МАРИНА.

Да Хорошо, что мы теперь одни,
Одоевскій! Поговорить намъ нужно
О многомъ, очень важномъ. Чтобъ царевичъ
Не зналъ объ этомъ, впрочемъ. Еслибъ онъ
Могъ до конца небесному внушенью
Послѣдовать! Въ себя онъ вѣритъ такъ же,
Какъ свѣтъ въ него. И пусть его объемлетъ
Тамъ тьма, та тайна, изъ которой столько
Исходитъ дѣлъ и подвиговъ великихъ;
Но между нами все должно быть ясно.

У насъ въ рукахъ все дѣло; такъ разсудимъ:
За нимъ, конечно, имя, вдохновенье,
За нами — мысль, и если мы разумно
Идемъ къ желанной цѣли и успѣху,
Пускай онъ остается въ заблужденьи,
Что это все ему низпало съ неба.

ОДОВЕВСКІЙ.

Повелѣвайте, панна! Я дышу,
Живу затѣмъ, чтобъ вашимъ быть слугою.
Уже-ль мнѣ занимателенъ вопросъ
О томъ, кто сядетъ на московскомъ тронѣ?
Меня величье ваше занимаетъ
И слава: я за нихъ готовъ отдать
И жизнь, и кровь — всю до послѣдней капли.
Вѣдь для меня ужъ не бывать весны;
Зависимый и бѣдный, я не смѣю
Моихъ желаній дерзостно возвысить;
Но милость вашу я снискать хочу
И домогаюсь одного я только,
Чтобъ, панна, вы взошли на высоту;
Затѣмъ — пускай другой владѣетъ вами!
Вы всё-таки мое произведеніе.

МАРИНА.

Затѣмъ и я сердечно васъ люблю,
И дѣло вамъ спокойно довѣряю.
Король его считаетъ вовсе ложнымъ.
Я вижу пресвѣтлѣйшаго насквозь:
Игра съ Сапѣгой тайная — и только.
Хотя ему, конечно, по душѣ,
Что мой отецъ, кого онъ такъ боится,
Что все дворянство, страшное ему,
Вмѣшалось въ это дѣло, отклонило

Всю силу къ чужеземной сторонѣ;
Но, всё-таки, онъ самъ въ борьбу не вступитъ,
А всю удачу съ нами раздѣлитъ.
Насъ побѣдятъ — ему тѣмъ легче будетъ
Нагнуть всю Польшу подъ свое ярмо.
Одни мы въ полѣ. Жеребій нашъ выпалъ.
Онъ — за себя; такъ, стало, мы — за насъ.

— — — — —
Вы — въ Кіевъ, съ войскомъ. Пусть дадутъ присягу
Царевичу Димитрію и мнѣ. —

Мнѣ, слышите? Необходимо-нужно. . . .

— — — — —
ОДОЕВСКІЙ.

— — — — —
МАРИНА.

Мнѣ мало рукъ — мнѣ нужны и глаза.

ОДОЕВСКІЙ.

Повелѣвайте!

МАРИНА.

Самъ царевичъ съ вами,
И безотлучно: розно ни на шагъ;
Иначе мнѣ отвѣтите за каждый.

ОДОЕВСКІЙ.

Повѣрьте: ни на шагъ не отпущу.

МАРИНА.

Неблагодарны люди! Какъ почуветь,
Что царь — тотчасъ и сброситъ наши путы.

— — — — —
.....
.....
— — — — —
.....

МАРИНА. ОДОЕВСКІЙ. ОПАЛИНСКІЙ. БѢЛЬСКІЙ
и множество шляхтичей.

ОПАЛИНСКІЙ.

Намъ очень нужно денегъ, патронесса!
Сеймъ истощилъ въ конецъ насъ, а вѣдь надо
Тебя поставить русскою царицей.

МАРИНА.

Епископъ Каменецкій, онъ-же Кульмскій,
Подъ общинный залогъ земли и душъ
Вамъ вышлетъ деньги. За его порукой,
Продайте, или заложите избы
Своихъ крестьянъ, все обратите въ деньги
На вашего коня и на оружье!
Война — торговецъ смѣтливый: пожалуй,
Хоть изъ желѣза золото скуеть.
Москва убытокъ въ десять разъ оплатитъ.

БѢЛЬСКІЙ.

Двѣ сотни пьютъ теперь еще въ корчмѣ.
Войди туда и выпей съ ними кубокъ,
Такъ всѣ твои: я коротко ихъ знаю.

МАРИНА.

Жди: ты туда сейчасъ меня проводишь.

ОПАЛИНСКІЙ.

— — — — —
Ты рождена, конечно, королевой.

МАРИНА.

Конечно. Ей и буду непремѣнно.

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ. Только вотъ-что: прикажи сѣдлатъ

Ты иноходца бѣлаго, садися,
Броней покройся, и — вторая Вауда —
Сама води безстрашныя дружины.

МАРИНА.

Зачѣмъ? Мой духъ вамъ соприсушимъ будетъ.
Войну не слабымъ женщинамъ вести!
Вамъ сборнымъ мѣстомъ — Кіевъ. Мой отецъ
Немедленно отправится туда,
И съ нимъ три тысячи коней. Мой деверь
Даетъ двѣ тысячи; да съ Дону
Мы ждемъ коней и всадниковъ въ подмогу.
Даєте вы присягу мнѣ?

ВСѢ.

Даемъ!

(Обнажаютъ сабли.)

ОДНИ.

ДРУГІЕ.

Vivat Marina!

Russiae regina!

(Марина рветъ на себѣ покрывало и раздаетъ куски шлях-
тичамъ. Всѣ, кромѣ нея, уходятъ.)

МНИШЕКЪ. МАРИНА.

МАРИНА.

Зачѣмъ, отецъ, такъ хмуренъ, если счастье
Нашъ каждый шагъ улыбкою встрѣчаетъ,
И всѣ для насъ берутся за оружье?

МНИШЕКЪ.

За тѣмъ-то именно! Все, все на ставку

Поставлено. О! это ополчение
Задавить силу твоего отца!
Опора есть, да грустно вѣдь подумать,
Какъ измѣнять и счастье и успѣхъ?

— — — — —
МАРИНА.

— — — — —
МНИШЕКЪ.

Ты вовлекла меня въ такое дѣло,
Что опасаюсь Слабый я отецъ
По королѣ я первый воевода;
И всѣхъ богаче Если-бъ мы *тогда*
Не заключили договора, ну — ничто-бы
Покоя не нарушило; но ты
Рвалась душой по-выше; скромный жребій
Твоихъ сестеръ тебѣ былъ не подѣлать;
Стремилась ты всечасно къ высшей цѣли;
Тянула руку къ царскому вѣнцу;
А я, родитель слабый, я для милой,
Для дочери, готовъ былъ заблуждаться —
И позволялъ себя вполне дурачить,
И грѣзѣ совѣсть честную повѣрить.

МАРИНА.
Какъ? Ты, отецъ, раскаялся? Да въ чемъ?
Не въ добротѣ-ль? . . . Тотъ капли не услышитъ,
Надъ кѣмъ неслышно пролилась рѣка.

МНИШЕКЪ.
Однако сестры счастливы покуда,
Хотя не коронованы — — — — —
— — — — —

МАРИНА.
Кто счастливъ?

Онѣ-то, сёстры? Развѣ это счастье,
Когда изъ дому моего отца
И воеводы я перевожуся
Въ домъ мужа моего и палатина?
Что новаго кому въ такомъ обмѣнѣ?
Какъ для меня должно быть это *завтра*
Пріятнѣй, чѣмъ *сегодня*? Какъ и чѣмъ
Одно и то же, все одно и то же!
Нѣтъ ни стремленья, даже ни надежды?
По мнѣ — одно: любовь или величье,
А все другое — ровно ничего.

МНИШЕКЪ.

— — — — —

МАРИНА.

Развеселись, мой дорогой родитель!
Довѣримся несущему потоку!
Не думай ты о жертвѣ принесённой —
А о давно-намѣченной ужь цѣли:
Подумай ты, что дочь свою увидишь
Царицей, въ полномъ царственномъ убранствѣ,
На томъ московскомъ царственномъ престолѣ,
Гдѣ возсѣдать твои-же будутъ внуки!

МНИШЕКЪ.

Я ни о чемъ не думаю, oprичь,
Какъ я тебя, дитя мое родное,
Въ вѣнцѣ увижу царскомъ. Такъ ты хочешь,
А я тебѣ не смѣю отказать.

МАРИНА.

Ещё — вотъ просьба, милый мой родитель!

МНИШЕКЪ.

Какая?

МАРИНА.

Неужели въ Сендомирѣ
Я схимницей все буду изнывать?
Мой жеребій далёко переброшенъ
Поверхъ Днѣпра: искать его мнѣ долго
И тяжело, сносить его — нѣтъ силы!
Ты знаешь самъ, что ожиданье — пытка,
И что его измѣрить можно только
Тоскливыми біеніями сердца.

МНИШЕКЪ.

Такъ что-же ты? Скажи: чего ты хочешь?

МАРИНА.

Пусти меня ты въ Кіевъ за удачей!
Тамъ буду черпать новости вседневно
Изъ свѣжаго, живаго рудника,
Тамъ, на предѣлахъ нашихъ царствъ обоихъ.

— — — — —

МНИШЕКЪ.

Ты вся теперь въ волненьи! Успокойся!

МАРИНА.

Какъ? упрекать меня теперь за то,
Во что ты самъ вовлекъ меня.

МНИШЕКЪ.

Нѣтъ! ты,

Ты вовлекла меня — твоя и воля!

МАРИНА.

Родитель мой любезный, если я
Московскою царицей буду, ты досмотришь,
Чтобъ Кіевъ былъ у насъ съ тобой въ предѣлахъ:
Ты царствовать тамъ будешь.

МНИШЕКЪ.

Грезить ты!

Тебѣ ужè сама Москва тѣсна;
Ты польскія владѣнья отбираешь?

МАРИНА.

Да Кіевъ развѣ Польша? Тамъ Варяги
Спокѣнъ-вѣка наслѣдственно княжили.
Я лѣтопись старинную читала
И вникла: онъ отъ русскаго княженья
Оторванъ — надо и назадъ отдать.

МИИШЕКЪ.

Се! Се! Не говори при воеводѣ!

(Слышны трубы.)

Здѣсь, говорятъ, и письма-то вскрываютъ.

ВТОРОЙ АКТЪ.

—

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Монастырь. Бѣлое озеро.

По сценѣ переходитъ длинный рядъ МОНАХИНЬ, въ черныхъ рясахъ и покрывалахъ. На нихъ смотритъ МАРѠА изъ подъ бѣлаго покрывала; она уединенно склонилась надъ надгробнымъ камнемъ. ОЛЬГА выходитъ изъ ряда, съ минуту смотритъ на МарѠу и подходитъ къ ней.

ОЛЬГА.

Весна идетъ и зиму разбудила,
А у тебя къ ней сердце не лежитъ?
Вѣдь вотъ и солнце, да и ночь короче;
Ледъ ломится по рѣчкамъ и оврагамъ,
И сани — ужь не сани — челноки,
И птицы перелетныя — вонъ тянуть
Земля вздохнула; обновленный воздухъ
Всѣхъ выманилъ на монастырскій дворъ

Изъ душевныхъ келій; только ты одна
Печальна, общей радости не дѣлишь.

МАРѢА.

Оставь меня, не покидай сестеръ.
Кому есть радость въ свѣтѣ — есть надежда!
Мнѣ ничего не принесетъ весна:
Все прошлое, какъ слѣдуетъ, за мною.

ОЛЬГА.

Неужели ты вѣкъ не перестанешь
Оплакивать потеряннаго сына
И прежнее величіе твое?
Я слышала, что время проливаетъ
Бальзамъ на раны сердца: отчего-же
Оно безсильно только надъ тобой?
Была ты царства мощнаго царицей
И матерью цвѣтущаго младенца;
Онъ былъ случайно у тебя похищенъ;
Ты скрылася въ стѣнахъ монастыря,
Здѣсь, на предѣлѣ всякой жизни Что-жь?
Шестнадцать лѣтъ съ поры той миновало,
Шестнадцать разъ юнѣль Господній міръ
И измѣнялся — ты не измѣнилась:
Ты холодна, какъ памятникъ надгробный,
Обсаженный цвѣтами юной жизни;
Похожа ты на неподвижный обликъ,
Изваянный художникомъ изъ камня,
И навсегда *однимъ* запечатлѣнный.

МАРѢА.

Да, годы всю меня окаменили
На память о судьбѣ моей ужасной!
Я не могу ни сдвинуться съ былаго,
Ни позабыть того, что было прежде.

То сердце слабо, ежели ужь время
Ему способно раны заживить
И замѣнить, что вѣкъ незамѣнимо.
Моей печали подкупить нельзя:
Какъ сводъ небесный путника повсюду
Сопровождаетъ, такъ и скорбь меня.
Она меня объяла, словно море,
И не изсякнетъ никогда отъ слезъ.

ОЛЬГА.

А! Посмотри: вонъ тамъ столпились сестры
Вокругъ мальчишки-рыбака. Онъ вѣсти
Принесъ намъ изъ далекой стороны,
Гдѣ есть жильё и люди. Посмотри-же —
Теперь отливъ и улицы свободны.
Уже-ль тебя не тянетъ любопытство?
Мы всѣ здѣсь словно умерли для свѣта,
Но слушаемъ о немъ еще охотно.
Пойдемъ на берегъ: тамъ съ тобой мы можемъ
Пожаромъ волнъ спокойно любоваться.

МОНАХИНИ *подходятъ съ маленькимъ* РЫБАКОМЪ.

КСЕНИЯ и ВЛЕНА.

Скажи, скажи, что новаго?

АЛЕКСІЯ.

Что въ міръ?

РЫБАКЪ.

Дозвольте, сестры, духъ перевести.

КСЕНІЯ.

Война, иль миръ?

АЛЁКСІЯ.

Кто властвуеть надъ міромъ?

РЫБАКЪ.

Пришелъ корабль въ Архангельскъ ото льдовъ,
Гдѣ, говорятъ, и кровь-то замерзаетъ.

ОЛЬГА.

А какъ зашелъ онъ въ Ледяное море?

РЫБАКЪ.

То англійскій купеческій корабль.
Къ Архангельскому въ первый разъ заходитъ.

АЛЁКСІЯ.

Ой! Люди гдѣ не будутъ изъ наживы!

КСЕНІЯ.

Теперь отъ міра никуда не скрыться.

РЫБАКЪ.

Да это новость малая, а вотъ что:

Молва другая по-свѣту прошла....

АЛЁКСІЯ.

Что? что?

ОЛЬГА

Скажи, пожалуйста, скорѣе!

РЫБАКЪ.

На свѣтѣ снова появились дива:
Возстали изъ могилы мертвецы.

ОЛЬГА.

Какъ-такъ?

РЫБАКЪ.

А вотъ-какъ: Дмитрій-то царевичъ
(Тужили лѣтъ шестнадцать, говорятъ,

По немъ по мёртвомъ) — Дмитрій-то царевичъ
Теперь вѣдь въ Польшѣ.

ОЛЬГА.

Что? Царевичъ Дмитрій?

МАРѢА

(подходя).

Мой сынъ!

ОЛЬГА.

Скрѣпился! сердце удержи,
Пока всѣ сестры не слышали вѣсти.

АЛѢКСІЯ.

Царевичъ Дмитрій! . . . Да его убили:
Онъ въ Угличѣ погибъ среди пожара.

РЫБАКЪ.

Вишь: отъ огня и полымя онъ спасся;
Его укрыли гдѣ-это монахи;
Въ монастырѣ подросъ и появился,
Какъ, значить, время самое пришло.

ОЛЬГА

(Марѣя).

Царица! Ты дрожишь Вся поблѣднѣла? . . .

МАРѢА.

Я знаю, знаю: это-только грѣза!
Но такъ еще малѣйшая надежда
И страхъ меня тревожатъ, что невольно
Трепещетъ сердце.

ОЛЬГА.

Отчего-же грѣза?

Послушай Даромъ не идетъ молва.

РЫБАКЪ.

Какъ даромъ? Да вѣдь дѣло-то какое:
На насъ Литва поднялася, Поляки.

Царевичъ въ градъ престольный свой градетъ! . . .

(*Марѳа дрожитъ всѣми членами и должна опереться на Ольгу и Алѣксію.*)

КСЕНІЯ.

Да говори-жь ты, говори, что знаешь!

АЛѢКСІЯ.

Да ты скажи — откуда эти вѣсти?

РЫБАКЪ.

Я развѣ лгу? . . . Вѣдь граммата царева

Давно прошла, и намъ читалъ посадникъ

На городѣ, на вѣчевой на сходкѣ.

А писано, что, слышите, обманщикъ,

И намъ тому обману-бы не вѣрить

А мы-то вѣримъ. Коль была-бъ неправда,

Такъ Чтò тутъ ужь! . . . Царевичъ не солжетъ.

МАРѢА.

Такъ оттого мнѣ сердце защемило?

Уже-ль оно прислушливо такъ къ міру,

Что слухъ пустой его тревожить можетъ?

Шестнадцать лѣтъ оплакиваю сына —

И вѣрю сразу, что онъ живъ еще.

ОЛЬГА.

Шестнадцать лѣтъ ты плакала по мертвомъ,

А никогда и трупа не видала!

Молвы ничто не можетъ опровергнуть.

И кто такой-бы сторожилъ судьбу

Народовъ и надъ ними главъ вѣнчанныхъ? . . .

Открой-же въ сердце путь для упованья:

Свершилось нѣчто бòльшее, какъ видно,

Чтò ты недавно называла грёзой

Предѣла Всемогуществу вѣдь нѣтъ!

МАРҢА.

Уже-ли взоръ приходится на тѣ
Мнѣ обратить, что такъ давно ужь было?

— — — — —

На мертвыхъ я тогда не уповала
Не говори, сестра, мнѣ ничего!
Не раздражай видѣньемъ ложнымъ сердца!
Не допусти вторично потерять
Возлюбленнаго сына. Нѣтъ покоя
И мира нѣтъ въ душѣ моей давно! . . .
Охъ! и слова-то даже я забыла
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сына потеряла,
Не знаю я — жива, иль умерла?
Отчаянье безмѣрное! . . .

(Слышенъ ударъ колокола. Входитъ сестра-привратница.)

ОЛЬГА.

Что значить?

(Привратницѣ.)

Сестра! скажите — что такое значить?

ПРИВРАТНИЦА.

У монастырскихъ вратъ архіепископъ
Желаетъ быть допущенъ отъ царя.

ОЛЬГА.

Архіепископъ! Самъ архіепископъ! . . .
За чудомъ чудо! . . .

КСЕНІЯ.

Поскорѣе всѣ

На встрѣчу! . . .

(Монахи направляются къ воротамъ; при входѣ архіепископа преклоняютъ предъ нимъ колѣна; онъ ихъ освящаетъ благословеннымъ крестомъ.)

ІОВЪ.

Миръ обители, во имя
Отца и Сына и Святаго Духа!

ОЛЬГА.

Владыко! паству допусти къ рукъ
Святительской

ІОВЪ.

Гдѣ инокиня Марѳа?

ОЛЬГА.

Владыко, здѣсь: твоихъ ждетъ повелѣній!

(*Всѣ инокини удаляются.*)

ІОВЪ и МАРѲА.

ІОВЪ.

Самъ государь послать меня изволилъ
Къ тебѣ, царица, съ государскимъ словомъ:
Со своего высокаго стола
Онъ келію отшельницы попомнилъ,
Зане: какъ солнце лучезарнымъ окомъ
Вселенную повсюду освѣщаетъ,
Такъ государь своимъ всезрящимъ взглядомъ
Все освѣщаетъ царство, ибо свыше
Печалуетъ о всемъ и обо всѣхъ.

МАРѲА.

Я знаю, какъ рука его *печальна!*

ІОВЪ.

Познавъ твою великую печаль,
Позналъ онъ также и всю силу духа

И все твое безвременье, царица!
Разгнѣванъ онъ правдиво, какъ и ты,
Тебѣ-же нанесенною обидой

МАРѢА.

— — — — —

ІОВЪ.

Уразумѣй, царица! Отъ Поляковъ
Является какой-то отщепенецъ,
Какой-то бѣглый, безъизвѣстный служка,
Всей братіей отторгнутый соборнѣ,
И Божье имя призываетъ всеу
О имени младенца твоего,
Представшаго передъ престолъ Господній;
И сыномъ Іоанновымъ дерзаетъ
Сей скоморохъ народно величаться!
Миро-измѣнникъ, польскій воевода,
Ведетъ на Русь изъ Польши самозванца
Во всеоружьѣ, вѣрныя сердца
Къ предательству и мятежу склоняя.

— — — — —

Теперь свою державную *печаль*
Царь восхотѣлъ мнѣ возложить на рамо —
Послалъ къ тебѣ Душевно поминая
Покойнаго младенца, ты не можешь
Дозволить потревожить прахъ и имя
Во гробъ опочіющаго сына;
Ты не должна дозволить проходимцу
Права у непорочнаго похитить
Но объяви всегласно, что скитальца
Не признаешь за собственное чадо,
Что этой подлой крови не могло
Быть у тебя подъ сердцемъ благороднымъ.

Царь ждётъ, что ты конечно отречешься
Отъ выдумки позорной, наказуя
Ее правдиво заслуженнымъ гнѣвомъ.

МАРѢА

*(въ продолженіе всей рѣчи силится сдержать душевное
волненіе).*

Владыко, что я слышу? . . . Невозможно! . . .
Какой-же признакъ, поводъ, да и доводъ? . . .
Какъ кто-нибудь обманщику повѣрилъ?

ІОВЪ.

Со Іоанномъ сходство, письмена
И крестъ святой — вотъ чѣмъ обманщикъ этотъ
Къ себѣ привлёкъ не мало легковѣрныхъ.

МАРѢА.

Какой-же крестъ? . . . Повѣдай мнѣ, владыко!

ІОВЪ.

Крестъ золотой . . . въ немъ девять изумрудинъ . . .
А говоритъ, что князь Иванъ Мстиславскій,
Какъ воспріемникъ, имъ благословилъ.

МАРѢА.

Владыко, какъ? . . . И крестъ онъ этотъ знаетъ?

(подавляетъ сердечный порывъ.)

А объяснилъ обманщикъ, какъ онъ спастся!

ІОВЪ.

Онъ говоритъ, что былъ спасенъ дьякомъ
Отъ смерти и полночнаго пожара,
Что былъ въ Смоленскъ потайно увезенъ.

МАРѢА.

Да гдѣ-же пребывалъ-то онъ доселѣ?
Гдѣ, говоритъ, доселѣ онъ скрывался?

ІОВЪ.

Онъ выросъ въ Чудовомъ монастырѣ,

Не вѣдая и самъ то — кто такой? . . .
Бѣжалъ оттуда онъ въ Литву и въ Польшу,
Гдѣ, разъ, при сендомирскомъ воеводѣ
Узналъ свое происхожденье

МАРѢА.

Будто
Такою побасенкой онъ нашелъ
Такихъ друзей, что крови не жалѣютъ?

ІОВЪ.

Царица, всѣ лукавы Поляки,
Завистливо на нашу землю смотрятъ
И ловятъ случай — какъ-бы имъ внести
Войну въ предѣлы русскіе.

МАРѢА.

Послушай! . . .
Но есть-ли легковѣрные въ Москвѣ?

ІОВЪ.

Царица, знаешь, что народа голосъ
Разносить вѣтромъ Перемѣну любятъ . . .
Имъ новость власти вдохновляетъ вѣру.
Не ложь, а правда въ спасенье Затѣмъ-то
И пожелалъ державный государь,
Чтобъ ты, по праву, съ глазъ сняла повязку
У цѣлаго народа: скажешь слово —
И для Руси обманщикъ сей — ничто,
Обманщикъ сей твой яко-бъ сынъ, царица!
Твое смущенье радуетъ меня:
Я вижу — скоморошество его

До глубины души тебя волнуетъ,
И гнѣвъ тебѣ ланиты зарумянилъ.

МАРѢА.

Но гдѣ, скажи мнѣ, гдѣ тотъ дерзновенный,
Что имя сына нашего присвоилъ?

ІОВЪ.

Изъ Кіева идетъ онъ подъ Черниговъ;
За нимъ толпа вооруженныхъ Ляховъ
И цѣлый хвостъ козаковъ, прямо съ Дону.

МАРѢА.

Благодарю Тебя я, Всемогущій,
Благодарю, что далъ Ты наконецъ
Мнѣ право права, вмѣстѣ съ правомъ мести.

ІОВЪ.

Да что съ тобой? Какъ разумѣть велишь?

МАРѢА.

Всѣ Силы и Господствія, спасите!
Архангелы крылами осѣняйте
Его хоругвь!

ІОВЪ.

Какъ? . . . И тебя обманщикъ

МАРѢА.

Мнѣ сынъ онъ! Я по признакамъ всѣмъ знаю —
И признаю хоть по боязни царской
Онъ, самый онъ! Онъ живъ! онъ не далеко!
Долой, тиранъ, съ престола! Трепещи!
Въ конецъ не сгибла Рюрикова отрасль,
И царь грядетъ, наслѣдный царь грядетъ
Спросить у вѣрноподданныхъ отчета!

ІОВЪ.

Безумная, слова свои обдумай!

МАРӨА.

Вотъ наконецъ зардѣлся день отмѣстный:
На Божій свѣтъ выводить изъ могилы
Невинность угнетѣнную Господь!
Самъ Годуновъ, смертельный врагъ мой, долженъ
У ногъ моихъ пощады вымолять:
Услышаны горячія молитвы!

ІОВЪ.

Ужели мечь слѣпить тебя на столько?

МАРӨА.

А не на столько страхъ слѣпить царя,
Что онъ себѣ спасенья ожидаетъ
Отъ женщины, обиженной самимъ-же?

— — — — —

Мнѣ отречься надобно отъ сына,
Что изъ могилы вызвало мнѣ чудо?
И отречься для чего? Въ угоду
Всероднаго убійцы моего?
Мнѣ избѣгать Господняго спасенья
Отъ материнскихъ скорбей и печалей,
Ниспосланнаго свыше наконецъ?

ІОВЪ.

— — — — —

МАРӨА.

Не убѣждай, а выслушай меня!
Не выслушавъ, ты не уйдешь, владыко!
Охъ, наконецъ вздохнула грудь свободно.
Мнѣ наконецъ пришлось излить всю желчь,
Подъ сердцемъ хороненную! — — —

— — — — — Скажи мнѣ:

Кто за-живо зарылъ меня въ могилу,
Со всею силой свѣжею моею

И дѣвственнымъ волненьемъ юныхъ персей?
Кто отнялъ сына милаго отъ лона
Подъ ножъ убійцы? Не найдешь ты словъ
Для передачи всѣхъ моихъ страданій,
Когда меня безсонница томила
Всѣ ночи, вмѣстѣ съ ясными звѣздами,
Когда платила я за каждый часъ
Тоскою и горячими слезами.
Насталъ и часъ спасенія и мести:
Мнѣ мощь влагаетъ въ душу Всемогущій!

ІОВЪ.

Не мнишь-ли ты, что царь тебя боится?

МАРѢА.

Онъ у меня во власти: только слово,
Одно-вотъ слово — и ему конецъ!
За нимъ-то онъ послалъ тебя, владыко!
Все на меня — и Русь, и Польша — смотреть.
Признай теперь я сыномъ Іоанна
Царевича — ему удастся все;
А не признай — все словно въ воду канетъ.
Вотъ почему: кто и когда повѣритъ,
Чтобы, какъ я, обиженная мать
Отъ подлиннаго сына отреклася,
Съ убійцею семейнымъ по согласью? . . .
Скажу другое слово — цѣлый міръ
Отступитъ отъ обманщика. Не правда-ль?
Вотъ это слово вамъ теперь и нужно;
И услужить могу я Годунову.

ІОВЪ.

Нѣтъ, не царю, а царствію всему:
Ты отъ войны спасла-бы государство
Правдивымъ словомъ. Ты сама, царица,

Не можешь въ смерти сына твоего,
По совѣсти и чести, сомнѣваться.

МАРѢА.

Я плакала объ немъ шестнадцать лѣтъ,
А мертвымъ не видала; да и въ смерти
Его затѣмъ лишь только убѣдилась,
Что всѣ сказали что мнѣ было тяжело
Теперь — молвѣ всеобщей, да и сердцу
Я вѣрю, что мой сынъ не умиралъ.
Сомнѣніемъ заблудшимся не должно
Переступать прямыхъ путей Господнихъ.
Но, если-бъ я подъ сердцемъ не носила
Его, теперь подъ сердцемъ мщенье носить
Его-же. Я того усыновляю,
Кого мнѣ возродили небеса.

ІОВЪ.

Несчастливая! Ты съ сильнымъ не борися!
Его рука, ты знаешь, далека:
Въ обители достанетъ.

МАРѢА.

Пусть убьетъ —

Мой голосъ вѣдь, не то чтобъ изъ темницы,
Изъ за могилы будетъ слышенъ міромъ
Въ ту и въ другую онъ повергнуть можетъ,
Да вотъ чего не можетъ: приказать
Мнѣ говорить со словъ его, и даже
Не сможетъ онъ при хитрости твоей.

ІОВЪ.

Твое, царица, остальное слово? . . .
Но что-жъ сказать царю и государю?

МАРѢА.

Пусть на небо надѣтся, коль смѣтъ,
И на народъ, коль можетъ!

ІОВЪ.

Помолчи,

Не завершай заранѣй преступленья:

Ты бѣремя берешь себѣ на плечи,

Да бѣремя-то плечи къ зѣми клонить.

МАРѢА одна.

Сынъ — несомнѣнно! . . . Дальніе края

И дикія пустыни возмутились —

И за него оружіе подняли;

Полякъ-вельможа, гордый палатинъ,

Рѣшается отдать ему въ супруги

Не дочь свою, а золото литое

И я одна, я, мать, его отвергну?

И буду очевицей нѣмой,

Какъ вихорь общей радости и счастья

Всю Русь охватить въ день вѣнчальный сына?

Онъ *сынъ* мой — знаю, чувствую и вѣрю!

Хочу повѣрить и берусь за якорь,

Ниспущенный мнѣ съ неба для спасенья.

Онъ! онъ! Идетъ вооруженно —

Спасти меня и отомстить врагу! . . .

Я слышу звуки громкихъ трубъ и бубновъ!

Собирайтесь отъ сѣвера и юга,

Изъ всѣхъ степей, изъ вѣковыхъ лѣсовъ,
Всѣ языки, державному на встрѣчу,
По всѣмъ путямъ! сѣдлайте и коня,
Взнуздайте и оленя и верблюда!
Какъ волны моря, слейтесь ото-всюду
Безчисленно подъ царскую хоругвь!
О, для чего же здѣсь съ тоской-печалью
(А имъ конца и мѣры нѣтъ) я гибну?
Ты, солнце вѣковѣчное! Ты ходишь
Кругомъ земли — снеси мои желанья!
Ты воздухъ, необъятный и летучій,
Вѣй на *него* моимъ благословеньемъ.
Опричь молитвъ и скорби ничего
Нѣтъ у меня. Изъ глубины душевной
Ихъ окрыленно шлю я въ вѣси неба,
Чтобъ воинствомъ помощнымъ низошли
Ко моему возлюбленному сыну.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Пригорокъ, осѣненный деревьями. Открывается вдали веселая окрестность; широкая рѣка; кругомъ зеленныя нивы; тамъ-и-сямъ мелькаютъ церковныя купола нѣсколькихъ городовъ; за сценой трубы и звуки военной музыки.

Появляются ОДОЕВСКІЙ *и прочіе* ВОЕНАЧАЛЬНИКИ;
вслѣдъ за ними ДИМИТРІЙ.

ОДОЕВСКІЙ.

Лѣсъ окружить всѣмъ войскомъ, а покуда

Осмотримъ мы окрестности съ пригорка.

*(Нѣкоторые изъ присутствующихъ уходятъ. Димитрій
выступаетъ на авансцену.)*

ДИМИТРІЙ

(осматриваясь кругомъ).

Га! Что за видъ!

ОДОЕВСКІЙ.

Теперь ты предъ собою
Свое-же царство видишь, государь!
Русь! . . .

РАЗИНЪ.

На межѣ поставленъ столбъ московскій;
А польскія владѣнья прекратились.

ДИМИТРІЙ.

Что-жь это? Днѣпръ?

ОДОЕВСКІЙ.

Нѣтъ, государь, Десна:
Вонъ это — кремль въ Черниговѣ бѣлѣетъ.

РАЗИНЪ.

А дальше — вонъ сверкаютъ купола:
Самъ Новгородъ-то Сѣверскій.

ДИМИТРІЙ.

Прелестно!

Что за поляны!

ОДОЕВСКІЙ.

Государь, весна!
Беременна роскошной жатвой нива.

ДИМИТРІЙ.

И взглядомъ не окинешь.

РАЗИНЪ.

Государь!

По правдѣ молвить, это вѣдь начатокъ

Руси. Идетъ она необозримо
Къ востоку и къ востоку, а на сѣверъ
Предѣлъ ей тамъ, гдѣ кончились предѣлы
Всеми живому. — — — — —

— — — — —
РАЗИНЪ.

— — — — — Посмотри: нашъ царь
Задумался надъ чѣмъ-то.

ДИМИТРІЙ.

И вотъ эти

Поля, доселѣ мирные, я долженъ
Наслѣдовать оружіемъ, какъ врагъ.

ОДОЕВСКІЙ.

Такъ, государь, и слѣдуетъ.

ДИМИТРІЙ.

Послушай:

Вѣдь ты Полякъ, а я Москвичъ природный,
Вѣдь это все — все родина моя.

Прости меня, прости, земля родная!

Прости меня и ты, столбъ пограничный

Съ наслѣдственнымъ родительскимъ орломъ!

Простите, что съ оружіемъ враждебнымъ

Я въ мирный храмъ насильственно вхожу,

Чтобъ возвратить законное по праву

И достоянье отчее, и имя!

Здѣсь властвовало тридцать поколѣній

Моихъ родоначальниковъ-Варяговъ;

Но дубъ упалъ — осталась только отрасль,

Единственно въ моемъ лицѣ осталась

Неизреченной милостью Господней

— — — — —

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Русское село. Церковный погостъ. Звучить набатъ.

Глѣбъ, Илья и Тимошка выходятъ на сцену; за поясами у нихъ топоры.

ГЛѢБЪ

(выходя изъ избы).

Куда народъ?

ИЛЬЯ

(выходя изъ другой избы).

Да кто въ набатъ ударилъ?

ТИМОШКА.

Сосѣдушка, скорѣе всѣ на сходку!

Входятъ ОЛЕГЪ и ИГОРЬ; за ними толпа крестьянъ, бабъ и ребятишекъ съ пожитками.

ГЛѢБЪ.

Куда вы всѣ, бабѣ и ребятѣжъ?

ИГОРЬ.

Бѣги скорѣй: подъ Муромомъ Поляки,
И бьютъ и рѣжутъ, кто не попадется.

ОЛЕГЪ.

Бѣги, бѣги! . . . Скорѣе! . . . Въ городъ! въ городъ!

А ужь село со всѣхъ концовъ зажгли.

Всѣмъ міромъ снялись — прямо въ царскій станъ.

ТИМОШКА.

Ну, вонъ и тѣ!

Съ противоположной стороны выходятъ ИВАШКА и ПЕТРУШКА; за ними вооруженная толпа.

ИВАШКА.

Да здравствуетъ на вѣки
Великій князь Димитрій!

ГЛѢБЪ.

Это что?

ИЛЬЯ.

Ты что такое? . . .

ТИМОШКА.

Да ты кто-такой?

ПЕТРУШКА.

А вотъ: кто только носитъ крестъ — за мною!

ТИМОШКА.

Да что-жь такое? Все село бѣжитъ

Отъ Поляковъ, а ты — вотъ такъ и лѣзешь

Подъ лапу имъ? Аль врагъ то — не врагъ?

ПЕТРУШКА.

Какой онъ врагъ? . . . Онъ нашъ другъ, а хочетъ
Свое наслѣдье отобрать, по правдѣ

Входитъ посадникъ и начинаетъ читать манифестъ Димитрія. Между поселянами замѣтно колебаніе, и они дѣлятся на двѣ стороны. Поселянки первыя склоняются въ пользу Димитрія и даютъ перевѣсъ его партіи.

Станъ Димитрія. Онъ разбитъ въ первомъ сраженіи, но войско царя Бориса одержало побѣду какъ бы нѣхотя и не пользуется своимъ успѣхомъ. Димитрій, въ отчаяніи, хочетъ умертвить себя; Комля и Одоевскій съ трудомъ его отговариваютъ. Своевольныя поступки казаковъ, даже противъ самого Димитрія.

Царскій станъ. Самъ царь Борисъ находится въ отсутствіи, и это очень вредитъ царю, потому что его больше страшатся, чѣмъ любятъ. Войско сильно, но

очень не надёжно. Воеводы несогласны между собою, и, по разнымъ причинамъ, держать сторону Димитрія. Одинъ изъ воеводъ, Салтыковъ, объявляетъ себя сторонникомъ Димитрія, по убѣжденію. Его переходъ влечетъ за собою самыя важныя послѣдствія: большая часть войска переходитъ къ Димитрію.

Борисъ въ Москвѣ. Онъ еще не утратилъ самодержавной своей власти и окруженъ вѣрными слугами; но постоянно огорченъ худыми вѣстями. Страхъ народнаго возстанія въ Москвѣ не дозволяетъ ему принять военачалія надъ войскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ царь, стыдится вступить въ борьбу съ обманщикомъ. Сцены между имъ и патріархомъ.

Со всѣхъ сторонъ гонцы приносятъ печальныя вѣсти, и опасенія Бориса увеличиваются все болѣе и болѣе. Онъ слышитъ объ измѣнѣ крестьянъ и уѣздныхъ городовъ, о бездѣйствіи и мятежѣ войска, о народномъ волненіи въ Москвѣ, о приближеніи Димитрія. Романовъ, тяжело оскорбленный Борисомъ, прибылъ въ Москву. Его прибытіе возбуждаетъ новое опасеніе царя. Приходитъ вѣсть, что бояре перебѣгаютъ изъ стана къ Димитрію и что все войско передалось ему.

Борисъ и Ксенія. Царь растроганъ и какъ отецъ, и въ разговорѣ съ дочерью открываетъ всю свою душу.

Борисъ достигнулъ престола преступленіемъ, но всѣ обязанности самодержавнаго владыки безтрепетно взялъ себѣ на рамена и выполнилъ добросовѣстно. Онъ — безцѣнный повелитель страны и истинный отецъ народа. Только въ своихъ личныхъ отношеніяхъ онъ гнѣвенъ, мстителенъ и суровъ. По своему уму и положенію онъ выше всего, что его окружаетъ. Долговременная привычка къ верховной власти, умѣнье повелѣвать людьми и самодержавная форма правленія развили въ немъ гордость до того, что онъ не въ силахъ пережить своего величія. Онъ видитъ ясно, что его ожидаетъ, но онъ еще царь и никогда не дойдетъ до униженія, потому что рѣшился умереть.

Онъ вѣритъ въ примѣты, и, въ настоящемъ настроеніи его духа, ему кажутся важными такія бездѣлицы, которыми онъ пренебрегалъ нѣкогда. Случайныя обстоятельства принимаетъ онъ за предвѣщаніе судьбы, и оно заставляетъ его прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ.

Незадолго до смерти, въ душѣ его происходитъ перемѣна: онъ кротко выслушиваетъ даже вѣстниковъ неудачи и стыдится прежнихъ порывовъ гнѣва. Онъ за-

ставляетъ разсказывать себѣ всё, до мельчайшихъ подробностей, мало того — награждаетъ разскащика.

Получивъ вѣсть объ окончательной неудачѣ, онъ хладнокровно и самоотверженно рѣшается покончить съ собою: облачается въ иноческую одежду, и въ послѣднее мгновеніе удаляетъ отъ себя дочь. Въ стѣнахъ обители должна она найти защиту отъ оскорбленій; сыну его Федору, какъ юношѣ, грозитъ меньшая можетъ быть опасность. Борисъ принимаетъ ядъ и удаляется въ уединенную горницу, чтобы умереть спокойно.

Общее смущеніе при вѣсти о смерти царя. Бояре составляютъ государскую думу и правятъ въ Кремлѣ. Романовъ (въ послѣдствіи царь и прародитель нынѣшняго императорскаго дома) является во главѣ вооруженнаго отряда передъ останками царя Бориса, присягаетъ сыну его Федору, и принуждаетъ бояръ послѣдовать его примѣру. Местъ и честолюбіе не сродны его душѣ: онъ служитъ единой правдѣ. Ксенію любитъ онъ безнадёжно и любимъ взаимно, не подозревая этой любви.

Романовъ спѣшитъ къ войску, чтобы склонить его на сторону юнаго царя. Волненіе въ Москвѣ, произведенное приверженцами Димитрія. Народъ врывается въ боярскіе дома, овладѣваетъ особами Федора и Ксе-

ніи, заключаетъ ихъ въ темницу и посылаетъ выборныхъ къ Димитрію.

Димитрій въ Тулѣ, на высотѣ своего благополучія. Войско ему присягнуло; ему подносятъ ключи отъ городовъ. Одна Москва, по видимому, противится. Димитрій ласковъ и любезенъ; съ благороднымъ сердечнымъ волненіемъ выслушиваетъ онъ вѣсть о смерти царя Бориса; прощаетъ обличеннымъ заговорщикамъ покушеніе на его жизнь; отклоняетъ отъ себя рабскія изъясненія покорности Русскихъ и выказываетъ намѣреніе уничтожить съ корнемъ низкопоклонничество. Напротивъ, окружающіе Димитрія Поляки обращаются съ Русскими сурово и презрительно. Димитрій изъясняетъ желаніе видѣться съ своею матерью и отправляетъ пословъ къ Маринѣ.

Посреди толпы Русскихъ, скопившихся въ Тулѣ около Димитрія, появляется человѣкъ, котораго царевичъ признаетъ сразу, и встрѣча съ которымъ въ высшей степени его обрадовала. Онъ удаляетъ отъ себя всѣхъ и, оставшись наединѣ съ этимъ человѣкомъ, приноситъ ему сердечную благодарность, какъ своему спасителю и благодѣтелю. Незнакомецъ объясняетъ, что Димитрій, безо всякаго сомнѣнія, очень обязанъ ему, и даже болѣе, чѣмъ самъ думаетъ. Димитрій вынуждаетъ его объясниться опредѣлительнѣе — и убійца законнаго царевича показываетъ всю правду. Онъ не

получилъ награды за убійство, и могъ ожидать отъ Бориса только смерти. Пылая мщеніемъ, онъ увидалъ случайно одного отрока и былъ пораженъ его сходствомъ съ царемъ Иваномъ. Случая нельзя было опустить. Убійца усыновилъ мальчика, бѣжалъ съ нимъ изъ Углича, поручилъ своего приемыша одному духовному лицу, принявшему участіе въ его предпріятіи и передалъ этому сообщнику драгоцѣнный крестъ, снятый имъ самимъ съ умерщвленнаго царевича. И вотъ теперь онъ отомстилъ своему врагу въ лицѣ этого отрока, котораго никогда не терялъ изъ виду и за которымъ слѣдилъ не замѣтно. Лжедимитрій, его орудіе, царитъ надъ Русью вмѣсто Бориса.

Во время этого разсказа въ душѣ Димитрія кипитъ борьба. Молчаніе его ужасно. Въ то самое мгновеніе, какъ онъ предается необузданному отчаянію, убійца выводитъ его изъ себя кичливымъ и дерзкимъ требованіемъ награды. Димитрій закалываетъ его.

Монологъ Димитрія. Онъ борется съ властолюбіемъ, но сознаніе необходимости — объявить себя царемъ, превозмогаетъ.

Являются выборные отъ Москвы и подчиняютъ городъ власти Димитрія. Ихъ принимаютъ сурово и съ грозными предосторожностями. Между ними находится патріархъ. Димитрій слагаетъ съ него патріаршее званіе и вслѣдъ затѣмъ осуждаетъ на смертную казнь одного

изъ знатныхъ Россіянъ, усомнившася въ его непод-
ложности.

Марѳа и Ольга ожидаютъ Димитріа въ роскошно-
убранной ставкѣ. Марѳа говоритъ о предстоящемъ
свиданіи болѣе съ волненіемъ и боязнію, чѣмъ съ на-
деждою, и трепещетъ того мгновенія, которое сулитъ
ей полное благополучіе. Ольга ее уговариваетъ, хотя
и сама не вѣритъ своимъ словамъ. Во время долгаго
пути онѣ успѣли обсудить всѣ обстоятельства, и вос-
торженность уступила мѣсто раздумью. Суровое мол-
чаніе и угрюмые взгляды стражей только увеличи-
ваютъ сомнѣнія.

Гремятъ трубы. Марѳа въ нерѣшимости: идти ли ей
на встрѣчу Димитріа, или нѣтъ? И вотъ онъ стоитъ
предъ нею, одинъ. При первомъ взглядѣ на царевича
въ сердцѣ Марѳы угасаетъ послѣдняя искра надежды.
Что-то невѣдомое стало между ними; природа не
сказалась: они на вѣкъ чужды другъ другу. Въ первое
мгновеніе была обоюдная попытка — кинуться другъ
другу въ объятія; но Марѳа отшатнулась назадъ. Дими-
трій замѣтилъ ея движеніе — и пораженъ. Знамена-
тельное молчаніе.

ДИМИТРІЙ.

И ничего не говоритъ тебѣ сердце? И не сказалась
во мнѣ кровь твоя?

МАРѲА (*молчитъ*).

ДИМИТРІЙ.

Голосъ естества святъ и свободенъ: не изнасиловать

его, не исказить. Забейся твое сердце при взглядѣ на меня — и мое отвѣтило бы, и палъ бы тебѣ на грудь покорный и любящій сынъ. Чему суждено — сбылось бы добро-склонно, любовно, искренно. Но ежели ты не чувствуешь, какъ мать, обдумай все, какъ великая княгиня, укрѣпи свой духъ, какъ царица. Меня судьба повергаетъ въ твои объятія неожиданнымъ сыномъ — прими же меня на свое лоно, какъ даръ небесный. Если бы я не былъ твоимъ сыномъ, какъ теперь, что же я отнимаю у твоего дитяти? Отнимаю я чтонибудь — только у твоего врага. Тебя и кровь твою извлекъ я изъ бездны, гдѣ тебя заживо похоронили, — извлекъ и возвелъ на «царское мѣсто». Пойми, что твой жребій скованъ съ моимъ. Ты — высоко стоишь возлѣ меня, и упадешь со мной. Народъ не спускаетъ съ насъ глазъ.

Ненавижу я скоморошества, облыжнымъ чувствомъ не кичуся, но передъ тобой благоговѣю и достойно преклоняю колѣна.

(Марѳа молчитъ; въ ней замѣтна сильная душевная тревога.)

Димитрій.

Рѣшайся! Не стѣсняяй своей воли, говори по душѣ. Я не требую ни лицемѣрія, ни лжи: требую истиннаго чувства. *Полно тебѣ казаться моею матерью, — будь ею.* Откинь отъ себя прошлое, прилѣпись всѣмъ сердцемъ къ настоящему! Если я не сынъ твой — я царь! За меня — сила, за меня — счастье. *Тотъ* лежитъ въ гробу, тотъ — прахъ, и ничего болѣе: у него нѣтъ сердца, чтобы любить тебя, нѣтъ взора, чтобы привѣтствовать. *Полюби того, кто живъ!*

(Марѳа плачетъ.)

ДИМИТРІЙ.

О, эти слезы — золотая роса! Пусть ихъ падаютъ, пусть на нихъ смотритъ народъ!

(Димитрій дѣлаетъ знакъ: пола шатра поднимается и толпы Русскихъ становятся зрителями этой сцены.)

Вѣздъ Димитрія въ Москву. Торжество пышно, но лица окружающихъ царевича угрюмы. Поляки и козаки въ главѣ поѣзда. Какая-то мрачность и боязнь нарушаютъ общее веселіе. Такъ и вѣетъ недовѣріемъ и предчувствіемъ бѣды.

Романовъ прибылъ въ войско въ недобрый часъ: онъ опоздалъ и возвратился въ Москву, чтобы защитить Θεодора и Ксенію. Попытки его напрасны; онъ становится узникомъ. Ксенія прибѣгаетъ подъ покровъ царицы Марѣы и бьетъ ей челомъ о защитѣ отъ Поляковъ. Здѣсь видитъ ее Димитрій и въ душѣ его вспыхиваетъ мгновенная, неодолимая страсть. Ксенія гнушается Димитрія.

Димитрій царь. Несетъ его вдаль грозная стихія, и онъ не можетъ противостать ей; его увлекаютъ страсти другихъ людей. Въ глубинѣ души своей онъ никому не довѣряетъ: у него нѣтъ ни друга, ни преданнаго сердца. Поляки и козаки вредятъ ему въ народномъ

миѣніи своею дерзостію. Даже то, что дѣлаетъ ему честь, то есть его любовь къ народу, простота обращенія, пренебреженіе къ стариннымъ льстивымъ обрядамъ и обычаямъ, даже и эти достоинства возбуждаютъ общій ропотъ. Иногда онъ необдуманно попираетъ ногами завѣтъ праотцевъ. Онъ преслѣдуетъ монаховъ, потому что долго вращался между ними. Бываютъ мгновенія, когда его гордость глубоко уязвлена, и тогда онъ становится причудливымъ деспотомъ. Одоевскій съумѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ человѣкомъ, удалилъ отъ него Русскихъ и окончательно упрочилъ свое вліяніе.

Димитрій задумалъ измѣнить Маринѣ. Онъ разсуждаетъ объ этомъ съ патріархомъ Іовомъ, а тотъ, въ надеждѣ отстранить Поляковъ, одобряетъ его замыслы и представляетъ ему царскую власть во всемъ ея величіи.

Марина прибыла въ Москву съ многочисленною свитою. Свиданіе съ Димитріемъ. Съ обѣихъ сторонъ коварство и холодность; но Марина лучше умѣетъ носить личину. Она торопитъ бракосочетаніемъ. Приготовленія къ пышному празднеству.

По приказанію Марины, Ксеніи подносятъ отравлен-

ный кубокъ. Смерть отрадна для молодой царевны: она боялась, что Димитрій поведетъ ее къ алтарю.

Неутолимая печаль Димитрія. Съ растерзаннымъ сердцемъ онъ становится подъ вѣнецъ съ Мариною.

Послѣ вѣнца, Марина открываетъ своему супругу, что она никогда не считала и не признавала его за истиннаго Димитрія, и оставляетъ его въ самомъ безпомощномъ, въ самомъ ужасномъ положеніи.

Между тѣмъ одинъ изъ воеводъ царя Бориса, Шуйскій ¹⁰⁾, пользуется возрастающимъ негодованіемъ народа и составляетъ заговоръ противъ Димитрія.

Романовъ, въ темницѣ, утѣшенъ неземнымъ видѣніемъ: ему является душа Ксеніи, заставляетъ его прозрѣть въ будущія счастливыя времена, повелѣваетъ ему спокойно дожидаться своего жребія и не обагрять своихъ рукъ въ крови. Въ словахъ призрака слышенъ намекъ, что Романовъ самъ нѣкогда взойдетъ на пре-

¹⁰⁾ У Шиллера: *Шинской* (Schinskoy). Прим. переводчика.

столь. Вскорѣ затѣмъ его приглашаютъ сдѣлаться участникомъ въ заговорѣ.

Салтыковъ горько упрекалъ себя, что измѣнилъ отчизнѣ, ради Димитрія; но не хочетъ быть вторично измѣнникомъ и невольно держится прежней партіи. Бѣда уже стряслась надъ головами: по крайней мѣрѣ, нужно отвратить ее хоть сколько нибудь, нужно ослабить власть Поляковъ. За свою попытку Салтыковъ платится жизнью, но считаетъ смерть заслуженною карою, и, умирая, самъ сознается въ этомъ Димитрію.

Казиміръ, братъ молодой польки Лодойской, тайно и безнадежно любившей Димитрія, въ дому Сендомирскаго воеводы, сопровождалъ Лжецаревича во всѣхъ походахъ и, по просьбѣ своей сестры, не одинъ разъ мужественно защищалъ его. Въ минуту величайшей опасности, когда всѣ приверженцы оставили Димитрія, Казиміръ остался ему вѣрнымъ и сложилъ за него голову.

Заговоръ обнаруживается. Димитрій у царицы Мар-
ѳы; мятежники врываются въ ея покои. На мгновеніе величавый видъ и смѣлость Димитрія производятъ впечатленіе на заговорщиковъ. Онъ едва не обезоруживаетъ ихъ обѣщаніемъ — предать имъ въ жертву Поляковъ. Но вотъ появляется Шуйскій въ челѣ новой разъярен-

ной толпы. Они настоятельно требуют отъ царицы крестной присяги, что Димитрій ея сынъ. Царица не въ силахъ клятвопреступно измѣнить своей совѣсти: молча отворачивается она отъ Димитрія и хочетъ выйти. — «Она молчить!» вскрикиваетъ шумная толпа. — «Она отрекается отъ него! Умри же, обманщикъ!» И заколотый Димитрій падаетъ къ ногамъ Марѣы.

ДУХОВИДЕЦЪ

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА О**

Переводъ Мих. Лар. Михайлова

THE
LIBRARY OF THE
UNITED STATES DEPARTMENT OF THE INTERIOR
BUREAU OF LAND MANAGEMENT
WASHINGTON, D. C. 20240

ANNALS

OF THE

PROGRESS OF THE

THE
LIBRARY OF THE
UNITED STATES DEPARTMENT OF THE INTERIOR
BUREAU OF LAND MANAGEMENT
WASHINGTON, D. C. 20240

ДУХОВИДЕЦЪ.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА О**.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Происшествіе, о которомъ я хочу рассказать, большая часть моихъ читателей найдетъ невѣроятнымъ, хотя оно совершилось почти все на моихъ глазахъ. Немногія лица, знакомыя съ однимъ политическимъ фактомъ, котораго не называю, найдутъ здѣсь — если только эти страницы застанутъ еще ихъ въ живыхъ — желаемое объясненіе этого факта; да и для другихъ рассказъ мой будетъ вѣроятно не лишенъ интереса, какъ прибавленіе къ исторіи обмана и заблужденій человѣческаго духа. Нельзя не удивляться *смѣлости цѣли*, какую въ состояніи избрать себѣ и преслѣдовать злоба; нельзя не удивляться *средствамъ*, на какія способна она для до-

стиженія этой цѣли. Чистая, строгая истина будетъ водить моимъ перомъ, ибо когда эти страницы явятся въ свѣтъ, меня уже не будетъ, и я никогда не узнаю ихъ судьбы.

На обратномъ пути въ Курляндію, въ 17^{**} году, въ самый карнавалъ, посѣтилъ я въ Венеціи принца^{**}. Мы познакомились на службѣ въ^{**} ской арміи, и тутъ только возобновилось наше знакомство, прерванное миромъ. Такъ-какъ я и безъ-того желалъ осмотрѣть достопримѣчательности города, а принцъ ждалъ только векселей, чтобы отправиться въ^{**}, то ему не стоило большаго труда уговорить меня сопутствовать ему и отсрочить мой отъѣздъ. Мы рѣшили не разставаться другъ съ другомъ, пока останемся въ Венеціи, и принцъ былъ такъ милъ, что предложилъ мнѣ поселиться съ нимъ вмѣстѣ.

Онъ жилъ здѣсь въ строжайшемъ инкогнито, желая пользоваться полной свободой и не имѣя возможности поддерживать своимъ небольшимъ доходомъ достоинство своего сана. Вся свита его заключалась въ двухъ приближенныхъ лицахъ, на скромность которыхъ онъ могъ вполне положиться, и въ нѣсколькихъ вѣрныхъ слугахъ. Пышности избѣгалъ онъ не столько изъ бережливости, сколько изъ любви къ простотѣ. Онъ бѣжалъ отъ удовольствій; до тридцати пяти-лѣтняго возраста устоялъ онъ противъ всѣхъ соблазновъ этого искуссительнаго города. Къ прекрасному полу былъ онъ равнодушенъ. Господствующими чувствами были въ немъ глубокая задумчивость, мечтательность и меланхолія. Склонности у него были кроткія, но чрезмѣрно упорныя; выборъ его былъ медленъ и нерѣшителенъ, привязанность тепла и безконечна; въ шумной толпѣ люд-

ской стоялъ онъ одиноко. Заключившись въ свой собственный фантастическій міръ, онъ часто являлся чужестранцемъ въ дѣйствительномъ мірѣ — и, хорошо сознавая въ себѣ недостатокъ наблюдательности, отказывался произносить свои сужденія и черезъ-чуръ дорожилъ чужими. Казалось, онъ былъ рожденъ подчиняться, не будучи въ тоже время слабымъ. При томъ онъ былъ неустрашимъ и довѣрчивъ, если разъ въ чемъ убѣждался, и готовъ ожесточенно биться съ признаннымъ предразсудкомъ и умирать за новое заблужденіе.

Какъ третьему принцу царственного дома, ему не представлялось вѣроятности быть главою правленія. Честолюбіе въ немъ никогда не шевелилось. Страсти его приняли иное направленіе.

Онъ былъ доволенъ, что не зависитъ ни отъ чьей воли, и никому не навязывалъ какъ законъ свою; всѣ его желанія ограничивались мирнымъ затишьемъ непринужденной жизни частнаго человѣка. Онъ много читалъ, но безъ выбора. Небрежное воспитаніе и раннее поступленіе въ военную службу не дали вполне созрѣть его уму. Познанія, которыя онъ пріобрѣталъ потомъ, только увеличивали смутный хаосъ его понятій, потому что не опирались на твердую почву.

Онъ былъ протестантъ, какъ и вся его фамилія — протестантъ по рожденію, а не по выбору, онъ никогда не разсуждалъ объ этомъ, хотя одно время былъ почти фанатикомъ протестантизма. Масономъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ никогда не былъ.

Однажды вечеромъ мы гуляли по площади Св. Марка, какъ водится, подъ масками и особнякомъ. Становилось уже поздно, и толпа начала рѣдѣть. Тутъ принцъ замѣтилъ, что за нами все слѣдитъ одна маска. Это былъ кто-то въ костюмѣ армянина. Онъ ходилъ одинъ. Мы участили шаги, и старались частою перемѣной дороги сбить его. Напрасно; маска не отставала отъ насъ.

— Ужь не было ли у васъ здѣсь какой интриги? спросилъ наконецъ у меня принцъ. — Мужья въ Венеціи опасны.

— Я не знаю здѣсь ни одной дамы, отвѣчалъ я.

— Сядемте здѣсь и начнемъ говорить по-нѣмецки, продолжалъ онъ. — Мнѣ кажется, насъ приняли за другихъ.

Мы сѣли на каменную скамью и ждали, чтобы маска прошла мимо насъ. Она направилась прямо къ намъ и сѣла на скамью рядомъ съ принцемъ. Принцъ вынулъ часы и, поднимаясь съ мѣста, громко сказалъ мнѣ по-французски:

— Ужь десятый часъ. Пойдемте. Мы и забыли, что насъ ждутъ въ Луврѣ.

Онъ выдумалъ это, чтобы сбить маску съ нашихъ слѣдовъ.

— *Десятый часъ*, повторила она по-французски же, выразительно и медленно. — Пожелайте себѣ счастья, принцъ (и маска назвала его настоящее имя). *Въ девять часовъ онъ умеръ.*

Маска встала и пошла. Мы въ изумленіи смотрѣли другъ на друга.

— Кто умеръ? спросилъ наконецъ принцъ, послѣ долгаго молчанія.

— Пойдемте за нимъ, сказалъ я: — и потребуемъ объясненія.

Мы исходили всѣ уголки Сан-Марко. Маски уже не было тутъ. Недовольные, воротились мы въ свою гостинницу. Принцъ не сказалъ мнѣ дорогою ни слова, и шелъ все стороной, одинъ; казалось, въ немъ происходила сильная борьба: онъ потомъ и самъ признался мнѣ въ этомъ. Только когда мы были дома, отворилъ онъ ротъ.

— Ну, не смѣшно ли, сказалъ онъ: — что помѣшанный можетъ двумя словами такъ потрясти спокойствіе человѣка!

Мы пожелали другъ другу спокойной ночи, и, прійдя въ свою комнату, я тотчасъ же замѣтилъ въ своей записной книжкѣ день и часъ, когда это случилось. Это было въ четвергъ.

На другой день вечеромъ принцъ сказалъ мнѣ:

— Не пойти ли намъ на площадь Св. Марка и не поискать ли нашего таинственного армянина? Мнѣ бы хотѣлось дойти до развязки этой комедіи.

Я былъ очень радъ. Мы остались на площади до одиннадцати часовъ. Армянинъ нигдѣ не показывался. Мы повторили свои поиски и въ четыре слѣдующіе вечера, но такъ же безуспѣшно.

Когда на шестой вечеръ мы уходили изъ отеля, мнѣ пришла въ голову мысль — сознательно или безсознательно, теперь ужъ не помню — сказать слугѣ, гдѣ мы будемъ, на случай, если кто-нибудь спроситъ объ насъ. Принцъ замѣтилъ мою осторожность и съ улыбкой похвалилъ меня. На площади Св. Марка мы застали большую суету. Мы не прошли и тридцати шаговъ, какъ я опять замѣтилъ армянина. Онъ быстрыми шагами

протискивался сквозь толпу и, казалось, искалъ кого-то глазами. Мы уже пробирались къ нему, какъ къ намъ подбѣжалъ запыхавшись баронъ Ф. изъ свиты принца и вручилъ принцу письмо.

— Оно съ черной печатью, прибавилъ онъ. — Должно быть, спѣшное.

Я былъ какъ громомъ пораженъ. Принцъ подошелъ къ фонарю и сталъ читать.

— Мой двоюродный братъ умеръ! вскричалъ онъ.

— Когда? быстро перебилъ я его.

Онъ еще разъ взглянулъ на письмо.

— Въ прошлый четвергъ, въ девять часовъ вечера. Мы не успѣли еще оправиться отъ изумленія, какъ армянинъ стоялъ уже около насъ.

— Васъ узнали здѣсь, сказалъ онъ принцу. — Отправляйтесь домой. Вы найдете тамъ депутацію сената. Не отвергайте чести, которую хотятъ оказать вамъ. Баронъ Ф. забылъ сказать вамъ, что и векселя ваши получены.

И онъ затерялся въ толпѣ.

Мы поспѣшили въ свой отель. Все было точь въ точь, какъ говорилъ армянинъ. Трое нобили республики ожидали принца съ привѣтствіемъ; они должны были торжественно проводить его въ собраніе, гдѣ его ожидало высшее дворянство города. Онъ едва уллучилъ минуту бѣгло кивнуть мнѣ головой, давая знать, чтобы я подождалъ его.

Онъ воротился ночью, часовъ въ одиннадцать. Важно и задумчиво вошелъ онъ въ комнату, выслалъ слугъ и взялъ меня за руку.

— Графъ, сказалъ онъ мнѣ словами Гамлета: —

въ небѣ и на землѣ больше вещей, нежели мы воображаемъ въ своей философіи.

— Принцъ, отвѣчалъ я: — вы, кажется, забываете, что нынче вы заснете съ одною новою надеждою въ сердцѣ.

(Покойный былъ наслѣдный принцъ.)

— Не напоминайте мнѣ объ этомъ, сказалъ принцъ.

— И будь мнѣ назначена корона, въ настоящую минуту у меня нѣтъ досуга думать о томъ. Если этотъ армянинъ не просто угадалъ

— Можетъ ли это быть? перебилъ я.

— То я готовъ уступить вамъ всѣ мои царственныя надежды за монашескую рясу.

Привожу эти слова въ доказательство, какъ далекъ онъ былъ тогда отъ всякихъ властолюбивыхъ намѣреній.

На слѣдующій вечеръ мы были раньше обыкновеннаго на площади Св. Марка. Внезапный дождь принудилъ насъ зайти въ кофейную, гдѣ шла игра. Принцъ всталъ за стуломъ одного испанца и слѣдилъ за игрой. Я ушелъ въ сосѣдную комнату и читалъ тутъ газеты. Немного спустя услыхалъ я шумъ. До прихода принца испанецъ былъ постоянно въ проигрышѣ; теперь онъ выигрывалъ на каждой картѣ. Вся игра приняла странный оборотъ, и банку грозила опасность; того и ждали, что его сорветъ понтеръ, становившійся отъ удачи все смѣлѣе. Венеціанецъ, державшій банкъ, сказалъ принцу оскорбительнымъ тономъ, что онъ мѣшаетъ счастью игры и долженъ отойти отъ стола. Принцъ холодно взглянулъ на него и остался; онъ не тронулся съ мѣста, когда венеціанецъ повторилъ свое оскорбленіе по-французски. Банкометъ подумалъ, что принцъ не знаетъ

ни того, ни другаго языка, и обратился съ презрительнымъ смѣхомъ къ остальнымъ:

— Скажите пожалуйста, господа, какъ мнѣ говорить, чтобы этотъ франтъ понялъ меня?

Въ то же время онъ всталъ и хотѣлъ взять принца за руку; принцъ вышелъ тутъ изъ себя, схватилъ венеціанца могучей рукой и грянулъ его объ полъ. Весь домъ пришелъ въ движеніе. Я выбѣжалъ на шумъ и невольно назвалъ его по имени.

— Берегитесь, принцъ! прибавилъ я необдуманно: — вѣдь мы въ Венеціи.

Имя принца было какъ будто сигналомъ къ общему молчанію, которое вскорѣ перешло въ шопотъ, показавшійся мнѣ опаснымъ. Всѣ присутствовавшіе тутъ итальянцы раздѣлились на партіи и отошли въ сторону. Одинъ за другимъ, всѣ вышли изъ залы, и наконецъ тутъ остались лишь мы двое, да испанецъ, да нѣсколько французовъ.

— Вы пропали, принцъ, говорили французы: — если тотчасъ же не уѣдете изъ города. Венеціанецъ, котораго вы обидѣли, на столько богатъ, чтобы нанять браво. Ему будетъ стоить всего пятьдесятъ цехиновъ спровадить васъ на тотъ свѣтъ.

Испанецъ вызвался привести стражу для безопасности принца и проводить насъ до дому. То же хотѣли и французы. Мы еще стояли и рассуждали, какъ дверь отворилась и вошло нѣсколько служителей государственной инквизиціи. Они показали намъ правительственный приказъ, который вмѣнялъ намъ въ обязанность немедленно слѣдовать за ними. Подъ сильнымъ прикрытіемъ довели насъ до канала. Здѣсь ожидала насъ гондола, въ которую мы должны были сѣсть. Передъ выходомъ

на берегъ намъ завязали глаза. Насъ ввели по большой каменной лѣстницѣ, потомъ по длинному извилистому ходу надъ сводами, какъ я могъ заключить по многочисленнымъ отголоскамъ, звучавшимъ у насъ подъ ногами. Наконецъ дошли мы до другой лѣстницы, которая свела насъ двадцатью шестью ступенями въ глубину. Здѣсь открылась передъ нами зала, гдѣ у насъ опять развязали глаза. Мы очутились въ кругу почтенныхъ стариковъ въ черной одеждѣ; вся зала была завѣшана чернымъ сукномъ и скудно освѣщена; мертвая тишина господствовала въ собраніи и производила страшное впечатлѣніе. Одинъ изъ этихъ стариковъ, вѣроятно высшій инквизиторъ, приблизился къ принцу, и спросилъ его торжественнымъ тономъ, указывая на подведеннаго къ нему венеціанца:

— Этотъ ли человекъ обидѣлъ васъ сегодня въ кофейной?

— Да, отвѣчалъ принцъ.

Затѣмъ старикъ обратился къ венеціанцу:

— Эту ли особу хотѣли вы велѣть убить сегодня вечеромъ?

Венеціанецъ отвѣчалъ *да*.

Кругъ тотчасъ же разомкнулся, и мы съ ужасомъ увидали, какъ голова у венеціанца скатилась съ плечъ.

— Довольны ли вы этимъ удовлетвореніемъ? спросилъ инквизиторъ.

Принцъ лежалъ безъ чувствъ на рукахъ своихъ спутниковъ.

— Идите, продолжалъ грознымъ голосомъ инквизиторъ, обращаясь ко мнѣ: — и впередъ не судите такъ поспѣшно о венеціанскомъ правосудіи.

Мы не могли угадать, что за таинственный другъ

спасъ насъ быстрою рукою юстиціи отъ вѣрной смерти. Пораженные ужасомъ, дошли мы до своей квартиры. Было уже за полночь. Камеръ-юнкеръ Ц. ждалъ насъ съ нетерпѣніемъ на крыльцѣ.

— Хорошо, что вы прислали! сказалъ онъ принцу, свѣтя намъ. — Извѣстіе, принесенное домой барономъ Ф. вслѣдъ за вашимъ уходомъ съ площади Св. Марка, повергло насъ въ сильнѣйшій страхъ за вашу безопасность.

— Я прислалъ? когда? Я ничего не знаю.

— Сегодня вечеромъ въ девятомъ часу. Вы велѣли сказать намъ, чтобы мы не беспокоились, если вы будете нынче позже домой.

Принцъ взглянулъ на *меня*.

— Это можетъ-быть *вы* позаботились, безъ моего вѣдома?

Я ничего не зналъ.

— Сомнѣнія не могло быть, ваша свѣтлость, сказалъ камеръ-юнкеръ: — вѣдь вотъ ваши часы съ репетиціей, присланные вами для вѣрности.

Принцъ схватился за карманъ. Часовъ дѣйствительно не было, и въ рукахъ камеръ-юнкера были дѣйствительно его часы.

— Кто принесъ ихъ? спросилъ онъ, пораженный.

— Неизвѣстная маска, въ армянскомъ костюмѣ, которая тотчасъ же и удалилась.

Мы стояли и смотрѣли другъ на друга.

— Чтò вы объ этомъ думаете? сказалъ наконецъ принцъ, послѣ долгаго молчанія. — У меня здѣсь въ Венеціи какой-то таинственный соглядатай.

Страшная сцена этой ночи причинила принцу лихорадку, принудившую его не выходить изъ дому цѣлые

восемь дней. Въ это время отель нашъ былъ полонъ и чужестранцами и мѣстными жителями: всѣхъ привлекло въ него открытое званіе принца. Всѣ наперерывъ старались услуживать ему, и мы съ удовольствіемъ замѣчали, какъ одинъ, смѣлая другаго, старался заподозрить своего предшественника въ глазахъ принца. Любовныя письма сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ. Всякой старался выслужиться по своему. О происшествіи съ инквизиціей никто и не поминалъ. Такъ-какъ * * скій дворъ желалъ нѣкоторой отсрочки пріѣзда принца, то нѣсколько банкировъ въ Венеціи получили кредитивы для выдачи ему значительныхъ суммъ. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ противъ воли продлить свое пребываніе въ Италиі, и по просьбѣ его я рѣшился тоже отсрочить свой отъѣздъ.

Только что оправился онъ на столько, что могъ выходить изъ комнаты, докторъ уговорилъ его сдѣлать прогулку по Брентѣ, чтобы перемѣнить воздухъ. Погода была ясная, и мы собрались. Мы только-что хотѣли садиться въ гондолу, какъ принцъ хватился ключа отъ небольшой шкатулки, въ которой были очень важныя бумаги. Тотчасъ-же возвратились мы искать его. Принцъ какъ нельзя вѣрнѣе помнилъ, что онъ еще наканунѣ заперъ шкатулку; а съ этого времени онъ не выходилъ изъ комнаты. Но всѣ поиски оказались тщетными; мы принуждены были оставить ихъ, чтобы не терять времени. Душа принца была чужда всякой подозрительности: онъ объявилъ намъ, что ключъ потерянъ, и просилъ насъ — не говорить о немъ больше.

Катанье наше было очень пріятно. Живописная мѣстность, съ каждымъ поворотомъ рѣки старавшаяся, кажется, превзойти самоё себя въ богатствѣ и красотѣ;

безоблачное небо, казавшееся майскимъ въ срединѣ февраля; пышные сады и изящныя дачи безъ числа, украшавшіе оба берега Brentы; за нами величественная Венеція съ сотнею встающихъ изъ водъ башенъ и мачтъ — все это представляло восхитительнѣйшее зрѣлище. Мы вполнѣ отдались благодатнымъ чарамъ этой прекрасной природы, у всѣхъ было свѣтло на душѣ, и самъ принцъ сбросилъ съ себя свой серіозный видъ и пустился весело шутить въ запуски съ нами. Веселая музыка встрѣтила насъ, когда мы вышли на берегъ въ двухъ итальянскихъ миляхъ отъ города. Она раздавалась въ маленькой деревенькѣ, гдѣ была ярмарка; народъ всѣхъ сословій толпился тутъ. Труппа дѣвочекъ и мальчиковъ въ театральномъ костюмѣ привѣтствовала насъ пантомимными танцами. Изобрѣтеніе было ново; легкость и грація одушевляли каждое движеніе. Прежде-чѣмъ танецъ вполнѣ кончился, казалось, какая-то незримая рука мгновенно остановила корифейку, которая представляла королеву. Она стала какъ вкопанная, а съ нею и всѣ. Музыка смолкла. Все собраніе, казалось, удерживало дыханіе, а она стояла, устремивъ глаза въ землю, въ глубокомъ оцѣпенѣніи. Вдругъ она вострепунулась въ изступленіи вдохновенія и дико повела вокругъ глазами.

— Между нами есть король! вскричала она, сорвала корону у себя съ головы и положила ее — къ ногамъ принца.

Всѣ, кто тутъ ни былъ, обратили на него глаза и долго смотрѣли на него недовѣрчиво, будто соображая есть ли смыслъ въ этой выходкѣ танцовщицы, какъ ни полна правды казалась она по своему серъёзному тону. Всеобщія рукоплесканія одобренія прервали наконецъ это без-

молвіе. Глаза мои искали принца. Я замѣтилъ, что онъ былъ очень пораженъ и старался избѣгать пытливыхъ взглядовъ зрителей. Онъ бросилъ денегъ дѣтямъ и поспѣшилъ выбраться изъ толпы.

Едва прошли мы нѣсколько шаговъ, сквозь народъ протѣснился къ намъ почтенный босоногій монахъ и заступилъ дорогу принцу.

— Государь, сказалъ монахъ: — удѣли мадоннѣ отъ твоего богатства! Тебѣ понадобится ея молитва!

Тонъ, какимъ онъ сказалъ это, смутилъ насъ. Толпа оттѣснила его.

Свита наша между-тѣмъ увеличилась. Къ намъ присоединился англійскій лордъ, котораго принцъ видѣлъ уже прежде въ Ниццѣ, нѣсколько купцовъ изъ Ливорно, нѣмецкій пасторъ, французскій аббатъ съ нѣсколькими дамами и русскій офицеръ. Въ физіономіи послѣдняго было что-то совершенно необыкновенное, привлекавшее наше вниманіе. Въ жизнь мою не видалъ я столько *чертъ* и такъ мало *характера*, столько привлекательной ласковости, соединенной въ человѣческомъ лицѣ съ такой отталкивающей холодностью. Казалось, всѣ страсти тѣшились этимъ лицомъ и снова покинули его. Ничего не осталось, кромѣ тихаго, проницательнаго взгляда глубокаго знатока людей, пугавшаго всякой встрѣчавшійся съ нимъ взглядъ. Этотъ странный человѣкъ издали слѣдовалъ за нами и, казалось, мало принималъ участія во всемъ происходившемъ.

Мы остановились передъ лавкой, въ которой разыгрывалась лотерея. Дамы приняли участіе; мы послѣдовали ихъ примѣру; и принцъ взялъ билетъ. Онъ выигралъ табакерку. Открывъ ее, онъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Въ ней лежалъ ключъ.

— Что это такое? сказалъ мнѣ принцъ, когда мы остались на минуту вдвоемъ. — Какая-то высшая сила преслѣдуетъ меня. Кто-то всезнающій слѣдитъ за мною. Какое-то невидимое существо, отъ котораго не могу укрыться, стережетъ каждый мой шагъ. Мнѣ надо отыскать армянина и потребовать отъ него объясненія.

Солнце склонялось къ западу, когда мы подошли къ гостинницѣ, гдѣ для насъ былъ приготовленъ ужинъ. Имя принца увеличило наше общество: насъ было уже шестнадцать человѣкъ. Къ числу помянутыхъ выше присоединились виртуозъ изъ Рима, нѣсколько швейцарцевъ и одинъ авантюристъ изъ Палермо; послѣдній былъ въ мундирѣ и выдавалъ себя за капитана. Мы рѣшили провести тутъ вечеръ и отправиться домой съ факелами. Разговоръ за столомъ былъ очень оживленный, и принцъ не вытерпѣлъ, чтобы не рассказать случая съ ключомъ, возбудившаго общее удивленіе. Завязался сильный споръ объ этомъ предметѣ. Большая часть собесѣдниковъ утверждала, что всѣ эти таинственныя искусства оказываются подъ конецъ штуками маленькаго проворства; аббатъ, уже изрядно выпившій, объявилъ битву всему міру духовъ; англичанинъ богохульствовалъ; музыкантъ ограждался крестнымъ знаменіемъ отъ дьявола. Лишь немногіе, и въ томъ числѣ принцъ, говорили, что объ этихъ вещахъ нельзя произносить рѣшительнаго сужденія; русскій офицеръ разговаривалъ между-тѣмъ съ дамами и, казалось, вовсе не обращалъ вниманія на споръ. Въ жару пренія никто не замѣтилъ ухода сициліанца. Спустя полчаса онъ возвратился закутанный въ плащъ, и сталъ за стуломъ француза.

— Вы похвастались давеча, что готовы помѣряться

со всѣми духами . . . Не хотите ли попробовать съ однимъ?

— Ба! сказалъ аббатъ: — отъ чего жь, если вы возьмете на себя трудъ добыть мнѣ такого?

— Я добуду вамъ его, отвѣчалъ сициліанецъ (и при этомъ обратился къ намъ): — когда эти господа и дамы разстанутся съ нами.

— Зачѣмъ же? вскричалъ англичанинъ. — Благо-воспитанному духу нечего бояться веселаго общества.

— Я не ручаюсь за развязку, сказалъ сициліанецъ.

— Ахъ, ради Бога! не надо! закричали дамы за столомъ и вскочили съ испугомъ со своихъ мѣстъ.

— Пусть является вашъ духъ, упрямо сказалъ аббатъ: — только предупредите его, что здѣсь есть обо чтò наколотся.

(И онъ взялъ шпагу у одного изъ гостей).

— Это ужь ваше дѣло, холодно отвѣчалъ сициліанецъ: — посмотримъ, какъ то вы будете потомъ храбриться.

Тутъ обратился онъ къ принцу.

— Принцъ, сказалъ онъ ему: — вы утверждаете, что ключъ вашъ былъ въ чужихъ рукахъ Можете-ли вы предположить, въ чьихъ именно?

— Нѣтъ.

— И никого нѣтъ у васъ въ виду?

— Да, я точно думалъ

— Узнали ль бы вы эту особу, если-бъ увидали ее передъ собой?

— Безъ сомнѣнія.

Сициліанецъ распахнулъ плащъ и поднесъ зеркало къ глазамъ принца.

— Онъ?

Принцъ отступилъ въ ужасъ.

— Что вы видѣли? спросилъ я.

— Армянина.

Сициліанецъ опять спряталъ зеркало подъ плащъ.

— И это былъ именно тотъ, о комъ вы думали? спрашивало все общество.

— Да.

У всѣхъ измѣнились лица, смѣхъ притихъ. Всѣ глаза были съ любопытствомъ обращены на сициліанца.

— Monsieur l'Abbé, дѣло принимаетъ серіозный оборотъ, сказалъ англичанинъ: — и вамъ не мѣшало бы подумать о ретирадѣ.

— Да въ немъ чортъ сидитъ! вскричалъ французъ и упорхнулъ изъ дому.

Женщины съ крикомъ бросились изъ залы; артистъ послѣдовалъ за ними; нѣмецкій пасторъ храпѣлъ въ креслѣ; русскій сидѣлъ - себѣ равнодушно, какъ и прежде.

— Вы можетъ - быть хотѣли только проучить хвастуна? началъ принцъ, когда всѣ разошлись: — или можетъ быть вы согласитесь сдержать слово?

— Ваша правда, сказалъ сициліанецъ: — съ аббатомъ я только пошутилъ. Я поймалъ его на словѣ, потому - что зналъ, что онъ далеко не пойдетъ по своей трусости. Дѣло впрочемъ слишкомъ важно, чтобы имъ только шутить.

— Значитъ, вы все - таки утверждаете, что духи въ вашей власти?

Магикъ долго молчалъ и, казалось, хотѣлъ проникнуть глазами въ самое сердце принцу.

— Да, отвѣчалъ онъ наконецъ.

Любопытство принца было уже напряжено въ высочайшей степени. Это было постоянно его любимой мечтой, и со времени перваго появленія передъ нимъ армянина въ немъ опять зародились идеи, которыя такъ долго отвергалъ его зрѣлый разумъ, его болѣе серьезное чтеніе. Онъ отошелъ въ сторону съ сициліанцемъ, и я слышалъ, какъ обстоятельно онъ объяснялся съ нимъ.

— Передъ вами человѣкъ, продолжалъ онъ: — который пылаетъ нетерпѣніемъ достигъ убѣжденія въ этой важной матеріи. Я обнялъ бы какъ благодѣтеля, какъ своего перваго друга, того, кто разсѣялъ бы мои сомнѣнія и снялъ повязку съ моихъ глазъ. — Хотите вы оказать мнѣ эту великую услугу?

— Чего вы хотите отъ меня? спросилъ осмотрительно магикъ.

— На первый разъ лишь опыта вашего искусства. Покажите мнѣ какое нибудь видѣніе.

— Что жъ дальше?

— Потомъ, познакомившись со мною ближе, вы будете въ состояніи судить, достоинъ ли я высшихъ уроковъ.

— Я васъ высоко цѣню, свѣтлѣйшій принцъ. Тайственная сила вашей наружности, еще неизвѣстная и вамъ самимъ, непреодолимо связала меня съ вами съ перваго же мгновенія. Вы могущественнѣе, чѣмъ думаете. Вы можете безгранично повелѣвать всею моею силою Но

— Такъ покажите же мнѣ видѣніе!

— Но я долженъ прежде всего быть увѣренъ, что вы обращаете ко мнѣ это требованіе не изъ любопытства. Правда, незримыя силы подчинены нѣкоторымъ

образомъ моей волѣ, но лишь съ тѣмъ священнымъ условіемъ, чтобы я не злоупотреблялъ своею силой.

— У меня чистѣйшія намѣренія. Я хочу истины.

Тутъ они оставили свое мѣсто и отошли къ отдаленному окну, гдѣ я не могъ уже ихъ слышать. Англичанинъ, слышавшій вмѣстѣ со мною этотъ разговоръ, отвелъ меня въ сторону.

— Вашъ принцъ — благородный человѣкъ; мнѣ жаль его. Головой ручаюсь, что онъ связался съ мошенникомъ.

— Надо посмотрѣть, сказалъ я: — чѣмъ дѣло разыграется.

— Знаете ли, что? сказалъ англичанинъ: — бѣдняга старается теперь возвысить свою цѣну. Онъ не станетъ показывать своего искусства, пока не услышитъ звона денегъ. Насъ здѣсь девять человѣкъ. Сложимтесь. Это вскружитъ ему голову и можетъ быть откроетъ глаза вашему принцу.

— Я согласенъ.

Англичанинъ бросилъ на тарелку шесть гиней и обошелъ съ нею всѣхъ. Каждый далъ по нѣскольку луидоровъ; русскому чрезвычайно понравилось наше предложеніе; онъ положилъ на тарелку банковый билетъ въ сто цехиновъ Англичанинъ просто испугался такой расточительности. Мы принесли сборъ принцу.

— Сдѣлайте милость, сказалъ англичанинъ: — убѣдите отъ нашего имени этого господина — показать намъ опытъ своего искусства и принять это слабое доказательство нашей признательности.

Принцъ положилъ на тарелку еще драгоцѣнный пер-

стенъ и подалъ ее сициліанцу. Магикъ пріостановился на нѣсколько секундъ

— Господа, началъ онъ потомъ: — это великодушіе унижаетъ меня но я уступаю вашему желанію. Я его исполню.

Онъ позвонилъ.

— Что касается этого золота, я лично не имѣю на него никакого права, и прошу васъ позволить мнѣ передать его въ ближайшій монастырь бенедиктинцевъ на богоугодныя учрежденія. Перстень же оставляю у себя какъ драгоцѣнную память о достойнѣйшемъ принцѣ.

Тутъ вошелъ хозяинъ, и онъ тотчасъ же передалъ ему деньги.

— А все-таки онъ мошенникъ, шепнулъ мнѣ на ухо англичанинъ. — Онъ отказывается отъ денегъ, потому-что ему теперь главное — принцъ.

— Кого хотите вы видѣть? спросилъ магикъ, обращаясь къ принцу.

Принцъ задумался на минуту

— Ужъ лучше сразу великаго человѣка! вскричалъ лордъ. — Пусть вызоветъ папу Ганганелли. Вѣдь ему это все равно.

Сициліанецъ закусилъ губу.

— Я не могу вызывать помазанниковъ.

— Жаль, сказалъ англичанинъ. — Можетъ быть мы отъ него узнали бы, отъ какой болѣзни онъ умеръ.

— Маркизь де-Лануа, началъ принцъ: — былъ французскимъ бригадиромъ въ послѣдней войнѣ и моимъ ближайшимъ другомъ. Въ сраженіи при Гастинбекѣ онъ былъ смертельно раненъ; его принесли въ мою палатку, и онъ вскорѣ умеръ тутъ на моихъ рукахъ.

Въ предсмертной агоніи онъ подозвалъ меня къ себѣ легкимъ наклоненіемъ головы, и сказалъ: «Принцъ, мнѣ ужь не видать своей родины; и такъ узнайте тайну, къ которой ни у кого, кромѣ меня, нѣтъ ключа. Въ одномъ монастырѣ на фландрской границѣ живетъ одна» На этомъ словѣ онъ скончался. Рука смерти разорвала нить его рѣчи; я желалъ бы увидать его здѣсь и услыхать продолженіе.

— Требованіе немалое, ей Богу! воскликнулъ англичанинъ. — Я признаю васъ величайшимъ искусникомъ въ мірѣ, если вы разрѣшите эту задачу.

Мы подивились находчивости принца и единогласно одобрили его выборъ. Между-тѣмъ магикъ тяжелыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и, казалось, въ нерѣшимости боролся съ самимъ собой.

— И больше ничего не оставилъ вамъ умирающій?

— Ничего.

— И вы не наводили дальнѣйшихъ справокъ по этому предмету у него на родинѣ?

— Всѣ справки были тщетны.

— Безукоризненно ли жилъ маркизь де-Лануа? . . . Не každого покойника могу я вызвать.

— Онъ умеръ, раскаяваясь въ проступкахъ своей молодости.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь на память о немъ?

— Есть.

У принца точно была табакерка съ миниатюрнымъ портретомъ маркиза на финифти; она лежала около него на столѣ во время ужина.

— Мнѣ впрочемъ этого не нужно Оставьте меня одного! Вы увидите покойника.

Насъ попросили удалиться въ другой павильонъ,

пока не позовутъ. Магикъ велѣлъ въ тоже время вынести изъ залы всю мебель, вынуть окна, и наглухо запереть ставни. Хозяину, съ которымъ, по видимому, онъ былъ уже хорошо знакомъ, велѣлъ онъ принести сосудъ съ горячими углами и тщательно залить водой всѣ огни въ домѣ. Прежде-чѣмъ мы удалились, онъ съ cadaго изъ насъ взялъ честное слово хранить вѣчное молчаніе о томъ, что мы увидимъ и услышимъ. За нами заперли на ключъ всѣ комнаты въ этомъ павильонѣ.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, и мертвая тишина царствовала во всемъ домѣ. Когда мы выходили, русскій спросилъ меня, есть ли при насъ заряженные пистолеты.

— Зачѣмъ? сказалъ я

— На всякой случай, отвѣчалъ онъ.— Подождите немного, я поищу здѣсь.

Онъ удалился. Баронъ Ф. и я отворили окно, выходившее насупротивъ того павильона, и намъ послышался какъ-будто шопотъ двухъ людей и шумъ словно отъ приставляемой лѣстницы. Это, впрочемъ, было лишь предположеніе, и я не посмѣлъ его выдавать за правду. Русскій возвратился черезъ полчаса, съ парой пистолетовъ. Мы видѣли, какъ онъ зарядилъ ихъ. Было около двухъ часовъ, когда вновь явился магикъ и объявилъ намъ, что все готово. Передъ входомъ мы должны были снять башмаки и войти не иначе, какъ въ одной рубашкѣ, въ чулкахъ и въ исподнемъ платьѣ. Дверь за нами, какъ и въ первый разъ, заперли на ключъ.

Возвратясь въ залу, мы увидѣли тутъ начертанный на полу углемъ широкій кругъ, въ которомъ свободно могли помѣститься всѣ мы десятеро. Вокругъ, у всѣхъ

четырехъ стѣнъ комнаты, полы были сняты, такъ-что мы стояли какъ будто на островѣ. Въ срединѣ круга былъ воздвигнутъ алтарь, завѣшанный чернымъ сукномъ; подъ нимъ разостланъ красный атласный коверъ. На алтарь лежала развернутая халдейская библія и черепъ около нея; серебряное распятіе было крѣпко къ нему придѣлано. вмѣсто свѣчъ горѣлъ спиртъ въ серебряномъ сосудѣ. Густой дымъ ладона омрачалъ залу, и свѣтъ едва мерцалъ въ немъ. Вызыватель былъ раздѣтъ какъ и мы, но босъ; на голой шеѣ висѣлъ у него амулетъ на цѣпочкѣ изъ человѣческихъ волосъ; вокругъ стана повязалъ онъ бѣлый передникъ, исчерченный таинственными знаками и символическими фигурами. Онъ сказалъ, чтобы мы взяли за руки и хранили глубокое молчаніе; а главное — никакъ не обращались съ вопросами къ видѣнію. Англичанина и меня (обоимъ намъ онъ, кажется, больше всего не довѣрялъ) попросилъ онъ скрестить и неподвижно держать на вершокъ надъ его головой двѣ обнаженныя шпаги во все время дѣйствія. Мы стояли полумѣсяцемъ вокругъ него; русскій офицеръ протѣснился къ англичанину, и сталъ ближе всѣхъ къ алтарю. Обратясь лицомъ къ востоку, магикъ вступилъ на коверъ, окропилъ священной водой всѣ четыре стороны, и трижды склонился надъ библіей. Минуть шесть-семь длилось заклинаніе, въ которомъ мы ничего не поняли; окончивъ его, онъ далъ знакъ стоявшимъ около него крѣпко ухватиться за его волосы. Въ страшныхъ конвульсіяхъ онъ трижды назвалъ по имени покойника, и въ третій разъ протянулъ руку къ распятію....

Вдругъ всѣ мы разомъ почувствовали какъ-бы ударъ молніи, такъ-что руки у насъ опустились; внезапный

раскатъ грома потрясъ домъ, всѣ замки забренчали, всѣ двери захлопнулись, крышка сосуда упала, огонь погасъ, и на противоположной стѣнѣ, надъ каминомъ, показалась человѣческая фигура въ окровавленной рубашкѣ, блѣдная, съ лицомъ умирающаго.

— Кто призывалъ меня? послышался глухой, едва внятный голосъ.

— Другъ твой, отвѣчалъ заклинатель: — который чтить твою память и молится за твою душу.

И онъ назвалъ принца.

Отвѣты слѣдовали обыкновенно за очень длинными паузами.

— Что ему нужно? продолжалъ голосъ.

— Онъ хочетъ услышать до конца твое признаніе, начатое тобою, но не конченное въ этомъ мірѣ.

— Въ одномъ монастырѣ на фландрской границѣ живетъ....

Тутъ домъ снова потрясъ. Дверь сама-собою распахнулась при сильномъ громовомъ ударѣ, молнія озарила комнату, и другой *тѣлесный* образъ, окровавленный и блѣдный, какъ и первый, но еще страшнѣе, появился на порогѣ. Спиртъ опять самъ собою задылалъ, и въ залѣ стало по прежнему свѣтло.

— Кто есть между нами? воскликнулъ въ испугѣ магикъ, и тревожнымъ взоромъ обвелъ собраніе: — тебя я не звалъ!

Видѣніе подошло величавымъ, тихимъ шагомъ прямо къ алтарю, встало на коверъ, противъ насъ, и взяло распятіе. Первой фигуры мы уже не видали.

— Кто призывалъ меня? спросилъ этотъ второй призракъ.

Магиномъ овладѣлъ трепетъ. Страхъ и изумленіе

оковали насъ. Я схватился за пистолетъ; магикъ вырвалъ его у меня изъ рукъ и выстрѣлилъ въ видѣніе. Пуля тихо покатила къ алтарю, и видѣніе показалось безъ малѣйшаго измѣненія изъ дыма. Магикъ упалъ въ обморокъ.

— Что изъ этого выйдетъ? вскричалъ въ изумленіи англичанинъ и хотѣлъ ударить видѣніе своею шпагой.

Видѣніе коснулось его руки, и шпага упала на полъ. Холодный потъ проступилъ у меня на лбу. Баронъ Ф. признался намъ потомъ, что шепталъ молитву. Принцъ все это время стоялъ безстрашно и спокойно, остановивъ пристальный взглядъ на видѣніи.

— Да, я узнаю тебя! воскликнулъ онъ наконецъ въ волненіи: — ты Лануа, ты другъ мой.... Откуда ты?

— Вѣчность нѣма. Спрашивай меня о прошедшей жизни.

— Кто живетъ въ монастырѣ, о которомъ ты говорилъ?

— Дочь моя.

— Какъ? Ты былъ отцомъ?

— Увы! я имъ не былъ!

— Ты несчастливъ, Лануа?

— Судъ Божій!

— Не могу ли я оказать тебѣ какой услуги на этомъ свѣтѣ?

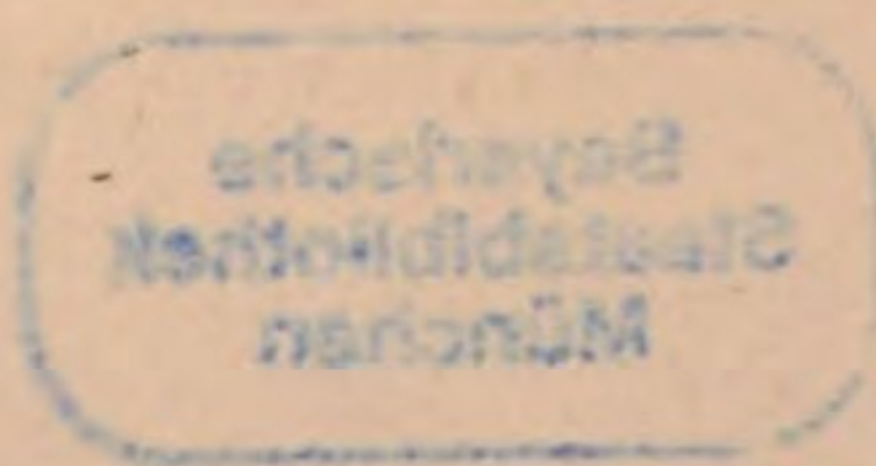
— Нѣтъ, если не будешь думать о себѣ.

— Какъ думать?

— Узнаешь въ Римѣ.

Тутъ раздался новый ударъ грома. Черное облако дыма наполнило комнату. Когда оно разсѣялось, видѣнія уже не было. Я распахнулъ одно окно. Было ужь утро.

Магикъ пришелъ въ чувство.

— Гдѣ мы? вскричалъ онъ, какъ увидѣлъ дневной свѣтъ.

Русскій офицеръ стоялъ какъ-разъ за нимъ, и смотрѣлъ черезъ его плечо.

— Фокусникъ! сказалъ онъ, бросая на него ужасный взглядъ: — *теперь ужь не станешь ты вызывать духовъ!*

Сициліанецъ поворотился, внимательно взглянулъ ему въ лицо, громко вскрикнулъ и упалъ къ его ногамъ.

Тутъ и мы всѣ посмотрѣли на мнимаго русскаго. Принцъ безъ труда узналъ въ немъ черты своего армянина, и слово, которое онъ только-что хотѣлъ пролепетать, замерло у него на языкѣ. Мы всѣ остолбѣнѣли отъ ужаса и изумленія. Безмолвно и неподвижно смотрѣли мы на это таинственное существо, прозрѣвавшее насъ насквозь взглядомъ тихой силы и величія. Минуту длилось это молчаніе — еще минуту. У всѣхъ замеръ духъ.

Нѣсколько сильныхъ ударовъ въ дверь возвратили намъ наконецъ сознаніе. Выломанная дверь упала въ залу, и въ нее вошли полицейскіе и солдаты.

— Вотъ они и всѣ въ сборѣ! крикнулъ предводитель ихъ и обратился къ своимъ спутникамъ. — Именемъ закона! крикнулъ онъ намъ. — Я арестую васъ.

Мы не успѣли одуматься, какъ насъ уже окружила стража. Русскій офицеръ, котораго я опять стану называть армяниномъ, отвелъ въ сторону предводителя сыщиковъ и, сколько могъ я замѣтить въ этой суматохѣ, шепнулъ ему что-то на ухо и показалъ какую-то бумагу. Сыщикъ тотчасъ же отошелъ отъ него съ безмолвнымъ и почтительнымъ поклономъ, потомъ обратился къ намъ и снялъ шляпу.

— Извините меня, господа, сказалъ онъ: — что я чуть не смѣшалъ васъ съ этимъ обманщикомъ. Не стану спрашивать, кто вы такіе, но по увѣренію этого господина — передо мною люди, достойные всякаго уваженія.

И онъ сдѣлалъ знакъ своимъ спутникамъ — оставить насъ. Сициліанца велѣлъ онъ связать, и хорошенько смотрѣть за нимъ.

— Давно пора взять этого молодца, прибавилъ онъ. — Мы семь мѣсяцевъ его подстерегали.

Несчастный сициліанецъ представлялъ самый жалостный видъ. Онъ совсѣмъ растерялся отъ двойнаго ужаса, произведеннаго на него вторымъ видѣніемъ и неожиданнымъ арестомъ. Какъ дитя, позволилъ онъ связать себя; вытаращенные глаза его были неподвижны; лицо помертвѣло; по дрожащимъ губамъ пробѣгали легкія судороги; языкъ не издавалъ ни звука. Каждую минуту ждали мы, что онъ упадетъ на полъ въ конвульсіяхъ. Принцу стало жаль его, и онъ рѣшился замолвить о немъ слово полицейскому, при чемъ сказалъ о себѣ, кто онъ такой.

— Да знаете ли вы, принцъ, сказалъ ему полицейскій: — за какого человѣка заступаетесь вы такъ великодушно? Что онъ вздумалъ обмануть васъ — это еще наименьшее его преступленіе. У насъ въ рукахъ его помощники. Они рассказываютъ о немъ ужасныя вещи. Счастье еще его, если онъ одними галерами отдѣлается.

Между тѣмъ мы увидѣли, что по двору ведутъ связанныхъ и хозяина и его челядинцевъ.

— И его взяли? вскричалъ принцъ. — Да чѣмъ же онъ-то виноватъ?

— Онъ съ нимъ вмѣстѣ проказилъ и укрывалъ его, отвѣчалъ главный полицейскій: — помогалъ ему въ его

фокусахъ и мошенничествахъ, и дѣлилъ съ нимъ добычу. Ваша свѣтлость сейчасъ убѣдитесь въ этомъ.

Онъ обратился къ своимъ спутникамъ.

— Обыскать весь домъ и сейчасъ же донести мнѣ, что будетъ найдено!

Принцъ осмотрѣлся кругомъ, ища глазами армянина; но его уже не было тутъ. Ему удалось уйти незамѣтно среди общаго замѣшательства, произведеннаго появленіемъ полиціи. Принцъ не могъ утѣшиться; онъ тотчасъ же хотѣлъ разослать за нимъ всѣхъ своихъ людей, хотѣлъ самъ отыскивать его и увлечь меня съ собой. Я поспѣшно подошелъ къ окну; весь домъ былъ окруженъ любопытными, которыхъ привлекла вѣсть о происшествіи. Невозможно было протѣсниться сквозь эту толпу. Я сказалъ это принцу.

— Если этому армянину непременно нужно скрыться отъ насъ, то онъ разумѣется лучше насъ знаетъ всѣ лазейки, и сколько мы ни ищи, всѣ поиски наши будутъ напрасны. Лучше побудемъ покаместъ здѣсь, ваша свѣтлость. Можетъ быть мы узнаемъ о немъ больше отъ этого полицейскаго. Если я не ошибаюсь, вѣдь онъ открылся ему.

Тутъ мы вспомнили, что мы раздѣты. Мы поспѣшили въ свою комнату, чтобы наскоро одѣться. Когда мы воротились, обыскъ былъ уже конченъ.

Алтарь убрали и въ залѣ подняли полы. Тутъ открыли просторный сводъ, подъ которымъ удобно могъ сидѣть человѣкъ: отсюда маленькая дверь выходила на узкую лѣстницу, сообщавшуюся съ погребомъ. Подъ этимъ сводомъ нашли электрическую машину, часы и небольшой серебряный колоколъ, который сообщался, какъ и электрическая машина, съ алтаремъ и съ утверж-

деннымъ на немъ распятіемъ. Въ оконномъ ставнѣ, помѣщенномъ прямо противъ камина, было сдѣлано отверстіе съ задвижкой, чтобы въ него можно было, какъ мы потомъ узнали, вставить волшебный фонарь, который и отразилъ на каминной стѣнѣ требуемую тѣнь; съ чердаковъ и изъ подвала принесли разные барабаны съ прикрѣпленными къ нимъ на шнуркахъ большими свинцовыми пулями, вѣроятно для произведенія грома, который мы слышали. Въ карманахъ сициліанца нашли разные порошки въ коробочкѣ, ртуть въ склянкахъ и баночкахъ, фосфоръ въ стеклянной бутылочкѣ, перстень, оказавшійся магнитнымъ: онъ повисъ на стальной пуговицѣ, къ которой поднесли его; при магикѣ были, кромѣ того, четки, накладная борода, карманные пистолеты и кинжалъ.

— Посмотримъ, заряжены ли, сказалъ кто-то изъ полицейскихъ, взялъ одинъ изъ пистолетовъ и выстрѣлилъ въ каминъ.

— Боже милостивый! слышался глухой человѣческій голосъ, тотъ самый, какимъ говорило первое видѣніе.

И въ ту же минуту изъ трубы показалось окровавленное тѣло.

— Ты все еще не на отдыхѣ, бѣдный духъ? воскликнулъ англичанинъ; а мы всѣ отступили въ ужасѣ. — Иди домой, въ свою могилу. Ты казался тѣмъ, чѣмъ не былъ; теперь ты будешь, чѣмъ казался.

— Боже милостивый! я раненъ! повторялъ чело-вѣкъ въ каминѣ.

Пуля раздробила ему правую ногу. Рану ему тотчасъ же перевязали.

— Да кто ты такой, и какой злой демонъ привелъ тебя сюда?

— Я бѣдный нищій, отвѣчалъ раненый. — Незнакомый господинъ предложилъ мнѣ цехинъ, чтобы я...

— Произнесъ формулу. Да отчего-жь ты не ушелъ отсюда тотчасъ же?

— Онъ хотѣлъ дать мнѣ знакъ, когда уходить; знака я не дождался; а какъ вздумалъ выбраться, лѣстницы-то и не было.

— Ну, а какой формулѣ онъ тебя научилъ?

Тутъ съ нимъ сдѣлался обморокъ, и ужъ нечего было спрашивать его. Между-тѣмъ принцъ обратился къ главному полицейскому.

— Вы помогли намъ, сказалъ онъ, всовывая ему въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ: — вы спасли насъ отъ обманщика, и оказали намъ справедливость, не зная насъ. Вы бы насъ вполне обязали, еслибъ открыли намъ, кто этотъ незнакомецъ, которому стоило сказать два слова, чтобы освободить насъ?

— О комъ вы говорите? спросилъ полицейскій; но по выраженію лица его было видно, что онъ спрашиваетъ о томъ, что знаетъ.

— Я говорю о господинѣ въ русскомъ мундирѣ, который отвелъ васъ давеча въ сторону, показалъ какую-то бумагу и сказалъ нѣсколько словъ на ухо; послѣ чего вы тотчасъ же оставили насъ.

— Такъ вы не знаете этого господина? спросилъ опять полицейскій. — Развѣ онъ былъ не съ вами въ компаніи?

— Нѣтъ, отвѣчалъ принцъ: — и очень важныя причины заставляютъ меня желать познакомиться съ нимъ ближе.

— Ближе, сказалъ полицейскій: — и я его не знаю. Самое имя его мнѣ неизвѣстно, и я видѣлъ его сегодня въ первый разъ въ моей жизни.

— Какъ? И въ такое краткое время, нѣсколькими словами могъ онъ заставить васъ признать и его, и всѣхъ насъ невинными?

— Да, однимъ словомъ.

— Какое-жъ это слово? . . . Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы знать его.

— Этотъ незнакомецъ. . . . (И онъ взвѣсилъ на рукѣ цехины.) Вы очень великодушны, и я не могу таить отъ васъ. . . . Этотъ незнакомецъ — членъ инквизиціи.

— Инквизиціи! . . . Онъ! . . .

— Да, въ этомъ убѣдила меня показанная имъ бумага.

— Этотъ человѣкъ, говорите вы. . . . Невозможно!

— Скажу вамъ болѣе. По его-то доносу и присланъ я сюда арестовать заклинателя духовъ.

Мы переглянулись въ еще бѣльшемъ изумленіи.

— Такъ вотъ отчего, вскричалъ наконецъ англичанинъ: — вотъ отчего бѣдняга заклинатель такъ всполошился, какъ разглядѣлъ его. Онъ узналъ въ немъ шпиона, и потому такъ завопилъ и кинулся къ его ногамъ. . . .

— Вовсе нѣтъ! сказалъ принцъ. — Этотъ человѣкъ — все, чѣмъ только захочетъ быть, и все, чѣмъ нужно ему быть въ данную минуту. Что онъ на самомъ дѣлѣ — не узналъ еще ни одинъ смертный. Видѣли-ль вы, какъ дрогнулъ сициліанецъ, когда онъ крикнулъ ему: «Ты ужь не станешь вызывать духовъ!» Тутъ было что-то необыкновенное. Никто не увѣритъ

меня, что можно такъ ужаснуться отъ человѣческихъ словъ.

— Это намъ лучше всего можетъ разъяснить самъ магикъ, сказалъ лордъ: — если этотъ господинъ (онъ обратился къ предводителю полицейскихъ) дастъ намъ случай поговорить со своимъ плѣнникомъ.

Полицейскій обѣщалъ, и мы сговорились съ англичаниномъ отправиться къ нему на слѣдующее же утро. Теперь же было пора воротиться въ Венецію.

Чуть свѣтъ явился лордъ Сеймуръ (такъ звали англичанина), да вскорѣ потомъ пришло и довѣренное лицо отъ полицейскаго, чтобы сводить насъ въ тюрьму. Я забылъ рассказать, что Принцъ уже нѣсколько дней не видалъ около себя одного изъ своихъ егерей, родомъ бременца, честно служившаго ему много лѣтъ и пользовавшагося полнымъ его довѣріемъ. Никто не зналъ, что съ нимъ случилось — несчастье ли какое, или его похитили, или же онъ бѣжалъ. Предполагать послѣднее не было вѣроятной причины: онъ всегда былъ смирнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, и за нимъ не знали никакихъ пороковъ. Товарищи его могли припомнить только, что онъ былъ въ послѣднее время очень мраченъ и задумчивъ и, какъ лишь могъ удосужиться, отправлялся въ одинъ миноритскій монастырь въ Джудеккѣ, гдѣ у него были знакомые въ числѣ братіи. Это навело насъ на мысль, не попалъ ли онъ въ руки поповъ и не обратился ли въ католичество. У принца было въ то время еще много терпимости и индифферентизма относительно религіозныхъ убѣжденій, и онъ успокоился на этой мысли послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ розысковъ. Тѣмъ не менѣе его огорчала потеря этого человѣка, бывшаго постоянно при немъ

въ его походахъ, всегда вѣрно ему служившаго, преданнаго и трудно замѣнимаго на чужой сторонѣ. Въ этотъ день, въ ту минуту, какъ мы уже совсѣмъ собрались выйти изъ дому, принцу доложили о приходѣ его банкира, которому онъ поручилъ постараться прискать ему другаго слугу. Банкиръ представилъ принцу порядочнаго съ-виду и хорошо одѣтаго человѣка среднихъ лѣтъ, бывшаго долго секретаремъ у одного прокуратора; онъ говорилъ по французски и немного по нѣмецки, и былъ очень хорошо атестованъ. Принцу понравилась его физіономія, и его тотчасъ же приняли, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ, что принцъ можетъ назначить ему жалованье сообразно съ степенью довольства его службой.

Мы нашли сициліанца въ приватной тюрьмѣ, куда, какъ сообщилъ намъ полицейскій служитель, его перевели на время, ради желанія принца видѣться съ нимъ, но что потомъ его засадятъ подъ свинцовую кровлю, гдѣ ужъ не будетъ къ нему доступа. Эта свинцовая кровля — ужаснѣйшая венеціанская тюрьма подъ крышей дворца Св. Марка, гдѣ несчастные преступники страждутъ часто до потери разсудка отъ солнечнаго зноя, раскаляющаго свинцовую поверхность кровли. Сициліанецъ оправился уже послѣ вчерашняго происшествія, и почтительно всталъ, увидавъ принца. Одна нога и одна рука были у него скованы; но онъ могъ свободно расхаживать по комнатѣ. Только-что мы вошли, стража отъ дверей удалилась.

— Я пришелъ, сказалъ принцъ: — попросить у васъ объясненія на два пункта. Объясненіе одного пункта осталось за вами въ долгу, да и относительно другаго вамъ не будетъ бѣды — объясниться.

— Я отыгралъ свою роль, возразилъ сициліанецъ: — и судьба моя у васъ въ рукахъ.

— Только ваша откровенность можетъ ее облегчить.

— Спрашивайте Я готовъ отвѣчать, потому что мнѣ уже нечего терять.

— Вы показали мнѣ въ зеркалѣ лицо армянина. Какъ сдѣлали вы это?

— Это было не зеркало. Васъ ввелъ въ обманъ просто пастельный рисунокъ за стекломъ, изображавшій человѣка въ армянскомъ костюмѣ. Мое проворство, сумракъ, ваше изумленіе подкрѣпили обманъ. Картинка вѣрно найдется въ числѣ другихъ вещей, отобранныхъ у меня въ гостинницѣ.

— Но какъ могли вы такъ хорошо узнать мои мысли и указать именно на армянина?

— Это было вовсе не трудно. Вы вѣроятно не разговаривали за столомъ, при вашей прислугѣ, о встрѣчѣ вашей съ этимъ армяниномъ. Одинъ изъ моихъ людей случайно познакомился въ Джудеккѣ съ вашимъ егеремъ, и мало по малу узналъ отъ него все, что было мнѣ нужно.

— Гдѣ этотъ егеръ? спросилъ принцъ. — Онъ исчезъ отъ меня, и вы навѣрное знаете, куда онъ дѣлся.

— Клянусь, что рѣшительно не знаю. Самъ я никогда его не видалъ и, кромѣ сказаннаго, не входилъ ни въ какія съ нимъ сношенія.

— Продолжайте, сказалъ принцъ.

— Этимъ путемъ добрался я до перваго свѣдѣнія о вашемъ пребываніи и о вашихъ приключеніяхъ въ Венеціи, и тотчасъ же рѣшился воспользоваться ими. Видите ли, какъ я откровененъ! Я зналъ, что вы затѣяли прогулку по Брентѣ; я рассчиталъ на это, и только-что

оброненный вами ключъ далъ мнѣ первую возможность попробовать на васъ мое искусство.

— Какъ? Такъ я ошибся? Штука съ ключомъ — ваше дѣло, а не армянина? Вы говорите, ключъ я обронилъ?

— Да, какъ вынимали кошелекъ — и я воспользовался минутой, когда никто не смотрѣлъ на меня, чтобы быстро прикрыть его ногой. Человѣкъ, у котораго вы взяли лотерейные билеты, былъ со мною въ стачкѣ. Вы брали билетъ изъ ящика, гдѣ не было проигрышей, и ключъ лежалъ въ табакеркѣ, прежде-чѣмъ вы ее выиграли.

— Теперь понимаю. А босоногій монахъ, что кинулся мнѣ поперекъ дороги съ такими торжественными восклицаніями?

— Былъ тотъ самый человѣкъ, котораго, какъ я слышалъ, вытащили раненаго изъ камина. Это одинъ изъ моихъ товарищей, уже не разъ оказывавшій мнѣ большія услуги подъ этой одеждой.

— Но изъ-за чего вы затѣяли все это?

— Чтобы заставить васъ задуматься — чтобы привести васъ въ такое душевное состояніе, при которомъ вы могли бы поддаться вліянію чудеснаго, задуманнаго мною.

— Но пантоминная пляска, принявшая такой странный, поразительный оборотъ... Неужто и это ваше изобрѣтеніе?

— Дѣвушка, представлявшая королеву, была научена мною, и вся роль ея — мое дѣло. Я предполагалъ, что ваша свѣтлость не мало удивится, увидавъ, что васъ знаютъ въ такомъ мѣстѣ, и притомъ — простите меня, принцъ! — приключеніе съ армяниномъ подава-

ло мнѣ надежду, что вы уже подготовлены къ тому, чтобы пренебречь натуральными соображеніями и устремиться за отвѣтомъ къ высшимъ источникамъ сверхъестественнаго.

— Вы правы! сказалъ принцъ съ нѣкоторой досадой и съ удивленіемъ, и значительно взглянулъ на меня. — Да! воскликнулъ онъ: — этого я не ожидалъ! *)

— Но, продолжалъ принцъ послѣ долгаго молчанія: — какъ произвели вы видѣніе, явившееся на каминной стѣнѣ?

— Посредствомъ волшебнаго фонаря, прилаженного къ противоположному ставню, въ которомъ вы вѣрно замѣтили и сдѣланное для этого отверстіе.

— Да какимъ же образомъ никто изъ насъ этого не замѣтилъ въ то время? спросилъ лордъ Сеймуръ.

*) Да вѣроятно не ожидала и большая часть моихъ читателей. Эта корона, такъ неожиданно и такъ торжественно положенная къ ногамъ принца, и предшествовавшее этому случаю пророчество армянина представляются такъ естественно и безъ всякой натяжки фактами, подготовленными къ извѣстной цѣли, что мнѣ, при первомъ чтеніи этихъ записокъ, невольно пришло на память коварное привѣтствіе вѣдьмъ въ «Макбетѣ»: *Слава тебѣ, гламисскій танъ! быть тебѣ королемъ!* Вѣроятно, и многимъ пришло это на умъ. Стоить какому бы то ни было представленію сообщить душѣ торжественнымъ и необыкновеннымъ образомъ, чтобы ужъ потомъ непремѣнно всѣ слѣдующія представленія, хотя бы весьма мало относящіяся къ первому, примыкали къ нему и становились въ извѣстныя отношенія съ нимъ. Сициліанецъ по видимому всею своей продолкой хотѣлъ ни больше, ни меньше, какъ удивить принца тѣмъ, что санъ его открытъ; а между тѣмъ онъ, самъ того не подозревая, дѣйствовалъ, какъ бы продолжая дѣло армянина. Какъ ни много отнимается интереса отъ этого случая простымъ объясненіемъ, не открывающимъ въ немъ никакой высшей цѣли, ради которой, какъ сначала кажется, онъ произошелъ, — я не смѣю нарушать исторической истины и рассказываю фактъ такъ, какъ нашелъ его въ бумагахъ графа О * *. *Примѣчаніе Шиллера.*

— Вы забываете, что вся зала была погружена во мракъ отъ густаго дыма ладана, когда вы вошли. Къ тому жъ я изъ предосторожности велѣлъ приставить поднятые въ комнатѣ полы именно къ тому окну, въ которомъ была утверждена *laterna magica*; это помѣшало вамъ обратить вниманіе на ставень. Впрочемъ фонарь былъ заслоненъ задвижкой до тѣхъ поръ, пока вы всѣ не заняли своихъ мѣстъ, и уже нечего было опасаться, что вы станете осматривать залу.

— Мнѣ показалось, замѣтилъ я: — будто вблизи этой залы приставляли куда-то лѣстницу, въ то время, какъ я смотрѣлъ изъ окна въ другомъ павиліонѣ. Было ли это въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Это была лѣстница, по которой мой помощникъ взобрался къ окну, чтобы управлять волшебнымъ фонаремъ.

— Въ фигурѣ, продолжалъ принцъ: — какъ мнѣ показалось, было дѣйствительно нѣкоторое сходство съ моимъ покойнымъ другомъ; главная особенность его была сохранена — свѣтлые бѣлокурые волосы. Случайность это, или вы почерпнули откуда нибудь свѣдѣніе объ этомъ?

— Ваша свѣтлость, можетъ быть, не забыли, что за столомъ около васъ лежала табакерка съ финифтянымъ портретомъ офицера въ * * * скомъ мундирѣ. Я спросилъ васъ, нѣтъ ли при васъ чего на память о вашемъ другѣ? Вы отвѣчали утвердительно; изъ этого я заключилъ, что можетъ быть это — табакерка. Я хорошо разсмотрѣлъ портретъ за столомъ; рисую я не дурно и хорошо потрафляю лица, и мнѣ было не трудно придать фигурѣ замѣченное вами сходство, тѣмъ болѣе, что черты маркиза очень характерны.

— Но фигура, казалось, двигалась . . .

— Да, такъ казалось; но двигалась не она, а дымъ, озаренный ея свѣтомъ.

— И человѣкъ, сидѣвшій въ трубѣ, отвѣчалъ за нее?

— Да.

— Но вѣдь онъ не могъ слышать хорошенько вопросовъ.

— Да это и не нужно было. Вы помните, принцъ, что я строго запретилъ всѣмъ вамъ обращаться къ призраку съ вопросами самимъ. Мы заранѣе сговорились, что я буду спрашивать и что онъ долженъ отвѣчать; а чтобъ не вышло какого замѣшательства, я велѣлъ ему отвѣчать чрезъ большіе промежутки, считая время по стуку часового маятника.

— Вы приказали хозяину тщательно залить водой всѣ огни въ домѣ; безъ сомнѣнія, вы хотѣли . . .

— Обезопасить моего помощника отъ удушенія въ каминѣ, такъ-какъ трубы въ домѣ соединены между собой и я не былъ въ нихъ увѣренъ.

— Но какъ же вы сдѣлали, спросилъ лордъ Сеймуръ: — что вашъ духъ явился въ комнатѣ ни раньше, ни позже, чѣмъ вамъ было нужно?

— Духъ мой былъ уже въ комнатѣ, прежде чѣмъ я его вызвалъ; но пока горѣлъ спиртъ, нельзя было видѣть этого слабаго отраженія. Когда я кончилъ формулу заклинанія, я закрылъ сосудъ, въ которомъ горѣлъ спиртъ; въ залѣ воцарился мракъ, и тутъ только можно было замѣтить фигуру на стѣнѣ, давно уже отражавшуюся на ней.

— Но въ ту самую минуту, какъ явился духъ, всѣ

мы почувствовали электрическій ударъ. Какъ произвели вы его?

— Вы открыли машину подъ алтаремъ. Видѣли и то, что я стоялъ на шолковомъ коврѣ. Я поставилъ васъ около себя полукружіемъ и сказалъ, чтобъ вы взялись за руки; когда было нужно, я далъ знакъ одному изъ васъ, чтобы онъ взялъ меня за волосы. Серебряное распятіе было проводникомъ, и вы почувствовали ударъ, когда я коснулся до него рукой.

— Вы велѣли мнѣ и графу О**, сказалъ лордъ Сеймуръ: — скрестить надъ вами двѣ обнаженныя шпаги и держать ихъ надъ вами все время, пока продлится заклинаніе. Къ чему было это нужно?

— Ни для чего болѣе, какъ занять васъ во все продолженіе акта, потому-что я вамъ всего менѣе довѣрялъ. Вы припомните, что я сказалъ вамъ, чтобы вы держали шпаги непремѣнно на вершокъ отъ моей головы; не выпуская изъ виду этого предостереженія, вы не могли обратить глазъ туда, куда я не хотѣлъ. Сильнѣйшаго врага своего въ это время я еще не замѣтилъ.

— Я долженъ признаться, воскликнулъ лордъ Сеймуръ: — что вы дѣйствовали необыкновенно предусмотрительно; но зачѣмъ было намъ раздѣваться?

— Только чтобъ придать акту больше торжественности и еще болѣе распалить ваше воображеніе необыкновеннымъ.

— Второе видѣніе не дало продолжать вашему духу, сказалъ принцъ. — Чтò должны мы были узнать отъ него?

— Почти тоже, чтò вы услышали потомъ. Я не безъ цѣли спросилъ вашу свѣтлость, все ли вы мнѣ

сказали, что слышали отъ умирающаго, и не производили-ль дальнѣйшихъ розысковъ о немъ на его родинѣ; я считалъ это необходимымъ, чтобы какой-нибудь неизвѣстный мнѣ фактъ не противорѣчилъ изреченіямъ моего духа. Я спросилъ, намекая на извѣстные грѣшки юности, какъ велъ себя покойный, и на вашемъ отвѣтѣ основалъ свое изобрѣтеніе.

— На все это, началъ принцъ послѣ нѣкотораго молчанія: — дали вы мнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы объяснили главное обстоятельство.

— Если это въ моей власти, и. . . .

— Безъ условій! Правосудіе, въ руки котораго вы попались, не стало бы спрашивать васъ такъ кротно. Кто этотъ незнакомецъ, къ ногамъ котораго вы упали? Что знаете вы о немъ? Гдѣ познакомились съ нимъ? Откуда и какъ явилось второе видѣніе?

— Принцъ. . . .

— Взглянувъ внимательнѣе ему въ лицо, вы издали громкій крикъ и упали на полъ. Отчего? Что это значить?

— Этотъ незнакомецъ, принцъ. . . .

Онъ остановился, сталъ замѣтно безпокойнѣе и смущеннымъ взоромъ оглядывалъ всѣхъ насъ.

— Да, видитъ Богъ! этотъ незнакомецъ, принцъ — страшное существо.

— Что знаете вы о немъ? Въ какихъ онъ къ вамъ отношеніяхъ? — Не надѣйтесь утаить отъ насъ истину.

— О! это невозможно . . . Кто поручится мнѣ, что онъ въ эту минуту не между насъ?

— Гдѣ? кто? вскричали мы всѣ разомъ, и осмотрѣ-

лись въ комнатѣ и съ улыбкой и со страхомъ. —
Какъ это можетъ быть?

— О! этому человѣку — или кто бы онъ ни былъ —
возможны вещи, которыя еще непостижимѣе.

— Да кто же онъ такой? Откуда родомъ? Армя-
нинъ или русскій? Что правда въ томъ, за что онъ
выдаетъ себя?

— Онъ вовсе не то, чѣмъ кажется. Едва ли есть
сословіе или нація, въ маскѣ которыхъ онъ не являлся
бы. Кто онъ? Откуда? Куда его путь? Никто не
знаетъ. Многіе говорятъ, что онъ долго былъ въ Египтѣ
и добылъ тамъ изъ какой-то катакомбы свою таин-
ственную мудрость; этого я не стану ни утверждать,
ни отрицать. У насъ извѣстенъ онъ лишь подъ име-
немъ *непостижимаго*. Напримѣръ, какъ по вашему
мнѣнію — какихъ онъ лѣтъ?

— Судя по наружности, ему не больше сорока.

— А какъ вы думаете, сколько лѣтъ мнѣ?

— Вамъ подъ пятьдесятъ.

— Вы угадали. Но что вы вотъ на это скажете?
Я былъ еще семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда
дѣдушка мой рассказывалъ мнѣ объ этомъ чудномъ че-
ловѣкѣ: онъ видѣлъ его въ Фамагустѣ въ такомъ же
почти возрастѣ, въ какомъ является онъ намъ теперь.

— Это смѣшно, невѣроятно и преувеличено.

— Ни на волосъ. Не держи меня эти оковы, я
привелъ бы вамъ свидѣтелей, почтенный видъ кото-
рыхъ не оставилъ бы въ васъ ни малѣйшаго сомнѣнія.
Достойные всякаго вѣроятія люди вспоминаютъ, что
видѣли его въ одно время въ разныхъ частяхъ свѣта.
Нѣтъ клинка, которымъ можно бы пронзить его; нѣтъ
яду, сильнаго надъ нимъ; онъ не горитъ на огнѣ; сядь

онъ на корабль — и корабль несокрушимъ. Самое время какъ будто утратило надъ нимъ свою власть; года идутъ, не иссушая его соковъ, и старость не можетъ убѣлить ему волосъ. Никто не видалъ, чтобы онъ ѣлъ; никогда не прикасался онъ къ женщинѣ; глаза его не знаютъ сна; изъ всѣхъ часовъ дня есть лишь одинъ, надъ которымъ онъ не властенъ, и въ этотъ часъ никто не видалъ его, въ этотъ часъ не брался онъ ни за какое земное дѣло.

— Вотъ какъ! сказалъ принцъ. — Который же это часъ?

— Двѣнадцатый часъ ночи. Какъ только прозвучитъ двѣнадцатый ударъ часовъ, онъ уже не принадлежитъ къ живущимъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ долженъ удалиться; что бы ни дѣлалъ, долженъ оставить свое дѣло. Этотъ ужасный ударъ колокола вырываетъ его изъ объятій дружбы, отторгаетъ его даже отъ алтаря, и вызвалъ бы его и изъ смертной борьбы. Никто не знаетъ, куда онъ тогда уходитъ и что дѣлаетъ. Никто не смѣетъ спросить его объ этомъ, тѣмъ болѣе — слѣдовать за нимъ; лишь только пробьетъ этотъ роковой часъ, всѣ черты лица его вдругъ принимаютъ такой мрачный и грозный характеръ, что ни у кого не хватаетъ духа взглянуть ему въ лицо или заговорить съ нимъ. Глубокое, мертвое безмолвіе прерываетъ тогда вдругъ самый оживленный разговоръ, и всѣ, окружающіе его, ожидаютъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ его возврата, не рѣшаясь даже подняться съ мѣста или отворить дверь, въ которую онъ вышелъ.

— А замѣтно въ немъ что-нибудь необыкновенное, когда онъ возвращается? спросилъ кто-то изъ насъ.

— Нѣтъ, онъ только блѣденъ и какъ будто усталъ,

словно человѣкъ, вынесшій мучительную операцію или пораженный ужасною вѣстью. Нѣкоторые утверждаютъ, что видѣли капли крови на его рубашкѣ; но я за это не ручаюсь.

— По крайней мѣрѣ не пытался ли кто-нибудь скрыть отъ него этотъ часъ, или такъ развлечь его, чтобы онъ о немъ не вспомнилъ?

— Однажды, говорятъ, онъ пропустилъ срокъ, лишь однажды. Онъ былъ въ многочисленномъ обществѣ, позднимъ вечеромъ; всѣ часы были нарочно переставлены, и онъ увлекся пыломъ разговора. Когда насталъ роковой часъ, онъ внезапно смолкъ и оцѣпенѣлъ; всѣ члены его остались въ томъ положеніи, въ какомъ засталъ ихъ этотъ роковой часъ, глаза остановились, пульсъ пересталъ биться; всѣ средства привести его въ чувство оказались напрасными; и онъ оставался въ этомъ состояніи, пока не прошелъ часъ. Тутъ онъ снова внезапно ожилъ, открылъ глаза и продолжалъ рѣчь съ того слова, на которомъ она прервалась. Всеобщее изумленіе обличило ему все происшедшее, и онъ сказалъ съ грозной важностью, что счастье еще его собесѣдникамъ, что они отдѣлались однимъ страхомъ. Но городъ, гдѣ случилось это съ нимъ, покинулъ онъ въ тотъ же вечеръ — и навсегда. Вообще думаютъ, что въ этотъ таинственный часъ онъ ведетъ переговоры со своимъ геніемъ. Нѣкоторые полагаютъ даже, что онъ мертвецъ, которому дано вращаться въ теченіе двадцати трехъ часовъ въ день въ средѣ живыхъ людей; но на одинъ часъ душа его должна возвращаться въ подземный міръ и являться тамъ на судъ. Многіе также считаютъ его знаменитымъ Аполлоніемъ Тіанскимъ, а есть и такіе, что говорятъ, будто онъ

ученикъ Іоанна, долженствующій остаться въ живыхъ до послѣдняго суда.

— Конечно, не можетъ быть, чтобы такой необыкновенный человѣкъ не возбуждалъ странныхъ толковъ. Но все, что вы сказали теперь, основывается только на слухахъ; а между-тѣмъ его обращеніе съ вами и ваше съ нимъ обличали, какъ мнѣ показалось, болѣе близкое знакомство. Не было ли какой особенной исторіи, въ которую были замѣшаны вмѣстѣ съ нимъ и вы сами? Не скрывайте отъ насъ ничего!

Сициліанецъ смотрѣлъ на насъ съ сомнѣніемъ и молчалъ.

— Если дѣло касается отношеній, продолжалъ принцъ: — которымъ вы не желали бы давать гласность, то я могу увѣрить васъ, отъ имени обоихъ этихъ господъ, въ самомъ ненарушимомъ безмолвіи. Только говорите откровенно и безъ утайки.

— Такъ какъ вы общаете мнѣ, началъ наконецъ сициліанецъ послѣ продолжительнаго молчанія: — не употреблять во зло моей откровенности, то я расскажу вамъ замѣчательное происшествіе съ этимъ армяниномъ. Я былъ очевидцемъ этого происшествія, и оно не оставитъ въ васъ никакого сомнѣнія относительно таинственнаго могущества этого человѣка. Прошу объ одномъ, прибавилъ онъ: — позвольте мнѣ не называть нѣкоторыхъ именъ.

— Будто это условіе необходимо?

— Да, принцъ: тутъ замѣшана фамилія, которой я обязанъ уваженіемъ.

— Рассказывайте! сказалъ принцъ.

— Лѣтъ пять тому, началъ сициліанецъ: — въ Неаполѣ, гдѣ я довольно удачно занимался своимъ ис-

кусствомъ, познакомился я съ Лоренцо дель М^{***}нте, кавалеромъ ордена Св. Стефана, молодымъ и богатымъ синьйоромъ, который принадлежалъ къ одному изъ первыхъ домовъ въ королевствѣ. Онъ осыпалъ меня милостями и, казалось, чувствовалъ большое уваженіе къ моимъ тайнамъ. Онъ открылъ мнѣ, что маркизь дель М^{***}нте, его отецъ, — горячій поклонникъ кабалистики, и что онъ былъ бы очень счастливъ увидать въ своемъ домѣ мудреца (такъ называлъ онъ меня) Старикъ жилъ въ одной изъ своихъ приморскихъ виллъ, миляхъ въ семи отъ Неаполя; почти въ совершенномъ отчужденіи отъ людей оплакивалъ онъ тамъ утрату любимаго сына, отнятаго у него ужасною судьбою. Лоренцо намекнулъ мнѣ, что и онъ и семейство его могутъ даже имѣть серіозную надобность въ моихъ таинственныхъ знаніяхъ: можетъ-быть они рѣшили бы нѣчто, оставшееся непроницаемымъ для всѣхъ естественныхъ средствъ. Лоренцо прибавлялъ къ этому многозначительно, что въ особенности онъ будетъ можетъ быть имѣть со временемъ поводъ считать меня виновникомъ своего спокойствія и счастія всей своей жизни. Дѣло было вотъ въ чемъ. Этотъ Лоренцо былъ младшій сынъ маркиза, почему и предназначался въ духовное званіе; родовыя имѣнія должны были достаться его старшему брату. Иеронимо (такъ звали этого брата) провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіяхъ и возвратился на родину лѣтъ за семь до происшествія, о которомъ идетъ рѣчь, чтобы вступить въ бракъ съ единственною отраслью одного сосѣдняго графскаго дома, именно К^{***}тти. Союзъ этотъ былъ условленъ обѣими фамиліями еще при рожденіи дѣтей, съ цѣлью соединить ихъ значительныя богатства. Хотя союзъ этотъ и былъ лишь дѣломъ ро-

дательскаго соглашенія и при выборѣ никто не спросилъ совѣта у сердца обрученныхъ, тѣмъ не менѣе они и сами тайно поклялись другъ-другу соединиться. Іеронимо дель М^{***}нте и Антонія К^{***}тти воспитывались вмѣстѣ; на дѣтей съ раннихъ лѣтъ смотрѣли какъ на жениха съ невѣстой, и обращеніе ихъ между собой ничѣмъ не было стѣсняемо. Это рано развило въ нихъ нѣжную склонность другъ къ другу, которую еще болѣе скрѣпило сходство характеровъ; въ зрѣлыхъ лѣтахъ она незамѣтно превратилась въ любовь. Четырехъ-лѣтняя разлука не только не охладила, а скорѣе распалила ее, и Іеронимо съ такой вѣрностью и съ такимъ пыломъ возвратился въ объятія невѣсты, какъ будто и не разставался съ нею.

«Восторги свиданія не успѣли еще пройти, и живо кипѣли приготовленія къ свадьбѣ, какъ вдругъ женихъ — исчезъ. Не разъ проводилъ онъ цѣлые вечера на одной приморской виллѣ и любилъ тогда покататься по морю. Послѣ одного изъ такихъ вечеровъ онъ особенно долго не являлся. За нимъ разослали гонцовъ; лодки отыскивали его въ морѣ; никто его не видалъ; слуги его были всѣ дома, стало быть онъ никого не взялъ съ собой. Наступила ночь, а онъ все не возвращался. Наступило утро — полдень и вечеръ; Іеронимо все нѣтъ. Ужъ какихъ ужасныхъ предположеній не дѣлали! Вдругъ узнаютъ, что наканунѣ къ берегу приставало алжирское корсарское судно, и нѣсколько прибрежныхъ жителей взято въ плѣнъ. Тотчасъ же снаряжаютъ двѣ готовыя уже къ пути галеры; на одну садится старый маркизъ, рѣшившись освободить сына съ опасностью собственной жизни. На третье утро видятъ они разбойничье судно, передъ которымъ у

нихъ было преимущество въ болѣе счастливомъ вѣтрѣ; скоро догоняють они его; вотъ уже они такъ близко, что Лоренцо, находившійся на первой галерѣ, видитъ какъ будто брата на палубѣ вражескаго корабля; вдругъ буря—и они опять теряютъ другъ друга изъ виду. Съ трудомъ выдерживаютъ ее поврежденныя галеры; добыча ушла у нихъ, и имъ приходится по неволѣ пристать къ Мальтѣ. Вся семья въ неописанномъ горѣ; старый маркизъ рветъ въ отчаяніи свои сѣдые волосы; всѣ опасаются за жизнь молодой графини.

«Пять лѣтъ проходитъ въ безплодныхъ поискахъ. Вдоль всего варварскаго берега наводятся справки; за освобожденіе молодаго маркиза предлагаютъ несмѣтныя суммы; но не отыскивается ни одного охотника обогатиться. Наконецъ всѣ остановились на очень вѣроятномъ предположеніи, что буря, разлучившая оба судна, разбила корсарскій корабль, и что весь экипажъ его потонулъ.

«Какъ ни правдоподобно было это предположеніе, все же оно не имѣло цѣны извѣстнаго факта, и ничто не заставляло совершенно покинуть надежду на возвращеніе Іеронимо. Предположите теперь, что онъ не возвратится: съ нимъ угасаетъ фамилія, или другой братъ его долженъ отказаться отъ духовнаго поприща и вступить во всѣ права перворожденнаго. Какъ ни несправедливо, казалось, было бы это въ отношеніи къ старшему, фамилія не могла подвергнуть себя опасности прекратиться изъ излишней добросовѣстности. Горе и старость приближали стараго маркиза къ могилѣ; съ каждой неудачной попыткой все болѣе терялъ онъ надежду увидать опять пропавшаго сына; онъ видѣлъ погибель своего дома, которую можно бы отстранить не-

большою несправедливостью, еслибъ только онъ рѣшил-ся осчастливить младшаго сына въ ущербъ старшему. Чтобы исполнить обязательство къ графскому дому К**тти, стоило только переимѣнить имя; цѣль обѣихъ фамилій достигалась одинаково, за кого бы ни вышла Антонія — за Лоренцо или за Іеронимо. Слабая *возможность* возвращенія Іеронимо не могла имѣть значенія передъ *вѣрной* и неизбѣжной опасностью, совершеннымъ исчезновеніемъ фамиліи, и старый маркизь, чувствуя съ каждымъ днемъ сильнѣе близость смерти, нетерпѣливо желалъ умереть хоть безъ *этой* заботы.

«Болѣе всего отклонялъ и упорнѣе всѣхъ оспаривалъ этотъ шагъ именно тотъ, кто больше всѣхъ при немъ выигрывалъ — Лоренцо. Его не прельщали не-счетныя богатства; онъ былъ нечувствителенъ даже къ обладанію прелестнѣйшимъ существомъ, которое должно было перейти въ его объятія, и съ великодушнѣйшей добросовѣстностью отказывался отнять все у брата: вѣдь онъ можетъ-быть еще живъ и со временемъ потребуетъ обратно свою собственность.

«— Судьба моего дорогаго Іеронимо, говорилъ онъ: — и безъ того ужасна! сколько лѣтъ невольничества! А я еще болѣе омрачу ее, лишая его всего, что ему дорого въ этомъ мірѣ! Какъ стану я молить небо о его возвращеніи, когда жена его будетъ лежать въ моихъ объятіяхъ? Какъ поспѣшу къ нему навстрѣчу, если наконецъ какое-нибудь чудо возвратитъ его намъ? Положимъ, что судьба и навѣки отняла его у насъ; чѣмъ намъ лучше почтить его, какъ не оставивъ навѣки пустымъ то мѣсто, которое смерть его опорожнила въ нашемъ кругу? Не лучше ли будетъ принести въ жертву на его могилѣ всѣ наши надежды, и оставить не-

прикосновеннымъ, какъ святыню, все, что принадлежало ему?

«Но никакіе доводы, изобрѣтаемые братскою деликатностью, не могли примирить стараго маркиза съ мыслью, что онъ увидитъ конецъ рода, процвѣтавшаго почти девять столѣтій. Лоренцо успѣлъ склонить его лишь на одну уступку: дать ему еще два года сроку, прежде-чѣмъ онъ поведетъ къ алтарю невѣсту своего брата. Въ продолженіе этого времени неусыпно продолжались розыски. Самъ Лоренцо сдѣлалъ нѣсколько морскихъ путешествій, и самъ подвергался неразъ опасностямъ; онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни издержекъ, только бы отыскать пропавшаго. Но и эти два года, какъ предшествовавшіе, прошли безплодно».

— А графиня Антонія? спросилъ принцъ. — Вы не говорите ничего о ея положеніи. Неужто она такъ равнодушно покорила судьбѣ? Мнѣ не вѣрится этому.

— Въ Антоніи происходила мучительнѣйшая борьба долга со склонностью, ненависти съ уваженіемъ. Безкорыстное великодушіе братской любви трогало ее; она чувствовала невольное уваженіе къ человѣку, котораго никакъ не могла любить; самыя противоположныя чувства терзали ея сердце. Но отвращеніе ея къ Лоренцо расло, кажется, по мѣрѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе правъ на ея уваженіе. Съ глубокой скорбью замѣчалъ онъ тайное горе, подтачивавшее ея молодую жизнь. Нѣжное состраданіе незамѣтно смѣнило равнодушіе, съ какимъ онъ прежде смотрѣлъ на нее; но это обманчивое чувство скоро перешло въ пылкую страсть, которая дѣлала ему все тягостнѣе и тягостнѣе до той поры безпримѣрную вѣрность своему долгу. Впрочемъ онъ наперекоръ любви продолжалъ внимать голосу

благородства: онъ одинъ становился въ защиту несчастной жертвы противъ произвола семьи. Но всѣ старанія его были бесполезны: каждая побѣда, одержанная имъ надъ своею страстью, возвышала его достоинства въ глазахъ Антоніи, и великодушіе, съ какимъ отказывался онъ отъ нея, сдѣлало почти невозможнымъ, непросительнымъ отказъ съ ея стороны.

«Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Лоренцо уговорилъ меня посѣтить виллу. Теплая рекомендація моего покровителя приготовила мнѣ тамъ пріемъ, превзошедшій всѣ мои ожиданія. Я долженъ упомянуть, что мнѣ удалось нѣсколькими счастливыми операціями прославить тамъ свое имя; это можетъ-быть возвысило еще болѣе довѣріе ко мнѣ стараго маркиза и заставило его ожидать отъ меня многого. Какъ сильно было мое вліяніе, и какими путями я пріобрѣталъ его, я не стану вамъ рассказывать; вы можете судить о томъ изъ моихъ прежнихъ признаній. Я воспользовался всѣми мистическими книгами, какія нашлись въ очень большой библіотекѣ маркиза, и вскорѣ могъ говорить съ нимъ его языкомъ и украшать мою систему невидимаго міра самыми удивительными изобрѣтеніями. Скоро сталъ онъ вѣрить во все, что я хотѣлъ, и готовъ былъ клясться связью философовъ съ саламандрами и сільфидами, какъ какимъ нибудь членомъ символа вѣры. Притомъ онъ былъ религіозенъ, и мистическія наклонности его развились до крайней степени въ этой школѣ; такимъ образомъ небылицы мои находили къ нему прямой доступъ, и наконецъ я такъ опуталъ и осѣтилъ его мистицизмомъ, что онъ только и вѣрилъ тому, что сверхъ-естественно. Скоро сталъ я боготворимымъ пророкомъ дома. Обыкновеннымъ содержаніемъ моихъ лекцій были экзальтація

человѣческой натуры и связь съ высшими существами; порукой мнѣ былъ непогрѣшительный графъ Габалисъ. Молодая графиня, послѣ потери своего жениха и безъ того жившая болѣе въ фантастическомъ, чѣмъ въ дѣйствительномъ мірѣ, и безъ того съ большою примѣсью меланхоліи въ характерѣ, ловила съ трепетнымъ любопытствомъ мои летучіе намеки; даже прислуга старалась оставаться за какимъ нибудь дѣломъ въ комнатѣ, когда я говорилъ, чтобы поймать что-нибудь изъ моихъ словъ. Эти отрывки составлялись потомъ любителями на свой ладъ въ одно цѣлое.

«Такимъ образомъ я прожилъ на виллѣ мѣсяца два. Разъ Лоренцо входитъ ко мнѣ въ комнату. Глубокая печаль лежала у него на лицѣ, всѣ черты его были въ тревогѣ, и онъ опустился на стулъ со всѣми признаками отчаянія.

«— Капитанъ, сказалъ онъ:— все для меня конечно. Я долженъ уѣхать. Здѣсь мнѣ не подъ силу оставаться.

«— Что съ вами? Что случилось?

«— О! эта пагубная страсть!

«Тутъ онъ быстро вскочилъ со стула и бросился ко мнѣ на шею.

«— Я боролся съ нею мужественно.... Теперь не могу больше....

«— Да отъ кого же зависитъ все, какъ не отъ васъ, дорогой другъ? Развѣ не все въ вашей волѣ? Отецъ, семейство....

«— Отецъ! семейство! Что мнѣ въ этомъ?... Чего хочу я? насильнаго союза или добровольной склонности?... Развѣ у меня нѣтъ соперника?... О! и какого еще соперника!... Соперника можетъ - быть

между покойниками! О, пустите меня! Пустите меня! Хотя бъ на край свѣта! Я долженъ найти брата!

« — Какъ? И послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ въ васъ есть еще надежда. . . .

« — Надежда? . . . У *меня* въ сердцѣ она давно умерла. А въ *ея*? . . . Чтò за дѣло, надѣюсь ли *я*? . . . Могу ли я быть счастливъ, пока хоть искра надежды теплится въ сердцѣ Антоніи? Два слова, другъ, могли бы кончить мою пытку. . . . Но напрасно! моя судьба останется темной, пока вѣчность не прерветъ своего долгаго безмолвія и могилы не станутъ свидѣтельствовать за меня.

« — Такая увѣренность, значить, можетъ сдѣлать васъ счастливымъ?

« — Счастливымъ? Я сомнѣваюсь, чтобы это было когда нибудь для меня возможно! . . . Но неуѣренность — ужаснѣйшая казнь!

« Немного помолчавъ, онъ какъ-будто успокоился немного, и грустно продолжалъ:

« — О! если бъ онъ видѣлъ мои страданія! — Можетъ ли дать *ему* счастье эта вѣрность, составляющая горе его брата? Неужто слѣдуетъ живому томиться изъ-за мертваго, который непричастенъ земнымъ благамъ! . . . О! если бъ онъ зналъ мои муки! . . .

« Тутъ онъ горько заплакалъ и припалъ лицомъ къ моей груди.

« — Можетъ быть, . . . Да, можетъ быть тогда онъ самъ привелъ бы ее въ мои объятія!

« — Да развѣ такое желаніе совершенно неисполнимо?

« — Другъ мой! что вы сказали?

« Онъ взглянулъ на меня испуганными глазами.

« — И гораздо менѣе важныя причины, продолжалъ я: — связывали усопшихъ съ судьбою живыхъ. Неужто все временное счастье человѣка — брата — должно. . . .

« — Все временное счастье! О! я это чувствую! Какъ справедливо сказали вы! Все мое блаженство!

« — Неужто это счастье и спокойствіе горюющей семьи не достаточно сильный вызовъ? Да! Если только какія земныя побужденія могутъ дать право нарушить покой усопшихъ. . . . прибѣгнуть къ силѣ. . . .

« — Ради Бога, другъ мой! перебилъ онъ меня: — ни слова больше объ этомъ! Прежде — сознаюсь вамъ — я питалъ такія мысли. . . . Чуть ли я и не говорилъ вамъ объ этомъ. . . . Но я давно отвергъ ихъ, какъ ужасныя и гнусныя.

« Вы видите, » продолжалъ сициліанецъ: « куда шло дѣло. Я старался разсѣять опасенія Лоренцо, и это наконецъ удалось мнѣ. Мы рѣшили вызвать духъ покойнаго. Я выпросилъ себѣ двѣ недѣли срока, чтобы, какъ я говорилъ Лоренцо, достойно приготовиться къ этому дѣйствию. Срокъ наступилъ, машины мои были всѣ наготовѣ, и я воспользовался дождливымъ вечеромъ, когда вся семья была по обыкновенію въ сборѣ вокругъ меня, и выманилъ у нихъ согласіе, или, лучше сказать, незамѣтнымъ образомъ навелъ ихъ самъ на мысль просить меня вызвать тѣнь Іеронимо. Упорнѣе всѣхъ была молодая графиня, тогда-какъ присутствіе ея было необходимо; намъ помогъ впрочемъ грустный порывъ ея страсти, а можетъ-быть еще болѣе слабая искра надежды, что считаемый мертвецомъ женихъ ея еще живъ и не явится на зовъ. Недовѣрія къ моей силѣ, сомнѣнія въ моемъ искусствѣ ни въ комъ не было, и съ этой стороны затрудненія не представлялось.

«Какъ скоро всѣ были согласны, я назначилъ для вызова третій день послѣ этого вечера. Молитвы, которыя должны были продолжаться до полночи, постъ, бдѣніе, уединеніе и мистическія бесѣды, вмѣстѣ съ игрою на одномъ еще неизвѣстномъ музыкальномъ инструментѣ, очень дѣйствительномъ, по моему мнѣнію, въ подобныхъ случаяхъ, были приготовленіемъ къ этому торжественному акту; они оказались такъ согласны съ моими желаніями, что фанатическое одушевленіе моихъ слушателей воспламеняло мое собственное воображеніе и немало способствовало полнотѣ иллюзіи, къ которой я бывалъ принужденъ напрягать себя въ подобныхъ случаяхъ. Наконецъ ожидаемый часъ наступилъ. . . .»

— Угадываю, воскликнулъ принцъ: — кто теперь явится. . . . Но продолжайте! продолжайте! . . .

— Нѣтъ, принцъ. Заклинаніе прошло благополучно.

— Какъ такъ? А гдѣ жъ армянинъ?

— Не бойтесь, отвѣчалъ сициліанецъ: — армянинъ явится какъ разъ во время.

«Я не вдаюсь въ разсказъ о моихъ штукаxъ; это завело бы меня слишкомъ далеко. Достаточно сказать, что все оправдало мои ожиданія. При вызовѣ присутствовали старый маркизъ, молодая графиня съ матерью, Лоренцо и еще нѣсколько родственниковъ. Вы легко поймете, что въ долгое пребываніе мое въ домѣ у меня было довольно случаевъ получить точнѣйшія свѣдѣнія обо всемъ, что касалось покойника. Нѣсколько портретовъ его, находившихся въ виллѣ, дали мнѣ возможность сообщить моему видѣнію самое разительное сходство съ оригиналомъ; притомъ я заставилъ духа объясняться лишь знаками; стало-быть и голосъ его не могъ

возбудить никакого подозрѣнія. Покойникъ явился въ невольнической одеждѣ, съ глубокою раной на шеѣ. Замѣьте,» сказалъ сициліанецъ: «что я отступилъ въ этомъ случаѣ отъ всеобщаго предположенія, что онъ погибъ въ морѣ; у меня былъ поводъ надѣяться, что именно этотъ неожиданный оборотъ будетъ немало способствовать иллюзіи; напротивъ, я больше всего опасался добросовѣстнаго естественнаго объясненія.»

— Мнѣ кажется, вы разсудили очень вѣрно, сказалъ принцъ. — Въ ряду необыкновенныхъ явленій, по моему, именно *наиболѣе вѣроятное* нарушало бы иллюзію; нетрудность понять предлагаемое открытіе могла бы тутъ только уменьшить цѣну способа, какимъ оно добыто; нетрудность изобрѣсть такой фактъ могла бы даже заподозрить его вѣроятность. Вѣдь стоитъ ли тревожить духъ мертвеца, если отъ него нельзя узнать ничего, кромѣ того, что можно думать и безъ него, съ помощью лишь обыкновеннаго разсужденія? Поразительная новость и трудность открытія въ этомъ случаѣ служатъ подкрѣпленіемъ самаго чуда, какимъ это открытіе сдѣлано.... Кто усомнится въ сверхъестественности дѣйствія, если оно представляетъ то, чего невозможно добыть естественными средствами? — Я перебилъ васъ, прибавилъ принцъ: — продолжайте вашъ рассказъ.

— Я заставилъ, сталъ продолжать сициліанецъ: — обратить къ духу вопросъ, есть ли для него что-либо въ этомъ мірѣ, чтò онъ можетъ назвать *своимъ*, и не оставилъ ли онъ здѣсь чего, чтò ему дорого? Духъ трижды покачалъ головой и поднялъ одну руку къ небу. Передъ исчезновеніемъ своимъ онъ, казалось, снялъ кольцо у себя съ руки. Потомъ это кольцо нашли на полу, и

графиня, внимательно разсмотрѣвъ его, признала въ немъ свое обручальное кольцо.

— Обручальное кольцо! воскликнулъ въ изумленіи принцъ: — обручальное кольцо ея! Гдѣ достали вы его?

— Я.... Это было не настоящее, принцъ.... Я его.... Это было поддѣльное кольцо....

— Поддѣльное! повторилъ принцъ — Но для того, чтобы поддѣлать, вамъ нужно было настоящее; гдѣ жь вы добыли его? Покойникъ вѣроятно никогда ни снималъ его съ пальца....

— Это правда, сказалъ не безъ замѣшательства сициліанецъ: — но по описанію настоящаго обручальнаго кольца, по рассказамъ....

— А кто вамъ рассказывалъ?

— Еще задолго до этого.... сказалъ сициліанецъ: — это было самое простое золотое кольцо; кажется, съ именемъ молодой графини.... Вы совсѣмъ, однакожь, сбили меня....

— Что жь было дальше? сказалъ принцъ съ очень недовольной и двусмысленной миной.

— Всѣ убѣдились, что Іеронимо нѣтъ болѣе въ живыхъ. Родные на другой же день официально возвѣстили его смерть и официально надѣли трауръ по немъ. Случай съ кольцомъ не оставлялъ ни тѣни сомнѣнія и въ Антоніи, и далъ больше увѣренности сватовству Лоренцо. Но сильное впечатлѣніе, произведенное на нее этимъ явленіемъ, причинило ей опасную болѣзнь, которая вскорѣ разрушила навѣки надежды ея новаго жениха. Оправившись отъ болѣзни, Антонія непременно хотѣла вступить въ монастырь и постричься; отъ этого намѣренія могли отвратить ее развѣ только непре-

станныя убѣжденія ея духовника, пользовавшагося ея безпредѣльнымъ довѣріемъ. И точно, соединеннымъ усиліямъ этого человѣка и всей родни удалось наконецъ вынудить у нея согласіе. Послѣдній день траура долженъ былъ стать днемъ радости, и старый маркизь намѣревался сдѣлать его еще торжественнѣе передачею всего имѣнія своего законному наслѣднику.

«Наступилъ этотъ день, и Лоренцо всталъ предъ алтаремъ со своею трепещущей невѣстой. День близился къ концу; пышный пиръ ждалъ веселыхъ гостей въ ярко освѣщенной свадебной залѣ, и громкая музыка вторила шумному веселью. Счастливому старику хотѣлось, чтобы весь міръ раздѣлялъ съ нимъ его радость; всѣ двери замка были отворены настежь, и званымъ гостемъ былъ всякой, радовавшійся свадьбѣ. Въ этой толпѣ. . . .»

Тутъ сициліанецъ пріостановился; мы едва переводили духъ въ трепетѣ ожиданія. . . .

— Въ этой толпѣ, продолжалъ онъ: — сосѣдъ мой за столомъ указалъ мнѣ на *францисканскаго монаха*, высокаго и худаго, съ желтоблѣднымъ лицомъ, который стоялъ неподвижной статуей и не сводилъ съ брачной четы серіознаго и печальнаго взгляда. Радость, оживлявшая улыбкой всѣ лица вокругъ, казалось, не касалась только одного его; выраженіе лица его оставалось неизмѣнно, какъ лицо изваянія въ средѣ живыхъ людей. Необыкновенный взглядъ его, поразившій меня среди общаго веселья и рѣзко отдѣлившій меня ото всего, происходившаго вокругъ въ эту минуту, глубоко подѣйствовалъ на меня, и оставилъ въ душѣ моей неизгладимое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе позволило мнѣ узнать черты монаха въ фізіономіи русскаго (вы конечно

уже догадались, что онъ одно и то же лицо съ нимъ и съ вашимъ армяниномъ). Иначе я едва ли могъ бы узнать его. На свадебномъ пиру я не разъ пытался отвести глаза отъ этой грозной фигуры, но они невольно обращались снова къ нему, и всякой разъ находили ее въ прежнемъ положеніи. Я толкнулъ своего сосѣда, сосѣдъ своего; то же любопытство, то же удивленіе пронеслись по всему столу; разговоръ пріостановился; внезапно наступило всеобщее молчаніе; оно не смутило монаха. Монахъ стоялъ все такъ же, въ той же неподвижной позѣ, и серіозный и печальный взоръ его все такъ же былъ прикованъ къ новобрачной четѣ. Всѣхъ испугало появленіе этого незнакомца; лишь молодая графиня нашла какъ бы отраженіе своей собственной грусти въ его лицѣ, и смотрѣла съ тихой отрадой на единственный предметъ во всемъ собраніи, который, по видимому, понималъ и раздѣлялъ ея горе. Мало по малу толпы гостей разошлись; было ужъ за полночь; музыка звучала тише и глуше; свѣчи горѣли темнѣе; наконецъ изъ нихъ только нѣсколько осталось не погасшими; разговоръ становился все тише, тише, и перешелъ въ шопотъ все безлюднѣе и безлюднѣе ставала тускло освѣщенная свадебная зала; монахъ стоялъ неподвижно, и все тѣмъ же серіознымъ и печальнымъ взглядомъ смотрѣлъ на новобрачныхъ. Столъ убираютъ; гостей уже нѣтъ; семья смыкается въ болѣе тѣсный кружокъ; монахъ безъ приглашенія остается въ этомъ тѣсномъ домашнемъ кругу. Не знаю, какъ это случилось, но никто не хотѣлъ заговорить съ нимъ; никто не промолвилъ ему слова. Женщины тѣсняются уже около дрожащей невѣсты; она обращаетъ умоляющій о помощи взглядъ на почтеннаго незнакомца; незнакомецъ

не отвѣчаетъ на этотъ взглядъ. Мужчины такъ же собираются вокругъ жениха. . . . Въ общемъ безмолвіи чувствуется что-то страшное, будто ожиданіе чего-то. . . .

« — Всѣ мы такъ счастливы, заговорилъ наконецъ старый маркизъ, который одинъ, казалось, не замѣчалъ между нами незнакомца или вовсе не удивлялся его присутствію. — Всѣ мы такъ счастливы, сказалъ онъ: — и только нѣтъ сына моего Іеронимо!

« — А ты звалъ его, и онъ не пришелъ? спросилъ монахъ.

« Въ первый разъ произнесъ онъ слово. Мы въ ужасѣ взглянули на него.

« — Увы! онъ ушелъ туда, откуда нѣтъ возврата! отвѣчалъ старикъ. — Вы не такъ поняли меня, досто-почтенный отецъ. Сынъ мой Іеронимо умеръ.

« — А можетъ быть онъ просто боится явиться сюда при такомъ обществѣ, продолжалъ монахъ. — Почему знать, каковъ онъ на видъ, твой сынъ Іеронимо? — Дай ему услышать голосъ, который онъ слышалъ въ послѣдній разъ! — Попроси сына твоего Лоренцо вызвать его!

« — Что это значитъ? прошептали всѣ.

« Лоренцо поблѣднѣлъ. Признаюсь, у меня волосы становились дыбомъ.

« Монахъ приблизился между-тѣмъ къ столу, взялъ со стола полный стаканъ съ виномъ и поднесъ его ко рту.

« — Въ память нашего дорогаго Іеронимо! воскликнулъ онъ. — Кто любилъ покойнаго, пусть выпьетъ со мной!

« — Откуда и кто бы вы ни были, достопочтенный отецъ, вскричалъ наконецъ маркизъ: — вы назвали до-

рогое намъ имя; будьте нашимъ гостемъ! — Друзья мои! сказалъ онъ, обращаясь къ намъ и раздавая полные стаканы: — не дадимъ чужому пристыдить насъ! — Въ память сына моего Іеронимо!

«Никогда, я думаю, не принимались за здравные стаканы съ такимъ стѣсненнымъ сердцемъ.

«— Вотъ еще полный стаканъ. . . . Что же сынъ мой Лоренцо медлитъ и не отвѣтитъ дружескому приглашенію?

«Съ трепетомъ принялъ Лоренцо стаканъ изъ рукъ францисканца. . . . съ трепетомъ поднесъ его къ губамъ. . . .

«— Въ память любимаго брата моего Іеронимо! пролепеталъ онъ, и съ трепетомъ поставилъ стаканъ на столъ.

«— Это голосъ моего убійцы! произнесла страшная фигура, внезапно появившаяся посреди насъ, въ окровавленной одеждѣ, обезображенная ужасными ранами. . . .

«Не спрашивайте меня о томъ, что было дальше!» сказалъ сициліанецъ со всѣми признаками ужаса на лицѣ: «Я лишился чувствъ, едва взглянулъ на видѣніе. Тоже случилось и со всѣми присутствовавшими. Когда мы пришли въ себя, Лоренцо былъ въ смертной агоніи; монахъ и видѣніе уже исчезли. Лоренцо перенесли въ страшныхъ конвульсіяхъ на постель; около умирающаго оставались лишь духовникъ его да убитый горемъ отецъ, который нѣсколько недѣль спустя послѣдовалъ за сыномъ въ могилу. Признанія его схоронены въ груди патера, принявшаго его послѣднюю исповѣдь, и никто изъ живыхъ не узналъ ихъ. Вскорѣ послѣ этого происшествія вздумали какъ-то очистить колодезь на

заднемъ дворѣ виллы, заросшій дикимъ кустарникомъ и съ давнихъ лѣтъ засыпанный и заваленный щебнемъ; разрывая щебень, нашли въ колодцѣ скелетъ. Дóма, въ которомъ это случилось, уже не существуетъ; родъ дель М * * нте угасъ, и въ одномъ изъ монастырей близъ Салерно можно видѣть могилу Антоніи.

«Вы знаете теперь,» продолжалъ сициліанецъ, видя, что всѣ мы стоимъ въ безмóлвномъ изумленіи и никто не начинаетъ рѣчи: «вы знаете теперь, съ чего началось мое знакомство съ этимъ русскимъ офицеромъ, или съ этимъ францисканскимъ монахомъ, или съ этимъ армяниномъ. Судите сами, былъ ли у меня поводъ дрожать передъ существомъ, такъ странно и грозно дважды преградившимъ мнѣ дорогу.»

— Дайте мнѣ отвѣтъ еще лишь на одинъ вопросъ, сказалъ, вставая, принцъ. — Откровенно ли вы рассказали все, касающееся до Лоренцо?

— Я больше ничего не знаю, отвѣчалъ сициліанецъ.

— Стало быть вы дѣйствительно считали его честнымъ человѣкомъ?

— Да, божусь вамъ! отвѣчалъ тотъ.

— И тогда, какъ онъ вручилъ вамъ кольцо?

— Какъ?... Онъ мнѣ никакого кольца не давалъ....

Вѣдь я не говорилъ, что кольцо далъ мнѣ онъ.

— Хорошо, сказалъ принцъ, собираясь идти, и дернулъ за звонокъ. — И духъ маркиза де Лануа, спросилъ онъ, еще разъ возвращаясь отъ дверей: — котораго этотъ русскій вызвалъ вслѣдъ вашему духу, вы тоже считаете дѣйствительно-настоящимъ духомъ?

— Я не могу считать его ничѣмъ инымъ, отвѣчалъ сициліанецъ.

— Пойдемте! сказалъ принцъ.

Вошелъ сторожъ.

— Мы готовы, сказалъ принцъ, обращаясь къ нему. — Вы, синіоръ, еще услышите обо мнѣ.

— Вопросъ, обращенный вами на прощанье къ этому штукарю, принцъ, мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ самимъ, сказалъ я принцу, когда мы снова остались вдвоемъ. — Этотъ второй духъ кажется вамъ дѣйствительно-настоящимъ?

— Мнѣ? нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ.

— Нѣтъ? Но по крайней мѣрѣ онъ казался вамъ такимъ?

— Сознаюсь, съ минутой я былъ увлеченъ на столько, что этотъ обманъ чувствъ казался мнѣ чѣмъ-то бѣльшимъ.

— Желалъ бы я видѣть *того*, воскликнулъ я: — кто при такихъ обстоятельствахъ можетъ отдѣлаться отъ подобнаго предположенія. Но на основаніи чего же вы отказываетесь отъ своего прежняго мнѣнія? Послѣ того, что мы сейчасъ слышали объ армянинѣ, вѣра въ его чудное могущество могла бы скорѣе увеличиться, но ужь никакъ не уменьшиться.

— Послѣ того, что мы слышали отъ негодая? строго перебилъ меня принцъ. — Надѣюсь, вы ужь не сомнѣваетесь, что рассказчикъ нашъ — негодай? . . .

— Нѣтъ, отвѣчалъ я. — Но развѣ оттого свидѣтельство его. . . .

— Свидѣтельство негодая — положимъ, другаго повода къ сомнѣнію у меня нѣтъ — свидѣтельство негодая не можетъ приниматься въ расчетъ противъ истины и здраваго разсудка. Можно ли человѣку, который столько разъ обманывалъ меня, который обманъ сдѣ

лалъ своимъ ремесломъ, можно ли дать ему вѣру въ такомъ дѣлѣ? Въ этомъ случаѣ, чтобъ заставить повѣрить, и самая прямая любовь къ истинѣ должна предварительно очиститься. Этотъ человѣкъ можетъ-быть никогда не говорилъ правды ради правды; такъ какъ же вѣрить ему, когда онъ становится въ свидѣтели противъ человѣческаго разума и вѣчнаго порядка природы? Не все ли это равно, что уполномочить заклеяменнаго злодѣя обвинять никогда не запятнанную, никогда не поруганную невинность.

— Да на какомъ основаніи станетъ онъ приписывать такія неслыханныя качества человѣку, который далъ ему немало поводовъ если не ненавидѣть, то по крайней мѣрѣ бояться себя?

— Положимъ, я не вижу основанія; но развѣ оно поэтому не можетъ существовать? Почему я знаю, *кто* подкупилъ его обманывать меня? Признаюсь, я еще не могу хорошенько разобрать всего сплетенія его обмановъ; но онъ оказалъ плохую услугу дѣлу, которому служить, снявъ съ себя передо мною маску и обличивъ себя обманщикомъ — а можетъ-быть и чѣмъ нибудь хуже.

— Обстоятельство съ кольцомъ кажется мнѣ дѣйствительно подозрительнымъ.

— Оно *больше* чѣмъ подозрительно, возразилъ принцъ: — оно явно преступно. Это кольцо получилъ онъ отъ убійцы, и, принимая его, долженъ былъ вѣрно знать, что беретъ его отъ убійцы. Кто, кромѣ убійцы, могъ снять съ покойника кольцо, котораго тотъ вѣрно никогда не снималъ съ пальца? Во все продолженіе разказа онъ старался убѣдить насъ, будто самъ былъ обманутъ Лоренцо, и будто думалъ, что обманы-

ваетъ его. Къ чему эти оговорки, если бѣ онъ не чувствовалъ, сколько потеряетъ, обличивъ свое соглашеніе съ убійцей? Весь разсказъ его очевидно не что иное, какъ рядъ вымысловъ съ вплетеніемъ въ него немногихъ истинъ, которыя онъ считалъ полезнымъ сообщить намъ. Не лучше ли негодая, пойманнаго мною десять разъ на лжи, обвинить и въ одиннадцатый разъ, нежели допустить нарушеніе основнаго порядка природы, въ которомъ я не замѣчалъ еще ни одного диссонанса?

— На это мнѣ нечего возразить вамъ, сказалъ я. — Но тѣмъ не менѣе видѣнный нами вчера призракъ остается для меня непостижимымъ.

— Для меня тоже, замѣтилъ принцъ: — хотя мною тотчасъ же овладѣло искушеніе — поискать ключа къ этому явленію.

— Какъ? спросилъ я.

— Вы помните, что вторая фигура, едва появилась подошла къ алтарю, взяла въ руки распятіе и встала на коверъ. . . .

— Да, такъ мнѣ показалось.

— А распятіе, по словамъ сициліанца, было проводникомъ. Изъ этого ясно, что она поспѣшила наэлектризоваться. Ударъ шпаги лорда Сеймура не могъ не оказаться недѣйствительнымъ: электрическій ударъ обезоружилъ его руку.

— Шпага, положимъ, могла не подѣйствовать. Но пуля изъ пистолета сициліанца? Мы слышали, какъ она тихо скатилась у алтаря

— Да навѣрное ли вы знаете, что пуля эта была изъ этого пистолета? . . . Ужъ я не говорю о томъ, что кукла, или представлявшій духа, могли быть одѣты въ

броню, неподатливую ни для пули, ни для шпаги. . . .
Вспомните одно — *кто* заряжалъ пистолеты?

— Да, ваша правда! сказалъ я (и внезапный свѣтъ озарилъ меня): — ихъ зарядилъ русскій. Но вѣдь это было на нашихъ глазахъ. Какъ могъ произойти тутъ обманъ?

— А отчего жъ нѣтъ? Развѣ вы чувствовали тогда недовѣріе къ этому человѣку и старались слѣдить за каждымъ его движеніемъ? Развѣ вы осмотрѣли пулю, прежде чѣмъ онъ опустилъ ее въ стволъ? Вѣдь она могла быть ртутная или просто глиняная, выкрашенная. Развѣ вы наблюдали, дѣйствительно ли онъ опустилъ ее въ стволъ пистолета, а не въ руку? Чѣмъ вы поручитесь — предположимъ, что онъ точно зарядилъ пистолеты какъ слѣдуетъ — чѣмъ вы поручитесь, что онъ взялъ съ собою въ другой павиліонъ именно заряженные, а не другіе; подмѣнить ихъ было не трудно: никому и въ голову не приходило слѣдить за нимъ, и притомъ мы были заняты — раздѣвались. И развѣ не могла фигура въ то мгновеніе, какъ была закрыта отъ насъ дымомъ пороха, бросить у алтаря другую, взятую на этотъ случай пулю? Все это было возможно.

— Вы правы. Но это поразительное сходство фигуры съ вашимъ покойнымъ другомъ Вѣдь я тоже очень часто видалъ его у васъ, и сразу узналъ его въ образѣ духа.

— И я — не могу и я не сознаться, что иллюзія была въ высшей степени удачна. Но ужь если этотъ сициліанецъ, послѣ двухъ трехъ бѣглыхъ взглядовъ на мою табакерку сумѣлъ придать даже *своей* копіи сходство, обманувшее и васъ и меня, то какъ же было не произвести еще полнѣйшаго обмана русскому, который во все продолженіе ужина свободно пользовался моею

табакеркой? На сторонѣ его была та выгода, что никто и не думалъ наблюдать за нимъ, и притомъ я ему сказалъ потихоньку, *чей* на табакеркѣ портретъ. — Прибавьте къ этому — что и сициліанецъ замѣтилъ — что характерныя черты лица маркиза легко уловить и въ грубомъ изображеніи, и согласитесь, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего непостижимаго.

— Но содержаніе его словъ? объясненіе, касающееся вашего друга?

— Какъ? да развѣ не сказалъ намъ сициліанецъ, что изъ немногихъ отвѣтовъ моихъ на его вопросы сочинилъ подобную же исторію? Развѣ это не доказываетъ, какъ естественно было напасть именно на такой вымыселъ? Притомъ духъ отвѣчалъ темно, какъ оракуль, и ему нечего было опасаться, что его поймутъ на какомъ-нибудь противорѣчіи. Предположите, что у креатуры этого фокусника, представлявшей духа, нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни въ быстротѣ соображенія, и что ей были хоть немножко извѣстны обстоятельства.... да этотъ фокусъ можно было растянуть Богъ знаетъ на сколько времени!

— Но подумайте, принцъ, сколько и какихъ затѣйныхъ приготовленій нужно было сдѣлать армянину, чтобы произвести такой сложный обманъ! сколько времени требовалось на это! сколько времени нужно лишь на то, чтобы расписать человѣческое лицо сходно съ портретомъ, какъ вы предполагаете! сколько времени нужно, чтобы научить такого подставнаго духа, и научить такъ, чтобы не опасаться какой-нибудь грубой обмолвки! Сколько вниманія требовалось для всѣхъ этихъ неисчислимыхъ мелочей, которыя должны были или помогать обману, или не ускользнуть изъ виду, чтобы какъ-

нибудь не нарушить его! А вѣдь русскій, вы знаете, удалился не болѣе какъ на полчаса. Можно ли въ полчаса устроить даже все то, что было лишь самымъ неизбѣжнымъ? — Право, принцъ, даже ни одинъ драматическій писатель, стѣсняемый тремя единствами Аристотеля, не нагромоздилъ бы въ антрактъ столько дѣйствій, и не посмѣлъ бы рассчитывать на такую сильную вѣру въ своемъ партерѣ.

— Какъ? такъ, по вашему, совершенно невозможно было сдѣлать всѣ эти приготовленія въ какіе-нибудь полчаса?

— Да, отвѣчалъ я: — почти невозможно....

— Этого выраженія я не понимаю. Или вы находите противнымъ всѣмъ законамъ времени, пространства и физическихъ дѣйствій, чтобы такой ловкій человекъ, какъ этотъ армянинъ, съ помощью своихъ можетъ-быть столь же ловкихъ креатуръ, подъ покровомъ ночи, никѣмъ не наблюдаемый, со всѣми вспомогательными средствами, съ которыми люди этого ремесла и и безъ того никогда не расстаются, чтобы такой человекъ, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, могъ сдѣлать такъ много въ столь краткій срокъ? Или по вашему невозможно и нелѣпо думать, что онъ могъ съ помощью немногихъ словъ, приказаній или знаковъ дать своимъ помощникамъ обширныя порученія, отрядить ихъ на обширныя и сложныя операціи, не теряя лишнихъ рѣчей? — И что хотите вы противопоставить вѣчнымъ законамъ природы? Явную невозможность! Вы хотите лучше повѣрить чуду, чѣмъ допустить невѣроятность! лучше опровергнуть силы природы, чѣмъ признать искусную и несовсѣмъ обыкновенную комбинацію этихъ силъ!

— Хотя дѣло и не оправдываетъ такого смѣлаго заключенія, вы однакожь должны со мною согласиться, что оно много выше нашихъ понятій.

— Я почти готовъ поспорить съ вами и въ этомъ, сказалъ принцъ не безъ притворнаго хладнокровія. — Какъ, любезный графъ? а еслибъ, напримѣръ, оказалось, что приготовленія для этого армянина производились не только въ эти полчаса и потомъ, не мелькомъ и наскоро, а цѣлый вечеръ и всю ночь? Вспомните, что у сициліанца ушло на его распоряженія почти цѣлыхъ три часа!

— У сициліанца, принцъ!

— А чѣмъ вы мнѣ докажете, что сициліанецъ не принималъ во второмъ явленіи такого же участія, какъ и въ первомъ?

— Какъ такъ, принцъ?

— Что онъ не былъ самымъ главнымъ помощникомъ армянина? . . Однимъ словомъ — что оба не дѣлали вмѣстѣ *одного* дѣла?

— Ну, это трудно доказать! вскричалъ я въ немаломъ изумленіи.

— Не такъ трудно, какъ вы думаете, графъ. Какъ? И вы назовете это случайностью, что два эти человека встрѣтились въ такомъ странномъ, въ такомъ запутанномъ умыслѣ на одно лицо, въ одно время и въ одномъ мѣстѣ? что въ ихъ обоюдныхъ дѣйствіяхъ оказалась такая поразительная гармонія? что одинъ какъ-будто работалъ въ пользу другаго? Предположите, что онъ пустилъ въ ходъ болѣе грубыя пружины, чтобы возвысить потомъ свое значеніе. Онъ создалъ себѣ Гектора, чтобы быть его Ахиллесомъ. Предположите, что онъ устроилъ сперва эти фокусы, чтобы узнать,

на какую степень вѣры во мнѣ можетъ разсчитывать; чтобы развѣдать пути къ моему довѣрію; чтобы посредствомъ этого опыта, который могъ, безъ вреда его остальнымъ планамъ, неудаться, ближе познакомиться со своимъ субъектомъ; однимъ словомъ, чтобы этимъ настроить свой инструментъ. Предположите, что онъ сдѣлалъ это, чтобы, умышленно возбуждая и поддерживая мое вниманіе къ одной сторонѣ, усыпить его для другой, болѣе для него важной. Предположите, что ему нужно было собрать кой-какія свѣдѣнія, и онъ хотѣлъ, чтобы они были отнесены на счетъ шарлатана, и тѣмъ отвратили подозрѣніе отъ настоящаго слѣда.

— Что хотите вы этимъ сказать?

— Предположимъ, онъ подкупилъ одного изъ моихъ людей, чтобы получать чрезъ него нѣкоторыя тайныя свѣдѣнія, а можетъ-быть даже и документы, пригодные для его цѣлей. Егеръ мой пропалъ. Отчего не подумать мнѣ, что виной пропажи этого человѣка армянинъ? Но случай можетъ открыть мнѣ эти происки; перехватится писѣмо, проболтается кто-нибудь изъ слугъ. Все значеніе его рушится, какъ-скоро я открою источники его всевѣдѣнія. Этотъ фокусникъ его подставное лицо, обязанное производить на меня вліяніе такъ или иначе. Онъ нарочно заранѣе намекаетъ мнѣ о жизни и намѣреніяхъ этого человѣка. Такимъ образомъ, что бы я ни открылъ, подозрѣніе мое должно пасть на этого шарлатана — ни на кого болѣе; изысканія, производимыя имъ, армяниномъ, будутъ прикрыты именемъ сициліанца. Это кукла, которою онъ заставлялъ меня играть, чтобы тѣмъ временемъ удобнѣе было ему самому, не обращая на себя вниманія и подозрѣнія, опутывать меня невидимыми сѣтями.

— Прекрасно! Но въ такомъ случаѣ какъ согласить его намѣренія съ тѣмъ, что онъ самъ помогаетъ разоблаченію обмана и раскрываетъ предъ глазами непосвященныхъ тайны своего искусства?

— Да что за тайны онъ раскрываетъ? Ужь конечно въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной, которую бы онъ собирався примѣнить на мнѣ. Стало-быть, профанируя ихъ, онъ ничего не теряетъ Зато каковъ будетъ на противъ его выигрышъ, если это мнимое торжество надъ обманомъ и шарлатанствомъ внушитъ мнѣ *уверенность* и довѣрчивость, если этимъ ему удастся направить мою бдительность въ противоположную сторону, остановить мое еще неопредѣленно-блуждающее подозрѣніе на такихъ предметахъ, которые наиболѣе отдалены отъ настоящаго мѣста нападенія? — Онъ могъ ожидать, что я, рано или поздно, изъ собственнаго недовѣрія или по чужому наущенію, вздумаю доискиваться ключа къ его чудесамъ въ фиглярскомъ искусствѣ. — Ему казалось лучше всего сопоставить ихъ самому и дать мнѣ такъ-сказать масштабъ къ нимъ, и, искусно ограничивъ ими мой взглядъ, тѣмъ болѣе преувеличить или спутать мои понятія относительно его собственныхъ чудесъ. Сколько предположеній уничтожилъ онъ сразу этимъ ловкимъ приемомъ! Сколько заранѣе опровергъ объясненій, на которыя я можетъ-быть попалъ бы въ послѣдствіи!

— Такимъ образомъ онъ все-таки дѣйствовалъ очень въ ущербъ себѣ: онъ утончилъ зрѣніе тѣхъ, кого хотѣлъ ослѣпить, и вообще убавилъ въ нихъ вѣры въ чудеса, разъяснивъ такой искусный обманъ. Вы сами, принцъ, лучшее опроверженіе его плана, если только у него былъ какой планъ.

— Онъ можетъ быть ошибся во мнѣ; но отъ этого соображенія его не менѣе остроумны. Могъ ли онъ предвидѣть, что у меня въ памяти останется именно то, что можетъ послужить ключомъ къ чуду? Было ли въ его планѣ позволить своей креатурѣ обнаружить передо мной такія слабыя стороны? Почему знать, не превысилъ ли сициліанецъ своего полномочія? . . . Относительно кольца — навѣрное, и преимущественно это-то единственное обстоятельство рѣшительно утвердило мою недовѣрчивость къ этому человѣку. Какъ легко самый утонченный, самый остроумный планъ нарушить вмѣшательствомъ нѣсколько болѣе грубаго органа! Навѣрное армянинъ не думалъ, что фокусникъ станетъ возвѣщать намъ съ такимъ пафосомъ о своей славѣ, что онъ станетъ потчивать насъ баснями, которыя не могутъ устоять противъ самаго мимолетнаго размышленія. Такъ, напримѣръ, сколько нужно было необдуманности этому шарлатану, чтобы утверждать, что его чудодѣй долженъ прекращать всякія сношенія съ людьми, какъ только пробьетъ двѣнадцать часовъ ночи? Развѣ мы сами не видѣли его объ эту пору въ нашемъ кругу?

— Это правда, воскликнулъ я. — Онъ вѣрно забылъ объ этомъ.

— Это впрочемъ въ характерѣ подобныхъ людей: они обыкновенно пересаливаютъ въ такихъ порученіяхъ и лишнимъ усердіемъ портятъ все, чего прекрасно бы достигъ скромный и умѣренный обманъ.

— Тѣмъ не менѣе я все еще не могу окончательно убѣдиться, принцъ, что все это дѣло не что иное, какъ заранѣе сыгранная комедія. Какъ? Ужасъ сициліанца, конвульсіи, обморокъ, все жалкое положеніе этого человѣка, внушившее намъ даже состраданіе —

все это лишь заученная роль? Положимъ, что театральная игра можетъ идти даже такъ далеко; но неужто искусство актера можетъ господствовать надъ органами его жизни?

— О! что касается до этого, мой другъ — я видѣлъ Гаррика въ Ричардѣ III.... Да и были ль мы въ эту минуту настолько холодны и умѣренны, чтобы оставаться безпристрастными зрителями? Могли ли мы анализировать чувства этого человѣка, не владея своими чувствами? Притомъ рѣшительный кризисъ даже въ обманѣ такое важное дѣло для самого обманщика, что *ожиданіе* можетъ произвести и въ *немъ* такіе же страшные признаки, какіе производитъ *изумленіе* въ *обманутыхъ*. Вспомните, кромѣ того, неожиданное появленіе сыщиковъ....

— Оно-то именно, принцъ.... хорошо, что вы мнѣ напомнили объ этомъ.... Рѣшился ли бы онъ обнаружить предъ лицомъ правосудія такой опасный планъ? подвергнуть вѣрность своей креатуры такому опасному искусу?.... И съ какой цѣлью?

— За это нечего бояться: онъ вѣрно знаетъ своихъ людей. Почему знать, что ему не ручаются за скромность этого человѣка какія-нибудь тайныя преступленія?.... Вы слышали, какую должность занимаетъ онъ въ Венеціи.... Что стòитъ ему выручить этого молодца, у котораго нѣтъ, кромѣ его, обвинителей?

(И точно, развязка оправдала вполне подозрѣніе принца на этотъ счетъ. Нѣсколько дней спустя, мы справились о нашемъ узникѣ, и получили въ отвѣтъ, что онъ пропалъ безъ вѣсти.)

— Съ какой цѣлью, спрашиваете вы? Какимъ инымъ путемъ, кромѣ такого насильственного, могъ онъ дать потребовать отъ сициліанца столь невѣроятной и позорной исповѣди, которая была однакожь такъ существенно необходима? Кто, кромѣ человѣка отчаяннаго, которому ужъ нечего терять, могъ рѣшиться сообщить такія унизительныя о себѣ свѣдѣнія? При какихъ иныхъ обстоятельствахъ могли бы мы повѣрить имъ?

— Соглашаюсь съ вами во всемъ, принцъ, сказалъ я наконецъ.—Пусть оба явленія просто штуки шарлатановъ; пусть этотъ сициліанецъ рассказалъ намъ не что иное, какъ небылицу, которой научилъ его старшій; пусть оба дѣйствуютъ сообща и съ одной цѣлью; пусть изъ одного общаго источника исходятъ всѣ чудныя обстоятельства, удивлявшія насъ въ ходѣ этого происшествія. Все-таки пророчество на площади Св. Марка—это первое чудо, съ котораго начинаются всѣ остальные чудеса — остается необъяснимымъ; и что намъ въ ключъ ко всѣмъ остальнымъ, если на объясненіе этого перваго у насъ нѣтъ надежды?

— Скажите лучше наоборотъ, графъ, возразилъ принцъ. — Скажите, что доказываютъ всѣ эти чудеса, если я вижу, что въ нихъ есть хоть одна шарлатанская штука? Пророчество на площади, признаюсь вамъ, не поддается моимъ объясненіямъ. Будь оно *одно*, заключимъ армянинъ свою роль, какъ онъ началъ имъ ее — признаюсь, я не знаю, какъ еще долго былъ бы я въ заблужденіи! Въ этомъ же *низкомъ* сообществѣ оно мнѣ немножко подозрительно. — Пусть оно объяснится современнымъ или не объяснится; но вѣрьте мнѣ, мой

другъ, заключилъ онъ, взявъ меня за руку съ строго-серіознымъ выраженіемъ лица: — человѣкъ, которому подвластны высшія силы, не прибѣгнетъ къ шарлатанству; оно для него презрѣнно.

Такъ кончилась бесѣда, которую я привелъ здѣсь цѣликомъ, потому что она показываетъ, какъ трудно было овладѣть довѣріемъ принца, и, какъ мнѣ кажется, сниметъ съ его памяти упрекъ въ слѣпой необдуманности, съ которою будто бы онъ кинулся въ сѣти, разставленныя ему неслыханною, адскою хитростью. Не всѣ — продолжаетъ графъ О** — не всѣ тѣ, что смѣются въ ту минуту, какъ я пишу это, надъ его слабостью, и въ высокомерной самонадѣянности невѣдавшаго борьбы разума считаютъ себя въ правѣ бросить въ него камень осужденія, не всѣ они, чего добраго, устояли бы такъ мужественно въ этомъ первомъ испытаніи. Если онъ въ послѣдствіи все-таки палъ, не смотря на такое счастливое начало; если все-таки надъ нимъ привели въ исполненіе черныя умыслы, отъ котораго, при самомъ первомъ возникновеніи его, предостерегалъ принца его добрый геній, — то слѣдуетъ не смѣяться надъ его безуміемъ, а изумляться громадности злыхъ козней, передъ которыми не могъ устоять такъ хорошо защищенный умъ. Въ свидѣтельствѣ моемъ не могутъ участвовать никакіе свѣтскіе интересы; того, кто могъ бы мнѣ быть за него признателемъ, уже нѣтъ на свѣтѣ. Ужасная судьба его кончена, душа его давно очистилась предъ престоломъ истины, да и моя душа въ то время, какъ свѣтъ станетъ читать эти строки, давно уже будетъ тамъ же; но да простятъ мнѣ невольную слезу въ память моего лучшаго друга.... Записки мои — дань справедливости: онъ былъ благо-

родный человекъ и вѣрно украсилъ бы собой тронъ, къ достиженію котораго злобныя наущенія указали ему путь преступный.

КНИГА ВТОРАЯ.

Вскорѣ послѣ этихъ событій — продолжаетъ разсказывать графъ О** — я сталъ замѣчать большую перемену въ настроеніи принца; переменна эта была отчасти непосредственнымъ слѣдствіемъ послѣдняго происшествія, отчасти произошла отъ стеченія нѣсколькихъ случайныхъ обстоятельствъ. До сихъ поръ принцъ избѣгалъ всякаго болѣе строгаго изслѣдованія своей вѣры и довольствовался тѣмъ, что очищалъ грубыя и чувственныя религіозныя понятія, въ которыхъ былъ воспитанъ, лучшими идеями, пріобрѣтенными впослѣдствіи, или примирялъ тѣ и другія, не изслѣдуя основаній своей вѣры. Вообще предметы религіозные всегда казались ему, какъ онъ не разъ признавался мнѣ, очарованнымъ замкомъ, куда нельзя вступать безъ ужаса, и гораздо лучше было, по его мнѣнію, проходить съ благоговѣйной покорностію мимо, не подвергая себя опасности заблудиться въ его лабиринтахъ. Лицемѣрное, рабское воспитаніе было источникомъ этого страха; оно напечатлѣло въ его воспріимчивомъ воображеніи грозные образы, отъ которыхъ онъ не могъ вполне освободиться во всю жизнь. Религіозная меланхолія была наследственнымъ недугомъ въ его родѣ; воспитаніе его и его

братьевъ было сообразно этому расположенію ума; съ этой же точки зрѣнія выбирались люди, которымъ ихъ довѣряли, и это были, разумѣется, или мечтатели, или ханжи. Утушать всякую живость въ ребенкѣ подъ тяжелымъ нравственнымъ гнетомъ — было единственнымъ средствомъ заслужить высшее благоволеніе царственныхъ родителей. Вся юность нашего принца прошла средь этого чернаго полуночнаго мрака; веселость была изгнана даже изъ игръ его. Во всѣхъ религіозныхъ представленіяхъ его было что-то ужасающее, и этотъ-то грозный и мрачный ихъ характеръ прежде всего овладѣлъ его живымъ воображеніемъ и дольше всего не разставался съ нимъ. Богъ его былъ страшилищемъ, существомъ карающимъ; его богопочитаніе было рабскимъ трепетомъ или слѣпою преданностью, гасившею всѣ силы и всякую смѣлость. Религія преграждала ему путь во всѣхъ дѣтскихъ и юношескихъ склонностяхъ его, которыя тѣмъ сильнѣе рвались наружу, что онъ былъ крѣпокъ тѣломъ и цвѣлъ здоровьемъ; она враждовала со всѣмъ, къ чему тянулось его юношеское сердце; онъ никогда не видѣлъ въ ней блага, и всегда представлялась она ему бичомъ его страстей. Такимъ образомъ мало-по-малу закипало у него въ сердцѣ затаенное негодованіе противъ нея, которое образовало самое странное смѣшеніе съ благоговѣйною вѣрой и слѣпымъ страхомъ въ его головѣ и сердцѣ — досаду на владыку, передъ которымъ онъ трепеталъ.

Не удивительно, что онъ ухватился за первую возможность убѣжать изъ-подъ такого тяжелаго ига; но онъ убѣжалъ отъ него, какъ убѣгаетъ отъ своего жестокаго господина крѣпостной рабъ, сознающій въ себѣ

и на волѣ чувство рабства. Не по спокойному выбору отказался онъ отъ вѣрованій своей юности; онъ не хотѣлъ ждать, пока его зрѣлый, очищенный умъ исподволь отрѣшится отъ нихъ, и покинулъ ихъ, какъ бѣглець, на которомъ тяготѣютъ еще права его господина, и потому-то приходилось ему, послѣ столь далекихъ отклоненій, все-таки возвращаться къ нимъ. Онъ вырвался на волю съ цѣпью, и потому долженъ былъ становиться добычею каждаго обманщика, умѣвшаго замѣтить ее на немъ и пользоваться ею. Что такой человекъ нашелся, тѣмъ изъ читателей, которые еще не догадались, покажетъ продолженіе этой исторіи.

Признанія сициліанца оставили въ умѣ принца слѣдъ болѣе глубокій, чѣмъ можно было ожидать отъ всего этого дѣла, и небольшая побѣда, одержанная его разсудкомъ надъ этимъ слабымъ обманомъ, вообще замѣтно возвысила въ немъ довѣріе къ своему уму. Онъ, казалось, самъ удивлялся, какъ легко удалось ему открыть *этотъ* обманъ; истина и заблужденіе еще не разграничились между собой рѣзкой чертой у него въ головѣ, и ему часто случалось смѣшивать ихъ и искать опоры вмѣсто одной въ другомъ; оттого ударъ, разрушившій его вѣру въ чудесное, покачнулъ въ тоже время и все зданіе его вѣры. Онъ походилъ въ этомъ случаѣ на неопытнаго человека, обманувшагося въ любви или дружбѣ, потому что выборъ его былъ дуренъ, и допускающаго въ себѣ упадокъ вѣры вообще въ эти чувства, такъ-какъ простыя случайности принимаетъ онъ за существенные ихъ признаки. Обличенный обманъ заподозрилъ въ глазахъ его и истину, потому-что истина опиралась для него на равно шаткія основанія.

Это мнимое торжество было въ такой же мѣрѣ

отрадно ему, какъ тяжель былъ гнетъ, изъ подъ котораго оно, повидимому, освободило его. Съ этого времени зашевелился въ немъ духъ сомнѣнія, не щадившій даже самыхъ достойныхъ уваженія предметовъ.

Много обстоятельствъ способствовало оставить его въ этомъ состояніи духа и еще болѣе утвердить его въ немъ. Отчужденіе, въ какомъ онъ доселѣ жилъ, должно было уступить мѣсто разсѣянному образу жизни. Санъ его былъ открытъ. Вниманіе, на которое приходилось ему отвѣчать вниманіемъ, этикетъ, предписываемый людямъ въ его положеніи, незамѣтно увлекли его въ круговоротъ большаго свѣта. И званіе, и личныя достоинства его ввели принца въ самые образованные кружки въ Венеціи; вскорѣ онъ сошелся съ самыми свѣтлыми умами республики, учеными и государственными людьми. Это побудило его расширить однообразный, тѣсный кругъ, въ которомъ дотолѣ вращалась его душа. Онъ началъ сознавать скудость и ограниченность своихъ понятій и необходимость высшаго образованія. Обветшалый образъ его мыслей, каковы бы ни были когда-то его преимущества, былъ теперь въ разительномъ контрастѣ съ ходячими идеями общества, и незнаніе самыхъ общеизвѣстныхъ предметовъ нерѣдко ставило принца въ смѣшное положеніе; онъ ничего такъ не боялся, какъ казаться смѣшнымъ. Общее предубѣжденіе не въ пользу его родной страны, какъ ему казалось, налагало на него обязанность опровергнуть это предубѣжденіе своею особой. Притомъ, по странности характера, онъ постоянно обижался вниманіемъ къ себѣ, какъ скоро приписывалъ его своему сану, а не личнымъ своимъ качествамъ. Особенно чувствовалъ онъ такое униженіе въ присутствіи людей,

блиставшихъ умомъ и какъ-бы торжественно признававшихъ бѣльшія права за своими личными заслугами, нежели за своею высокою породой. Видѣть себя въ такомъ обществѣ постоянно отличеннымъ, принцемъ, было для него всегда глубокимъ оскорбленіемъ, такъ какъ онъ, по несчастію, думалъ, что самое имя это исключаетъ его изъ всякой конкуренціи. Все это вмѣстѣ убѣждало его въ необходимости дать уму своему образованіе, которымъ онъ до сихъ поръ пренебрегалъ, чтобы догнать образованное и мыслящее общество въ томъ, въ чемъ онъ такъ далеко отсталъ отъ него въ послѣдніе пять лѣтъ. Съ этой цѣлью принялся онъ за самыя современныя книги, и принялся съ жаромъ, какъ вообще за все принимался. Къ сожалѣнію, выборъ его былъ неудаченъ, и онъ обыкновенно читалъ то, что мало способствовало къ развитію его ума и сердца. И тутъ руководила имъ его главная склонность, съ неудержимой силой увлекавшая его къ тому, что выше нашего пониманія. Лишь такіе предметы возбуждали его вниманіе и удерживались у него въ памяти; голова его наполнялась смутными понятіями, а умъ и сердце оставались празды. Одинъ авторъ увлекалъ его воображеніе блестящимъ стилемъ, другой опутывалъ его разсудокъ діалектическими тонкостями. Обоимъ было легко подчинить себѣ умъ, отдававшійся во власть всякому, кто нападалъ на него съ извѣстной степенью смѣлости. Чтеніе, которому принцъ страстно предавался больше чѣмъ годъ, едва ли обогатило его хотя однимъ здоровымъ понятіемъ; напротивъ, оно наполнило ему голову сомнѣніями, и сомнѣнія эти, какъ и всегда бываетъ у людей съ характеромъ послѣдовательнымъ, къ несчастію нашли путь и къ его сердцу. Короче сказать —

онъ пустился въ этотъ лабиринтъ полнымъ вѣры мечтателемъ, а вышелъ изъ него скептикомъ и вскорѣ сталъ рѣшительнымъ вольнодумцемъ.

Въ числѣ кружковъ, которымъ удалось привлечь его, было одно общество, носившее названіе *Бучентавро*. Общество это, подъ видомъ служенія благородной, разумной свободѣ мысли, служило пріютомъ необузданнѣйшей вольности мнѣній и нравовъ. Между членами его было не мало духовныхъ лицъ, и во главѣ ихъ стояло даже нѣсколько кардинальскихъ именъ; поэтому принца нечего было долго убѣждать вступить въ число членовъ. По его мнѣнію, нѣкоторыя опасныя истины разума нигдѣ нельзя было провѣрить такъ хорошо, какъ въ кругу такихъ лицъ, которыхъ самый санъ обязывалъ быть умѣренными и которые пользовались преимуществомъ слышать и разбирать мнѣнія противной партіи. Принцъ забывалъ, что распушенность ума и нравовъ въ особахъ этого положенія тѣмъ сильнѣе вліяетъ на окружающихъ, что съ нея снята тутъ еще одна лишняя узда. Точно такъ было и въ Бучентавро. Большая часть его членовъ, своею предосудительной философіей и нравами, достойными такой руководительницы, позорили не только свой санъ, но и самое человѣчество. Въ обществѣ было нѣсколько тайныхъ степеней, и, къ чести принца, я думаю, что онъ никогда не былъ удостоенъ входа въ сокровеннѣйшее святилище. Всякой, вступавшій въ это общество, обязанъ былъ, по крайней мѣрѣ на то время, какъ принадлежалъ къ нему, сложить съ себя свой санъ, отказаться отъ своей націи, отъ своей религіозной партіи, однимъ словомъ отъ всѣхъ условныхъ отличій своихъ, и стать подъ уровень всеобщаго равенства. Попасть

въ члены было дѣйствительно трудно: только умственные преимущества пролагали дорогу въ общество. Оно гордилось своимъ изысканнымъ тономъ и утонченнымъ вкусомъ, и вся Венеція признавала за нимъ эти качества. Какъ эти качества, такъ и кажущееся равенство, господствовавшее въ обществѣ, непреодолимо привлекали къ нему принца. Просвѣщенные бесѣды, оживляемые тонкимъ остроуміемъ, поучительные разговоры, соединеніе всего лучшаго изъ міра ученаго и политическаго, какъ въ одномъ общемъ средоточіи, долго скрывали отъ принца, что было опаснаго въ этомъ кругу. Когда мало-по-малу онъ сталъ разглядывать подъ личиною духъ этого учрежденія, да можетъ быть и самимъ членамъ надобно наконецъ быть постоянно на сторожѣ — отстать отъ общества было уже опасно. Ложный стыдъ и стараніе о своей безопасности принудили принца таить свое внутреннее недовольство. Но уже одно близкое знакомство съ этимъ классомъ людей и ихъ образомъ мыслей, хотя оно и не увлекло принца къ подражанію, погубило въ немъ чистую, прекрасную простоту характера и нѣжность нравственнаго чувства. Разумъ его, не опиравшійся на основательныя познанія, не могъ безъ посторонней помощи бороться съ ложными умозаключеніями, которыми его тутъ опутали, и эта страшная порча незамѣтнымъ образомъ подточила въ немъ все — почти все, на что должна была опираться его нравственность. Естественныя и *необходимыя* опоры своего счастья онъ промѣнялъ на софизмы, которые измѣнили ему въ рѣшительную минуту и тѣмъ заставили его ухватиться за первый произвольный выводъ, предложенный ему.

Можетъ быть рука друга смогла бы еще во время

отвлечь его отъ этой бездны; но, не говоря уже о томъ, что тайны Бучентавро я узналъ лишь долго спустя, когда бѣды нельзя было поправить, въ началѣ этого періода одно неотлагательное обстоятельство отозвало меня изъ Венеціи. Лордъ Сеймуръ, одинъ изъ уважаемыхъ друзей принца, здравый умъ котораго былъ недоступенъ никакому рода обманамъ, могъ бы тоже служить вѣрной опорой принцу, но и онъ разстался съ нами въ это время и возвратился на родину. Я оставилъ принца въ рукахъ, правда, честныхъ, но неопытныхъ и въ дѣлѣ религіи ограниченныхъ людей, которые не отличались предусмотрительностью и не пользовались вѣсомъ въ глазахъ принца. Хитрымъ софизмамъ его они не могли противопоставить ничего, кромѣ принятыхъ слѣпо на вѣру, неизслѣдованныхъ текстовъ, которые или сердили или тѣшили его. Онъ почти не слушалъ ихъ, и его разсудительный умъ скоро заставилъ совсѣмъ смолкнуть этихъ защитниковъ праваго дѣла, какъ читатель ясно увидитъ изъ примѣра, который я приведу далѣе. Другіе, овладѣвшіе впоследствии его довѣріемъ, только о томъ и старались, какъ бы утвердить за собою покрѣпче это довѣріе. Когда на слѣдующій годъ я воротился въ Венецію— все было не похоже на старое!

Вліяніе этой новой философіи скоро отразилось на жизни принца. Чѣмъ болѣе благопріятствовало ему въ Венеціи счастье, чѣмъ болѣе пріобрѣталъ онъ новыхъ друзей, тѣмъ болѣе сталъ утрачивать привязанность прежнихъ друзей. Я охлаждался къ нему съ каждымъ днемъ; мы рѣже видѣлись, да и вообще съ нимъ было теперь труднѣе видѣться. Потокъ большаго свѣта увлекалъ его. Когда онъ былъ дома, проходу не было

отъ гостей. Одно удовольствіе смѣнялось другимъ, за пиромъ слѣдовалъ пиръ., за удачей удача. Онъ былъ красавицей, за которою всѣ ухаживаютъ, царемъ и ку-миромъ всѣхъ кружковъ. Въ прежнемъ затишьѣ скром-наго житія шумъ свѣта казался ему ужаснымъ; те-перь онъ изумлялся, какъ легко жилось ему въ свѣтѣ. Все стремилось къ нему на встрѣчу; все, что произ-носилъ его языкъ, было превосходно; молчаніе его было потерей для общества. Какъ искусно умѣли тутъ заставить его высказывать съ пріятною легкостью свои мысли! Онъ самъ удивлялся себѣ, не замѣчая тонкой посторонней помощи. Отъ этого всюду слѣдовавшаго за нимъ счастья, отъ этихъ вѣчныхъ удачъ онъ какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ сталъ чѣмъ-то *больше*, не-жели былъ дѣйствительно: въ немъ прибавилось духу и довѣрія къ себѣ. Высокое мнѣніе о своихъ достоин-ствахъ, развившись въ немъ, заставляло его вѣрить преувеличенному и почти безусловному поклоненію, которое вызывалъ будто-бы его умъ, тогда-какъ, безъ этой чрезмѣрной и небезосновательной самонадѣянно-сти, поклоненіе это непременно было бы ему подозри-тельно. Теперь же этотъ всеобщій голосъ служилъ для него только подкрѣпленіемъ тому, что втихомолку на-шептывала ему его самодовольная гордость, только данью, принадлежащею ему по всѣмъ правамъ. Онъ навѣрное освободился бы отъ этихъ путъ, будь у него время перевести духъ, будь у него спокойный досугъ, чтобы сравнить свои достоинства съ тѣми чертами, которыя показывали ему въ такомъ льстивомъ зеркалѣ. Но жизнь его была вся постояннымъ опьяненіемъ, отуманивающимъ похмѣльемъ. Чѣмъ выше ставило его общество, тѣмъ больше требовалось отъ него стараній

держаться на этой высотѣ; онъ медленно чахъ отъ этого постоянного напряженія; самый сонъ его сталъ тревоженъ. Слабыя стороны его были обнаружены, и возбужденная въ немъ страсть расчетливо поддерживалась.

Скоро честной свитѣ его пришлось почувствовать на себѣ, что господинъ ея попалъ въ геніи. Серіозныя чувства и уважительныя истины, къ которымъ прежде такъ лежало его сердце, становились предметомъ его насмѣшекъ; на истинахъ религіи вымещалъ онъ гнетъ, подъ которымъ такъ долго держали его ложныя понятія; но неумѣстный голосъ сердца все-таки возставалъ противъ заблужденій его головы, и потому въ насмѣшкахъ его было больше горечи, чѣмъ ясности духа. Нравъ его сталъ измѣняться; явились капризы. Лучшаго украшенія его характера, скромности, какъ не бывало; ласкатели отравили его доброе сердце. Кроткая нѣжность обхожденія, заставлявшая прежде его свиту забывать о его санѣ, смѣнялась теперь часто повелительнымъ, рѣшительнымъ тономъ; этотъ тонъ былъ тѣмъ ощутительнѣе и непріятнѣе, что происходилъ не отъ внѣшнихъ отличій, съ которыми нетрудно примириться и которыми мало дорожилъ онъ самъ, а отъ обиднаго убѣжденія въ своемъ личномъ превосходствѣ. Дома ему все-таки случалось вдаваться въ размышленія, которыя были далеки отъ него въ шумѣ общества, и потому домашніе видѣли его почти постоянно мрачнымъ, ворчливымъ и недовольнымъ, тогда-какъ въ кругу постороннихъ онъ одушевлялъ всѣхъ своей насильственной веселостью. Съ грустнымъ участіемъ смотрѣли мы на его шаги по этому опасному пути; но въ этотъ круговоротъ, уносившій его, не долеталъ слабый

голосъ дружбы; да и не могъ еще онъ понимать его — былъ слишкомъ счастливъ.

Еще въ самомъ началѣ этой эпохи я былъ призванъ ко двору моего государя однимъ важнымъ дѣломъ, которымъ не могъ пренебречь даже ради самыхъ священныхъ интересовъ дружбы. Незримая рука, открытая мною лишь долго спустя, нашла средства запутать тамъ мои отношенія и распространить обо мнѣ слухи, которые я долженъ былъ спѣшить опровергнуть своимъ личнымъ присутствіемъ. Мнѣ было тяжело разставаться съ принцемъ; зато онъ чуть ли не былъ радъ моему отъѣзду. Съ нѣкотораго времени узы, соединявшія его со мной, ослабѣли. Тѣмъ не менѣе судьба его глубоко интересовала меня, и я просилъ барона Ф** сообщать мнѣ письменно обо всемъ, что случится. Онъ обѣщалъ, и добросовѣстнѣйшимъ образомъ сдержалъ свое обѣщаніе. И такъ съ этого времени я уже не былъ очевидцемъ приключеній принца; поэтому позволяю себѣ дополнить свой рассказъ извлеченіями изъ писемъ ко мнѣ барона Ф**. Взгляды друга моего Ф** не всегда согласны съ моими взглядами, но я ни слова не измѣнилъ въ его письмахъ. Читатель и самъ легко откроетъ въ нихъ истину.

БАРОНЪ Ф** КЪ ГРАФУ О**.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

*Май 17 **.*

Благодарю Васъ, многоуважаемый другъ, за Ваше позволеніе продолжать и заочно дружескія бесѣды съ Вами, бывшія для меня лучшимъ удовольствіемъ во

время пребыванія Вашего здѣсь. Вы знаете, мнѣ здѣсь не съ кѣмъ поговорить о нѣкоторыхъ предметахъ. — Что бы Вы ни говорили, а этотъ народъ для меня ненавистенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ принцъ сошелся съ нимъ, и съ тѣхъ поръ, какъ Вы уѣхали, я чувствую себя одинокимъ въ этомъ многолюдномъ городѣ. Ц^{**} не такъ тяжело: красавицы Венеціи заставляютъ его забывать огорченія, которыя ему приходится дома дѣлать со мной. Да и что горевать *ему*? Онъ видитъ въ принцѣ лишь господина, котораго вездѣ найдетъ, и больше отъ него ничего не требуетъ. Что же касается до меня.... Вы знаете, какъ близки къ моему сердцу и счастье и горе нашего принца, и какъ много у меня причинъ къ такой привязанности. Шестнадцать лѣтъ живу я при немъ, живу лишь для него. Девятилѣтнимъ мальчикомъ поступилъ я къ нему, и съ этого времени ничто не разлучало меня съ нимъ. На его глазахъ я выросъ; долгое обращеніе съ нимъ развило меня въ его духъ; я раздѣлялъ съ нимъ всѣ важныя и неважныя его приключенія. Я живу его счастьемъ. До этого несчастнаго года я видѣлъ въ немъ лишь своего друга, старшаго брата; какъ ясное солнце, согрѣвалъ меня его взглядъ; ни облачка не омрачало моего счастья, — и всему этому пришлось разлетѣться прахомъ въ этой злополучной Венеціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вы уѣхали, все у насъ перемѣнилось. На прошлой недѣлѣ пріѣхалъ сюда принцъ ^{**}д^{**} съ огромной и блестящей свитой, и въ нашемъ кругу прибавилось еще больше шуму и суеты. Такъ какъ онъ въ близкомъ родствѣ съ нашимъ принцемъ и теперь они довольно дружны другъ съ другомъ, то вѣрно и будутъ большею-частію вмѣстѣ во все его пребыва-

ніе здѣсь, которое, какъ слышно, продлится до праздника Вознесенія. Начало сдѣлано хорошее; вотъ уже десять дней, какъ нашъ принцъ отдыха не знаетъ. Принцъ **д** зажилъ сразу очень роскошно, и это ему ничего, потому-что онъ скоро опять уѣдетъ; но худо то, что и нашъ принцъ заразился отъ него: ему кажется, что онъ не можетъ отставать отъ гостя и, при особыхъ отношеніяхъ, существующихъ между обоими домами, обязанъ поддерживать всѣми силами оспариваемое достоинство своего дома. Къ тому жъ и сами мы должны черезъ нѣсколько недѣль проститься съ Венеціей; стало быть ему не удастся уже протянуть дольше эти чрезвычайные расходы.

Принцъ **д**, какъ говорятъ, пріѣхалъ сюда по дѣламъ ордена ***, при которыхъ, по его мнѣнію, онъ играетъ важную роль. Нечего Вамъ и говорить, что онъ тотчасъ же сошелся со всѣми знакомыми нашего принца. Съ особеннымъ торжествомъ ввели его въ Бучентавро, такъ какъ онъ съ нѣкотораго времени старается прослыть остроумцемъ и мыслителемъ, состоитъ въ перепискѣ съ разными знаменитостями во всѣхъ частяхъ свѣта, и его иначе не называютъ, какъ *prince philosophe*. Не знаю, имѣли ль Вы счастье видѣть его. У него много-общающая наружность, озабоченный взглядъ, тонъ знатока въ искусствахъ, много пріобрѣтенной естественности (извините меня за это выраженіе) и царственного снисхожденія въ человѣческихъ чувствамъ; при этомъ онъ исполненъ героической самоувѣренности и все-уничтожающаго краснорѣчія. Можно ли, при такихъ блестящихъ качествахъ, его свѣтлости не пользоваться всеобщимъ уваженіемъ? Впрочемъ, какъ поладятъ съ этимъ гремучимъ совер-

шенством скромныя, бѣдныя словами, но положительныя достоинства нашего принца — покажутъ послѣдствія.

Въ нашемъ образѣ жизни произошло съ этихъ поръ много большихъ переменъ. Мы переѣхали въ великолѣпный домъ насупротивъ новой прокураціи: въ отелѣ стало принцу тѣсно. Свита наша увеличилась цѣлой дюжиной слугъ: пажи, арапы, гайдуки, и проч. и проч. Все теперь на большую ногу. Вы, какъ были здѣсь, жаловались на роскошь.... Посмотрѣли бы теперь!

Наши домашнія отношенія остаются какъ были; лишь съ тѣхъ поръ, какъ Ваше присутствіе перестало удерживать принца въ границахъ, онъ сталъ, если только это возможно, еще односложнѣе и холоднѣе съ нами, и притомъ мы только и видимъ его, когда онъ одѣвается или раздѣвается. Подъ предлогомъ, что мы говоримъ плохо по французски, а по италіянски и вовсе не говоримъ, онъ старается не допускать насъ въ большую часть домовъ, гдѣ бываетъ. Что касается лично меня, я не вижу въ этомъ большой для себя потери; но мнѣ кажется, истинный поводъ у него другой: онъ стыдится насъ.... Это мнѣ больно — этого мы не заслужили.

Изъ всей нашей прислуги (вы хотѣли знать все до мелочей) при немъ почти исключительно одинъ Біонделло, котораго, какъ вы знаете, онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе послѣ исчезновенія нашего егеря, и который теперь, при новомъ образѣ жизни, сталъ ему рѣшительно необходимымъ. Этотъ человѣкъ знаетъ все въ Венеціи, и молодецъ на всѣ руки. Подумаешь, у него тысяча глазъ, тысяча рукъ. Онъ говоритъ, что обрабатываетъ все съ помощью гондольеровъ. Принцъ

пользуется его всевѣдѣніемъ, чтобы заранѣе узнавать отъ него всѣ подробности о новыхъ лицахъ, съ которыми встрѣчается въ обществѣ, и секретныя свѣдѣнія, сообщаемыя имъ принцу, всегда оказывались вѣрными. При этомъ онъ прекрасно говоритъ и пишетъ по французски и по италіянски, что заставило принца сдѣлать его своимъ секретаремъ. Я не могу не рассказать вамъ одной черты его безкорыстія и вѣрности, которыя такъ рѣдки въ людяхъ этого званія. Недавно одинъ богатый купецъ изъ Римини просилъ у принца аудіенціи. Предметомъ аудіенціи была странная жалоба на Біонделло. Прокураторъ, прежній господинъ его, слышій великимъ чудотворцемъ, жилъ въ непримиримой враждѣ со своими родными, которая должна была даже пережить его самогò. Полнымъ и исключительнымъ довѣріемъ его пользовался одинъ Біонделло, которому онъ повѣрялъ обыкновенно всѣ свои тайны; Біонделло долженъ былъ поклясться ему и при смертномъ его одрѣ—свято хранить ихъ и никогда не обнаруживать въ пользу родныхъ; въ награду за скромность ему оставялась очень значительная доля въ наслѣдствѣ. По вскрытіи завѣщанія и просмотрѣ бумагъ покойника встрѣтились большія недоразумѣнія и запутанности; разрѣшить ихъ могъ одинъ Біонделло. Онъ упорно утверждалъ, что ничего не знаетъ, предоставилъ наслѣдникамъ все, что завѣщалъ ему покойный прокураторъ, и не выдалъ его тайнъ. Родные дѣлали ему не мало выгодныхъ предложеній, но все понапрасну; наконецъ, чтобы избѣжать ихъ преслѣдованій (они же грозили повести дѣло судебнымъ порядкомъ), Біонделло вступилъ въ услуженіе къ принцу. Къ нему-то и обратился теперь главный наслѣдникъ, этотъ купецъ, и

предлагалъ еще выгоднѣйшія, чѣмъ прежде, условія, чтобы только Біонделло измѣнилъ свое рѣшеніе. Но и посредничество принца не помогло. Правда, принцу онъ признался, что дѣйствительно покойникъ довѣрилъ ему такого рода тайны; онъ соглашался и въ томъ, что неавистъ прокуратора къ роднымъ была ужь черезъ чуръ безпощадна.... «Но», присовокупилъ онъ: «покойникъ былъ мнѣ добрымъ господиномъ и благодѣтелемъ, и умеръ въ твердомъ убѣжденіи въ моей честности. Я былъ единственный другъ, оставленный имъ на землѣ.... Какъ же не оправдать мнѣ единственной его надежды!» Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ замѣтить, что откровенія его не послужили бы къ большой чести покойнаго. Не истинно ли это благородно? Вы и сами поймете, что принцъ не особенно настаивалъ, и не хотѣлъ колебать его похвальныхъ убѣжденій. Эта рѣдкая вѣрность въ отношеніи къ умершему пріобрѣла ему довѣріе живаго человѣка!

Прощайте, дорогой другъ! Какъ хотѣлось бы воротиться опять къ той тихой жизни, въ которой Вы нашли насъ здѣсь, и которую такъ пріятно украсили своимъ присутствіемъ! Боюсь, что свѣтлое время въ Венеціи для меня миновало; хорошо еще, если не то же можетъ сказать и принцъ. Стихія, въ которой онъ живетъ теперь, не способна сдѣлать его надолго счастливымъ, или меня обманываетъ моя шестнадцатилѣтняя опытность.

БАРОНЪ Ф** КЪ ГРАФУ О**.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

18 мая.

Никакъ я не думалъ, чтобы пребываніе наше въ Ве-

неціи могло еще на что нибудь пригодиться! Оно спасло жизнь одному человѣку, и я съ нимъ примирился.

Недавно поздней ночью принцъ приказалъ нести себя изъ Бучентавро домой; его сопровождало двое слугъ — Біонделло и еще другой. Не знаю, какъ это случилось, что наскоро - собранныя носилки сломались и принцу пришлось пройти остатокъ дороги пѣшкомъ. Біонделло пошелъ впереди; надо было идти темными, отдаленными улицами; было уже недалеко до разсвѣта, и фонари горѣли тускло, а кое-гдѣ и совсѣмъ уже погасли. Они шли съ четверть часа, какъ вдругъ Біонделло замѣтилъ, что онъ заблудился. Его обмануло сходство мостовъ и вмѣсто перехода къ Св. Марку они очутились на Сестіере ди Кастелло. Улица была изъ самыхъ отдаленныхъ; нигдѣ ни души; надо было вернуться, чтобы оріентироваться въ одной изъ главныхъ улицъ. Они прошли всего нѣсколько шаговъ, какъ не вдалекѣ отъ нихъ изъ переулка послышался крикъ: «Разбой!» Принцъ былъ безоруженъ; онъ вырвалъ палку изъ рукъ одного слуги и съ извѣстной Вамъ рѣшимостью и отвагой кинулся въ ту сторону, откуда слышался крикъ. Трое страшныхъ верзилъ готовы уже были свалить четвертаго, который еще слабо защищался отъ нихъ со своимъ спутникомъ; принцъ подоспѣлъ какъ разъ въ пору, чтобы помѣшать смертельному удару. Крикъ его и слугъ смущаетъ убійцъ, неожиданныхъ, что ихъ застигнуть въ такой дальней части города; нанеся нѣсколько легкихъ ударовъ кинжаломъ своей жертвѣ, они оставляютъ ее и бѣгутъ. Почти безъ чувствъ и утомленный борьбой, раненый опускается на руки принца; проводникъ его объявляетъ принцу, что онъ спасъ маркиза Чивителлу, племянника кардинала А**и. Такъ-

какъ у маркиза текло изъ ранъ много крови, Біонделло, какъ умѣлъ, наскоро перевязалъ ихъ, а принцъ озабочился, чтобы маркиза перенесли въ палаццо его дяди, до котораго было недалеко и куда онъ самъ проводилъ его. Здѣсь онъ оставилъ его, не сказавъ ни имени своего, ни сана.

Но одинъ изъ слугъ, узнавшій Біонделло, обличилъ его. На слѣдующее же утро явился кардиналъ, старый знакомый принца по Бучентавро. Визитъ продолжался часъ; кардиналъ былъ въ сильномъ волненіи, когда они вышли; глаза его были полны слезъ; и принцъ былъ растроганъ. Въ тотъ же день принцъ навѣстилъ вечеромъ больнаго; докторъ говоритъ впрочемъ, что опасаться нечего. Плащъ, въ который былъ закутанъ маркизъ, не позволилъ нанести вѣрныхъ ударовъ и глубокихъ ранъ. Съ этого происшествія не проходитъ дня, чтобы принцъ не побывалъ въ домѣ кардинала или кардиналъ у него, и тѣсная дружба завязывается между принцемъ и этимъ домомъ.

Кардиналъ—почтенный старикъ, лѣтъ шестидесяти, величественнаго вида, веселый, свѣжій и здоровый. Онъ считается однимъ изъ богатѣйшихъ прелатовъ въ цѣлой республикѣ. Несчетнымъ богатствомъ своимъ онъ распоряжается, какъ говорятъ, не очень-то по стариковски, и, при благоразумной бережливости, не пренебрегаетъ никакими свѣтскими удовольствіями. Этотъ племянникъ—его единственный наслѣдникъ; но онъ не всегда въ ладахъ съ дядей. Хотя старикъ вовсе не врагъ удовольствія, поведеніе племянника способно, говорятъ, вооружить противъ себя и высшую терпимость. Его свободныя правила и необузданный образъ жизни, къ несчастію поддерживаемый всѣмъ, что мо

жетъ украсить порокъ и увлечь чувственность, дѣлаютъ его ужасомъ всѣхъ отцовъ и несчастьемъ всѣхъ мужей; и это послѣднее нападеніе, какъ громко утверждаютъ всѣ, навлекъ онъ на себя интригой, которую свелъ съ супругою ** скаго посланника, не говоря уже о другихъ гадкихъ исторіяхъ, отъ которыхъ лишь съ трудомъ спасали его деньги и вліяніе кардинала. Не будь у него такого племянника, кардиналъ былъ бы, по словамъ всѣхъ, счастливѣйшимъ человекомъ въ цѣлой Италіи: у него есть все, дающее отраду жизни. Это единственное семейное горе омрачаетъ для него всѣ дары счастія и отравляетъ ему пользованіе богатствомъ, заставляя безпрестанно опасаться, что у него, пожалуй, не будетъ наслѣдника.

Всѣ эти свѣдѣнія доставилъ мнѣ Біонделло. Въ этомъ человекѣ принцъ нашелъ истинный кладъ. Съ каждымъ днемъ становится онъ необходимѣе; съ каждымъ днемъ открываемъ мы въ немъ какой-нибудь новый талантъ. На дняхъ принцъ разгорячился и не могъ заснуть. Свѣча была погашена, и никакой звонъ не могъ разбудить камердинера, спавшаго внѣ дома, у одной оперной пѣвицы. Принцъ рѣшается встать самъ, чтобы позвать кого-нибудь изъ своихъ людей. Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ ему слышится издали прелестная музыка. Какъ очарованный, идетъ онъ на ея звукъ, и находитъ Біонделло въ своей комнатѣ, играющаго на флейтѣ; вокругъ сидятъ его товарищи. Онъ не вѣритъ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ, и приказываетъ ему продолжать. Біонделло съ удивительной легкостью играетъ то же пѣвучее адажіо съ самыми оригинальными варіаціями и со всѣми тонкостями настоящаго виртуоза. Принцъ, Вы знаете, знатокъ въ музыкѣ: и онъ утверж-

даетъ, что Біонделло былъ бы находкой для любого оркестра.

— Мнѣ слѣдуетъ отпустить этого человѣка, сказалъ онъ мнѣ на другое утро: — я не въ состояніи награждать его по заслугамъ.

Біонделло, слышавшій эти слова, подошелъ къ принцу.

— Ваша свѣтлость, сказалъ онъ: — если вы сдѣлаете это, вы отнимете у меня лучшую мою награду.

— Ты можешь быть чѣмъ-нибудь лучше, нежели слугой, сказалъ принцъ. — Я не хочу мѣшать твоему счастью.

— Зачѣмъ вы хотите, ваша свѣтлость, чтобы я искалъ иного счастья, а не пользовался тѣмъ, которое самъ выбралъ?

— Какъ можно пренебрегать такимъ талантомъ?... Нѣтъ! я не могу этого допустить.

— Въ такомъ случаѣ прошу вашу свѣтлость позволить мнѣ упражняться по временамъ въ вашемъ присутствіи.

И тотчасъ же все уладили для этого. Біонделло дали комнату рядомъ со спальней принца, чтобы онъ могъ усыплять его съ вечера и будить по утру своею музыкой. Принцъ хотѣлъ удвоить его содержаніе, но онъ отказался, и просилъ, чтобы принцъ позволилъ ему считать эту предложенную ему милость капиталомъ, отданнымъ принцу на сохраненіе, такъ-какъ ему можетъ-быть въ скоромъ времени понадобится милость принца. Принцъ все ждетъ, что онъ вскорѣ явится къ нему съ какою-нибудь просьбой; и что бы онъ ни попросилъ, на просьбу егѣ принцъ заранѣе согласенъ. Прощайте, дорогой другъ. Жду съ нетерпѣніемъ вѣсти изъ К**на.

БАРОНЪ Ф** КЪ ГРАФУ О**.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

4 іюня.

Маркизь Чивителла совсѣмъ оправился отъ своихъ ранъ, и на прошлой недѣлѣ дядя его, кардиналъ, представилъ его принцу. Съ этого дня маркизь слѣдуетъ за принцемъ, какъ его тѣнь. Біонделло разсказалъ мнѣ про него неправду, по крайней мѣрѣ все очень преувеличилъ. Это очень милый и порядочный человѣкъ, увлекательный въ обхожденіи. Невозможно не любить его; онъ покорилъ меня сразу. Представьте себѣ самую очаровательную фигуру, достоинство и нѣжность манеръ, умное, полное жизни лицо, открытый, влекущій взглядъ, ласкающій тонъ голоса, плавную и блестящую рѣчь и пышно-цвѣтущую молодость въ соединеніи со всѣми прелестями самаго утонченнаго воспитанія. Въ немъ вовсе нѣтъ ни мелочной спѣси, ни торжественной важности, которыя такъ невыносимы во всѣхъ прочихъ нобили. Все дышетъ въ немъ юношескимъ чистосердечіемъ, благодушіемъ, теплотою чувства. Разказы о его распутствахъ навѣрно преувеличены: никогда не видалъ я болѣе совершеннаго, болѣе прекраснаго образа здоровья. Если онъ дѣйствительно такъ дурень, какъ говорилъ мнѣ Біонделло, то онъ — сирена, полная для всѣхъ обаянія.

Со мной онъ съ перваго же разу былъ очень откровененъ. Онъ признался мнѣ съ милѣйшимъ чистосердечіемъ, что у дяди онъ не на лучшемъ счету и что можетъ-быть самъ виноватъ въ этомъ. Но, по словамъ его, онъ серіозно рѣшился исправиться, и этимъ бу-

детъ вполнѣ обязанъ принцу. Онъ въ то же время надеется, что принцъ помирить его опять съ дядей, ибо можетъ дѣлать изъ кардинала, что только захочетъ. До сихъ поръ маркизу, какъ онъ говоритъ, недоставало только друга и руководителя, и ему кажется, что онъ и того и другаго нашелъ въ лицѣ принца.

И точно принцъ пользуется въ отношеніи къ нему всѣми правами руководителя, и обращается съ нимъ съ бдительностью и строгостью Ментора. Но это-то именно обращеніе даетъ и маркизу нѣкоторыя права относительно принца, которыми онъ очень ловко пользуется. Онъ уже почти не отходитъ отъ него; во всѣхъ партіяхъ, въ которыхъ участвуетъ принцъ, участвуетъ и онъ; для Бучентавро былъ онъ до сихъ поръ — и это его счастье! слишкомъ молодъ. Вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ вмѣстѣ съ принцемъ, умѣетъ онъ отвлечь его отъ общества и съ свойственной ему утовченностью занять и обратить его вниманіе на себя. Говорятъ, никто не могъ обуздать его, и принцъ стоитъ канонизаціи, если ему удастся совершить этотъ исполинскій подвигъ. Я впрочемъ очень боюсь, какъ бы не случилось на оборотъ, и руководитель не попалъ въ ученики къ своему питомцу: повидимому, всѣ обстоятельства клонятся къ этому.

Принцъ * * д * * уѣхалъ къ общему удовольствію всѣхъ насъ, не исключая и нашего принца. Чтò я говорилъ заранѣе, милый О * *, случилось какъ по писаному. При такихъ противоположныхъ характерахъ, при такихъ неизбѣжныхъ столкновеніяхъ, это доброе согласіе не могло надолго упрочиться. Не много успѣлъ пробыть принцъ * * д * * въ Венеціи, какъ уже возникъ здѣсь опасный *расколъ* въ спиритуальномъ мірѣ,

грозившій отнять у нашего принца половину его прежнихъ поклонниковъ. Куда бы онъ ни показался, этотъ соперникъ былъ у него на дорогѣ; пріѣзжій принцъ обладалъ какъ-разъ необходимой долей мелкой хитрости и самонадѣяннаго тщеславія, чтобы выставлять на видъ каждое малѣйшее преимущество свое предъ нашимъ принцемъ. Притомъ онъ пользовался всѣми мелкими свѣтскими уловками, братья за которыя нашему принцу не позволяло благородное сознаніе своего достоинства. Само-собою разумѣется, что вскорѣ на сторону принца * * д * * перешли всѣ слабыя головы, и принцъ сталъ во главѣ партіи, достойной его *). Благоразумнѣе всего было бы, конечно, вовсе не пускаться въ состязаніе съ такимъ противникомъ, и будь это нѣсколькими мѣсяцами раньше — принцъ такъ бы и сдѣлалъ. Но потокъ увлекъ его ужъ слишкомъ далеко, и такъ скоро достигнуть вновь берега было невозможно. Эти мелочи, хотя лишь вслѣдствіе обстоятельствъ, пріобрѣли нѣкоторое значеніе въ его глазахъ, да еслибъ онъ и дѣйствительно презиралъ ихъ, гордость не позволяла ему отказаться отъ нихъ въ такое время, когда его уступчивость сочли бы скорѣе сознаніемъ въ безсиліи, чѣмъ добровольнымъ рѣшеніемъ. Прибавьте къ этому несчастную передачу туда и назадъ непріятныхъ колкихъ рѣчей съ обѣихъ сторонъ; духъ соперничества, овладѣвшій его партіей, сообщился и ему самому. Такимъ образомъ, чтобы сохранить за собой свои завоеванія и

*) Какъ здѣсь, такъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ перваго письма баронъ Ф * * произноситъ слишкомъ строгій судъ надъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ принцевъ. Всѣ, пользующіеся счастіемъ знать этого принца ближе, найдутъ, вмѣстѣ со мной, сужденіе барона преувеличеннымъ, и припишутъ его увлеченію юнаго судьи. (*Примѣчаніе графа О * *.*)

удержаться на зыбкомъ мѣстѣ, разъ отведенномъ ему общественнымъ мнѣніемъ, онъ считалъ необходимымъ искать какъ можно болѣе случаевъ блеснуть и обязать кого нибудь, а этого можно было достигнуть только царскими издержками; вотъ и начались вѣчные пиры и банкеты, дорогіе концерты, подарки и большая игра. Это дикое безумство сообщилося вскорѣ и свитѣ и прислугѣ обоихъ принцевъ. Вы знаете, что въ дѣлѣ чести челядь еще щекотливѣе господъ. И нашему принцу пришлось помогать своею щедростью доброй волѣ своихъ челядинцевъ. Вотъ Вамъ и цѣлый длинный рядъ жалкихъ случаевъ, неизбѣжнаго слѣдствія одной довольно простительной слабости, которой принцъ поддался въ несчастную минуту!

Отъ соперника мы, правда, теперь избавились, но что онъ испортилъ, поправить не такъ-то легко. Шкапулка принца опустѣла; все, что онъ накопилъ годами благоразумной экономіи, прожито; намъ надо поскорѣе уѣзжать изъ Венеціи; а то принцу придется дѣлать долги, отъ чего онъ до сихъ поръ такъ тщательно берегся. День отъѣзда ужъ назначенъ, и мы ждемъ только новыхъ векселей.

Пусть бы дѣлались всѣ эти издержки, лишь бы принцу была отъ того хоть какая-нибудь радость! Но никогда не былъ онъ менѣе счастливъ, какъ нынче! Онъ чувствуетъ, что онъ уже не тотъ, что былъ прежде.... онъ старается возвратиться къ прежнему.... онъ недоволенъ собой, и кидается въ новыя развлеченія, чтобы избѣжать слѣдствій предшествовавшихъ развлеченій. Новыя знакомства смѣняютъ одно другое, и онъ все болѣе вдается въ суету. Не знаю, что изъ этого вый-

детъ. Намъ надо ѣхать — другаго спасенія нѣтъ.... намъ надо уѣзжать изъ Венеціи.

А отъ Васъ, дорогой другъ, все еще нѣтъ ни строчки! Не знаю, чѣмъ объяснить себѣ это долгое, упорное молчаніе.

БАРОНЪ Ф** КЪ ГРАФУ О**.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

12 іюня.

Благодарю Васъ, дорогой другъ, за память обо мнѣ и за вѣсточку о себѣ, переданную мнѣ молодымъ Б**лемъ. Но о какихъ письмахъ говорите Вы, будто-бы полученныхъ мною? Я не получалъ отъ Васъ ни одного письма, ни одной строки. Видно они ѣдутъ ко мнѣ очень окольными дорогами! На будущее время, любезный О**, если Вы вздумаете писать ко мнѣ, посылайте письма черезъ Трентъ, на имя принца.

Наконецъ пришлось-таки намъ, дорогой другъ, сдѣлать шагъ, котораго мы до сихъ поръ такъ счастливо избѣгали. — Векселей мы не получили; какъ нарочно, они въ первый еще разъ запоздали именно тогда, какъ въ нихъ такая настоятельная нужда, и мы были поставлены въ необходимость прибѣгнуть къ ростовщику: принцъ, конечно, готовъ дорожке заплатить, только бы не выдать своей тайны. Хуже всего то, что этотъ не-пріятный случай отсрочиваетъ нашъ отъѣздъ.

По этому поводу у меня были съ принцемъ кой-какія объясненія. Все дѣло устроивалось чрезъ Біонделло; я и не подозрѣвалъ еще ничего, какъ явился ростовщикъ еврей. У меня сжалось сердце, что принцу пришлось

обратиться къ такому крайнему средству; во мнѣ ожили всѣ воспоминанія прошлаго, всѣ опасенія за будущее, и я былъ очень мраченъ и грустенъ, когда ушелъ ростовщикъ. Принца и безъ-того уже раздражила предшествовавшая сцена; онъ сердито ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; свертки золота лежали еще на столѣ; я стоялъ у окна и считалъ окна прокураціи; долго длилось молчаніе; наконецъ онъ не выдержалъ.

— Ф * *! началъ онъ: — я терпѣть не могу около себя мрачныхъ лицъ!

Я молчалъ.

— Что жъ вы не отвѣчаете? — Развѣ я не вижу, что у васъ тяжело на сердцѣ и что вамъ хочется высказать свою досаду? Я хочу, чтобы вы говорили. Вы, пожалуй, подумаете, что и Богъ знаетъ какія мудрыя слова этакъ погибнуть.

— Я мраченъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ я: — только потому, что вижу, что *вамъ* не весело.

— Я знаю, продолжалъ онъ: — знаю, что вы недовольны мной. . . . давно ужъ. . . . что ни одинъ шагъ мой не нравится вамъ. . . . что. . . . Что пишетъ графъ О * * ?

— Графъ О * * ничего мнѣ не писалъ.

— Ничего? К чему вы запираетесь? Вы изливаете сердца другъ передъ другомъ — вы и графъ. Я это очень хорошо знаю. Но все-таки признайтесь. Я не стану выпытывать вашихъ тайнъ.

— Графъ О * *, отвѣчалъ я: — изъ трехъ отправленныхъ мною къ нему писемъ не отвѣчалъ еще и на первое.

— Я дурно поступилъ, продолжалъ онъ. — Не правда ли?

И онъ взялъ одинъ свертокъ со стола.

— Мнѣ не слѣдовало бы этого дѣлать? а!

— Я понимаю, что это было *необходимо*.

— Мнѣ не слѣдовало ставить себя въ эту необходимость?

Я молчалъ.

— Точно! мнѣ никакъ не слѣдовало давать такой воли своимъ желаніямъ, чтобы они могли довести меня до *этого*; мнѣ слѣдовало состарѣться такъ же, какъ я дожилъ до мужескаго возраста! А вотъ, какъ я вздумалъ выйти изъ печальнаго однообразія моей прежней жизни и осмотрѣться, нѣтъ ли для меня гдѣ въ иномъ мѣстѣ источника удовольствія.... какъ я....

— Если это была лишь попытка, принцъ, мнѣ нечего возражать.... За опытность, которую вы могли приобрѣсть, не было бы дорого заплатить и втрое-большею суммой. Мнѣ было горько, признаюсь вамъ, что вы предоставляли мнѣнію свѣта — рѣшить вопросъ, *какъ* быть вамъ счастливу.

— Хорошо, что *вы* можете презирать мнѣніе свѣта! Я его созданіе, и долженъ быть его рабомъ. Чтò мы и сами такое, какъ не мнѣніе? Все въ насъ, принцахъ — мнѣніе. Мнѣніе — наша нянька и воспитательница въ дѣтствѣ, наша законодательница и любовница въ годы мужества, нашъ посохъ въ старости. Отнимите у насъ то, что дано намъ мнѣніемъ, и самый худшій изъ самыхъ низшихъ классовъ будетъ лучше насъ: его судьба создала ему хоть какую-нибудь философію его судьбы. Принцъ, смѣющійся надъ мнѣніемъ, самъ себя уничтожаетъ, какъ священникъ, отрицающій бытіе Божіе.

— Тѣмъ не менѣе, принцъ....

— Я знаю, что вы хотите сказать. Я могу перешагнуть черезъ кругъ, описанный мнѣ моимъ рожденіемъ.... Но могу ли я истребить изъ своей памяти всѣ дикія понятія, посѣянные въ ней воспитаніемъ и ранними привычками, и все глубже и глубже утвержденныя въ ней сотнею тысячъ глупцовъ изъ вашей же братіи? Всякой хочетъ быть *вполнѣ* тѣмъ, что онъ есть, а наша доля — *казаться счастливыми*. *Быть* счастливыми по вашему мы не можемъ; неужто ужъ и вовсе не знать намъ счастья? Мы не можемъ уже черпать радость прямо изъ ея чистаго источника; неужто и не обмануть намъ себя искусственнымъ наслажденіемъ, и не принять слабой уплаты отъ той самой руки, которая ограбила насъ?

— Прежде вы находили *эту радость* въ своемъ сердцѣ.

— Да если ужъ ея нѣтъ тамъ?... О! какъ мы договорились до этого? Зачѣмъ вздумалось вамъ будить во мнѣ эти воспоминанія?... Да не затѣмъ ли бросился я въ этотъ отуманивающій чувства омутъ, чтобы заглушить внутренній голосъ, составляющій несчастье моей жизни; чтобы уgomонить этотъ пытливый умъ, что словно острый серпъ проходитъ по моему мозгу и каждою новою мыслью подрѣзываетъ новую вѣтвь моего счастья?

— Добрый мой принцъ!...

Онъ всталъ и ходилъ въ сильнѣйшей тревогѣ по комнатѣ *).

*) Я старался, любезный О**, передать Вамъ важный разговоръ, завязавшійся тутъ между нами, какъ можно вѣрнѣе, слово въ слово; но это оказалось для меня невозможнымъ, хоть я и завялся имъ въ тотъ же вечеръ. Чтобы помочь своей памяти, я принужденъ былъ дать бѣглымъ мыслямъ принца нѣкоторую связь, которой у нихъ не

— Все рушится и передо мной и за мной.... прошедшее лежит позади въ печальномъ однообразіи, словно какое окаменѣлое царство.... въ будущемъ нѣтъ для меня ничего.... весь кругъ моего бытія заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ настоящаго.... За что же винить меня, что я хочу заключить въ свои объятія этотъ скудный даръ времени, горячо и ненасытимо, какъ друга, котораго вижу въ послѣдній разъ? что я спѣшу собрать проценты съ этого мимолетнаго капитала, какъ восьмидесятилѣтній старикъ со своей тіары? — О, я научился цѣнить мгновеніе! Мгновеніе — наша мать; какъ же и не любить его, какъ мать?

— Принцъ, вы вѣрили когда-то въ болѣе прочное благо....

— О! сдѣлайте прочнымъ облачный призракъ, и я сожму его въ горячихъ объятіяхъ. Что мнѣ за радость счастливить явленія, которыя завтра исчезнутъ, какъ я? — Развѣ не все убѣгаетъ вкругъ меня? Все мятется и оттѣсняетъ сосѣдей, чтобы второпяхъ уловить одну каплю изъ источника жизни и отойти отъ него съ прежнею жаждой. Въ ту минуту, какъ я еще пользуюсь своими силами, новая жизнь ждетъ уже моего тлѣнія. Укажите мнѣ на существо не гибнущее, и я буду добродѣтеленъ.

— Что же убило въ васъ благодѣтельныя чувства, бывшія наслажденіемъ и путеводною нитью вашей жиз-

было; такимъ образомъ вышло нѣчто среднее между свободнымъ разговоромъ и философскимъ разсужденіемъ, что и лучше и хуже источника, изъ котораго я черпалъ. Впрочемъ могу увѣрить Васъ, что я скорѣе убавилъ что-нибудь, чѣмъ прибавилъ, въ словахъ принца, и что мнѣ не принадлежитъ тутъ ничего, кромѣ самаго порядка бесѣды — да нѣсколькихъ замѣчаній, которыя вы конечно узнаете по ихъ нелѣпости. (*Примѣчаніе барона Ф**.*)

ни? Насаждать сѣмена для будущаго, служить высшему, вѣчному порядку....

— Будущее! вѣчный порядокъ!... Отнимите то, что человѣкъ взялъ изъ своей собственной груди и навязалъ какъ цѣль созданному имъ божеству, какъ законъ природѣ.... Что останется намъ?

«Что было до меня и что будетъ послѣ меня представляется мнѣ двумя черными непроницаемыми покровами, опущенными на двухъ предѣлахъ человеческой жизни; и еще ни одинъ изъ смертныхъ не приподнималъ ихъ. Сотни поколѣній стоятъ передъ ними со свѣточами, и думаютъ и гадаютъ, что бы такое крылось за ними. Глубокое безмолвіе царитъ за этими завѣсами; единожды скрывшись за ними, никто не пошлетъ сюда отвѣта; на вопросы отвѣчаетъ только глухой отголосокъ, какъ изъ могилы. Всѣмъ придется быть за темной завѣсой будущаго, и всѣ съ трепетомъ прикасаются къ ней, не зная, кто стоитъ тамъ и встрѣтитъ ихъ: *quid sit id, quod tantum morituri vident*. Бывали, правда, и невѣрующіе, которые утверждали, что завѣса эта только дурачить людей, что за нею ничего нѣтъ, и потому никто ничего не видалъ до сихъ поръ; но чтобы изобличить ихъ, тотчасъ же отправляли ихъ туда.»

— Заключение было слишкомъ поспѣшно, если они основывались только на томъ, что ничего не видали.

— Любезный другъ, я и покоряюсь, и не стараюсь заглянуть за эту завѣсу—и, разумѣется, нѣтъ ничего благоразумнѣе, какъ отогнать отъ себя всякое любопытство. Но по мѣрѣ того, какъ я обвожу около себя этотъ непереступаемый кругъ и заключаю все свое бытіе въ предѣлы настоящаго, все важнѣе становится для

меня этотъ маленькій участокъ, которымъ я чуть уже не пренебрегъ, вдаваясь въ суетные завоевательные планы. До того, что вы называете цѣлью моей жизни, мнѣ нѣтъ теперь никакого дѣла. Я не могу отъ нея уйти; не могу приблизить ее къ себѣ; но я знаю и твердо вѣрю, что я долженъ достигъ и достигаю этой цѣли. И тѣмъ святѣе для меня средства, избранныя природой, чтобы достигнуть мною своей цѣли; эти средства — все, что я могу назвать своимъ: моя нравственность, мое благополучіе. Ничего остального я никогда не узнаю. Я похожъ на посланца, который несетъ къ мѣсту назначенія запечатанное письмо. Ему все равно, что бы ни было въ этомъ письмѣ; онъ долженъ заслужить плату за вѣрную доставку — больше ничего.

— О! на какую нищету обрекаете вы меня!

— Однакожь мы далеко-таки забрались! воскликнулъ наконецъ принцъ, глядя съ улыбкой на столъ, гдѣ лежали свертки съ золотомъ. — А все-таки не совсѣмъ же сбились съ дороги! прибавилъ онъ. — Теперь вы найдете можетъ-быть прежняго меня и въ этомъ новомъ образѣ жизни. Не такъ-то легко было и мнѣ отвыкнуть отъ воображаемаго богатства и оторвать основы своей нравственности и своего счастья отъ милой мечты, съ которою было такъ тѣсно связано все, что до сихъ поръ жило во мнѣ. Я жаждалъ легкомыслія, дѣлавшаго сноснымъ существованіе большинства людей вокругъ меня. Я былъ радъ всему, что отвлекало меня отъ самого себя. Признаться ли? Я желалъ *насть*, чтобы уничтожить источникъ своего страданія и истощить въ себѣ силу на страданіе.

Тутъ прервали насъ гости.... Въ слѣдующій разъ

я расскажу Вамъ новость, которой Вы вѣрно не ожидаете послѣ сегодняшняго разговора.

БАРОНЪ Ф** КЪ ГРАФУ О**.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

1 іюля.

Такъ-какъ время отъѣзда нашего изъ Венеціи приближается быстрыми шагами, то эту недѣлю рѣшили посвятить осмотру всего замѣчательнаго по части картинъ и зданій; оставаясь долго въ городѣ, вѣчно откладываясь многое до послѣднихъ дней. Съ особеннымъ восторгомъ говорили намъ о «Бракѣ въ Канѣ Галилейской» *Павла Веронеза* въ одномъ бенедиктинскомъ монастырѣ на Островѣ Св. Георга. Не ждите отъ меня описанія этого несравненнаго произведенія; въ цѣломъ оно произвело на меня чрезвычайное впечатлѣніе, но я не успѣлъ насладиться имъ вполне. Нужно было столько часовъ, сколько простояли мы передъ нимъ минутъ, чтобы рассмотреть эту композицію, въ которой сто двадцать фигуръ и больше тридцати футовъ въ ширину. Можетъ ли человѣческій глазъ въ одинъ разъ обнять столь сложное цѣлое и насладиться всею красотой, расточенной въ немъ художникомъ? Нельзя не пожалѣть объ одномъ: такое высокое твореніе должно бы блистать въ публичномъ мѣстѣ и быть доступнымъ всякому, а оно услаждаетъ теперь лишь нѣсколькихъ монаховъ въ ихъ рефекторіи. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и церковь этого монастыря. Она одна изъ лучшихъ въ городѣ.

Подъ вечеръ мы переправились въ Джудекку —

и гулять тамъ по чуднымъ садамъ. Общество было не велико; оно скоро разсѣялось по аллеямъ, а меня увлекъ въ чащу Чивителла, искавшій цѣлый день случая переговорить со мной.

— Вы другъ принца, началъ онъ: — и онъ ничего не скрываетъ отъ васъ, какъ я узналъ изъ вѣрнаго источника. Сегодня, какъ я подходилъ къ его дому, отсюда вышелъ человѣкъ, котораго ремесло мнѣ извѣстно — и я замѣтилъ неудовольствіе въ чертахъ принца, войдя къ нему.

Я хотѣлъ перебить его.

— Вы меня не разувѣрите, продолжалъ онъ: — я узналъ этого молодца; очень хорошо его разглядѣлъ.... Да какъ же это было можно? У принца есть друзья въ Венеціи, друзья, обязанные ему жизнью; а онъ обращается при нуждѣ къ такимъ тварямъ! Будьте откровенны, баронъ!... Принцъ въ затруднительномъ положеніи? . . . Вы напрасно стараетесь скрыть это. Не скажете вы, такъ я узнаю отъ человѣка, для котораго нѣтъ тайны не продажной.

— Маркизь....

— Извините меня. Я принужденъ казаться нескромнымъ, чтобы не быть неблагодарнымъ. Я обязанъ принцу жизнью — и, что для меня еще важнѣе, разумнымъ направленіемъ жизни. И вы хотите, чтобы я видѣлъ, какъ принцъ рѣшается на такіе, дорого стоящіе ему и унижающіе его достоинство, шаги? Я могъ бы не допустить его до этого, и стану смотрѣть хладнокровно!

— Принцъ вовсе не въ затруднительномъ положеніи, сказалъ я. — Мы ждали векселей изъ Трента, и они запоздали. Конечно, случайно — или потому, что, противъ чаянія, тамъ думали, что принцъ уже уѣхалъ, и

ждали новаго приказа. Приказъ посланъ, а до тѣхъ поръ....

Онъ покачалъ головой.

— Не перетолковывайте моихъ намѣреній, сказалъ онъ. — Нечего и говорить, что я не думаю этимъ отплатить принцу за его благодареніе.... Всѣхъ богатствъ моего дяди не достало бы на это! Я желалъ бы только избавить его отъ одной непріятной минуты. У дяди моего огромное состояніе, и я могу располагать имъ, какъ своимъ собственнымъ. Счастливое обстоятельство доставляетъ мнѣ единственный возможный случай быть полезнымъ принцу хоть чѣмъ нибудь изъ всего, что въ моей власти. — Я знаю, продолжалъ онъ: — чего требуетъ отъ принца деликатность; но она взаимна — и со стороны принца было бы великодушно позволить мнѣ это ничтожное удовлетвореніе, хоть только для виду — чтобы сдѣлать для меня менѣе чувствительнымъ бремя подавляющей меня признательности.

Онъ не отставалъ отъ меня, пока я не обѣщалъ ему сдѣлать все, что отъ меня зависитъ; я зналъ принца и потому надежды у меня было мало. Маркизь соглашался на всѣ условія принца, хотя и признавался, что его глубоко огорчить, если принцъ будетъ смотрѣть на него, какъ на чужаго.

Въ пылу разговора мы ушли далеко отъ остальнаго общества. Когда мы возвращались, намъ попался на встрѣчу Ц * *.

— А я ищу принца.... Онъ не съ вами?....

— Мы къ нему-то и шли. Думали, что найдемъ его съ остальнымъ обществомъ.

— Общество все въ сборѣ, а его нигдѣ не могутъ найти. Я не понимаю, какъ потеряли мы его изъ виду.

Чивителла замѣтилъ тутъ, что принцу вздумалось можетъ-быть зайти въ ближайшую церковь, про которую маркизь незадолго передъ тѣмъ говорилъ, какъ про очень замѣчательную. Мы тотчасъ же отправились отыскивать его тамъ. Еще издали замѣтили мы Біонделло у входа въ церковь. Мы были уже близко, когда изъ боковыхъ дверей довольно поспѣшно вышелъ принцъ; лицо у него горѣло; онъ искалъ взглядомъ Біонделло и кликнулъ его. Онъ приказывалъ ему что-то повидимому очень важное, и при этомъ безпрестанно взглядывалъ на дверь, остававшуюся незатворенною. Біонделло бросился въ церковь. Принцъ, не замѣчая насъ, протѣснился сквозь толпу и пошелъ поспѣшно къ нашему обществу. Онъ былъ тамъ раньше насъ.

Мы рѣшили поужинать въ открытомъ павиліонѣ въ саду; маркизь, безъ вѣдома нашего, устроилъ тутъ небольшой, очень хорошо составленный концертъ. Особенно восхитила всѣхъ и прекраснымъ голосомъ и прелестной наружностью одна молодая пѣвица. На принца ничто повидимому не производило впечатлѣнія; взглядъ его былъ безпокойно устремленъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ придти Біонделло; казалось, въ душѣ его происходила сильная тревога. Чивителла спросилъ, поправилась ли ему церковь; онъ не могъ ничего сказать ему на это. Разговоръ зашелъ о нѣкоторыхъ превосходныхъ картинахъ, которыми эта церковь замѣчательна; онъ ни одной картины не видалъ. Мы замѣтили, что вопросы наши стѣсняютъ его, и замолчали. Проходилъ часъ за часомъ, а Біонделло не возвращался. Нетерпѣніе принца усилилось до крайности; онъ поспѣшилъ кончить ужинъ, и сталъ тяжелыми шагами ходить взадъ и впередъ одинъ въ отдаленной аллеѣ. Никто не могъ

понять, что съ нимъ случилось. Я не смѣлъ спросить его о причинѣ столь быстрой перемѣны; я давно уже не позволяю себѣ обращаться къ нему съ прежнею искренностью. Тѣмъ нетерпѣливѣе ждалъ я возвращенія Біонделло, отъ котораго надѣялся получить разгадку.

Онъ пришелъ часовъ въ десять. Вѣсти, принесенныя имъ, не сдѣлали принца разговорчивѣе. Онъ подошелъ къ намъ въ дурномъ расположеніи духа; послали за гондолой, и вскорѣ мы поплыли домой.

Во весь вечеръ не могъ я уллучить минуты, чтобы поговорить съ Біонделло, и мнѣ пришлось лечь въ постель, не удовлетворивъ своего любопытства. Принцъ рано оставилъ насъ; но тысячи мыслей, приходившихъ мнѣ въ голову, не давали мнѣ спать. Долго слышалъ я шаги его надъ своею спальней; наконецъ сонъ овладѣлъ мной. Поздно за полночь разбудилъ меня чей-то голосъ; чья-то рука прошла по моему лицу. . . . Я открылъ глаза. У моей постели стоялъ принцъ со свѣчой въ рукѣ. Онъ сказалъ, что не можетъ заснуть, и просилъ меня помочь ему скоротать ночь. Я хотѣлъ одѣться; но онъ приказалъ мнѣ оставаться въ постели и сѣсть рядомъ на стулъ.

— Сегодня со мной былъ случай, началъ онъ: — впечатлѣнію котораго никогда не изгладиться изъ моего сердца. Я ушелъ отъ васъ, какъ вы знаете, въ церковь * *. Меня заинтересовалъ ею Чивителла, и она еще издали привлекла мое вниманіе. Ни васъ, ни его около меня не было, и я отправился въ церковь одинъ; Біонделло велѣлъ я подождать меня у входа. Церковь была совсѣмъ пуста. . . . Меня охватилъ таинственный прохладный мракъ, когда я вступилъ въ нее изъ знойнаго, яркаго дневнаго свѣта. Я очутился одинъ подъ

высокими сводами; вокругъ царствовала торжественная, могильная тишина. Я всталъ посрединѣ церкви, и отдался впечатлѣнію окружающаго; мало-по-малу все яснѣе выступали передо мной геніальныя комбинаціи этой величественной постройки; я забылся въ спокойномъ, отрадномъ созерцаніи. Вечерній колоколъ звучалъ надо мной; звуки его тихо замирали подъ сводами и у меня въ душѣ. Нѣкоторыя украшенія алтаря привлекли издали мое вниманіе; я подошелъ ближе — разсмотрѣть ихъ; незамѣтно прошелъ я всю эту сторону церкви до противоположнаго ея конца. Здѣсь витая лѣстница вокругъ колонны ведетъ вверхъ, въ смежную капеллу, гдѣ въ нишахъ поставлены маленькіе алтари и статуи святыхъ. Я вошелъ въ придѣлъ направо, и мнѣ послышался вблизи нѣжный шопотъ, какъ будто кто-то тихо говорилъ. . . . Я поворачиваюсь въ ту сторону, гдѣ слышится голосъ, и въ двухъ шагахъ отъ себя вижу женскую фигуру. . . . Нѣтъ! я не могу описать ея! . . . Первымъ чувствомъ моимъ былъ страхъ; но онъ тотчасъ же смѣнился благоговѣйнымъ удивленіемъ.

— И эта фигура, принцъ. . . . Увѣрены ли вы, что это было дѣйствительное, живое существо, а не просто картина, или не мечта вашего воображенія?

— Слушайте. . . . Это была дама. . . . Нѣтъ, до сей минуты не зналъ я этого пола! . . . Все было сумрачно кругомъ; вечерѣющій день проникалъ въ капеллу единственнымъ окномъ; солнце, отсюду исчезши, озаряло только эту женщину. Съ неизъяснимою прелестью полу-лежала, полу-стояла она на колѣняхъ передъ алтаремъ. . . . Позы смѣлѣе, плѣнительнѣе, удачнѣе нельзя вообразить; линій прекраснѣе не создавала природа. Она была въ платьѣ изъ черной обьяри; оно плотно обле-

кало ея чудный станъ и прелестныя руки, и падало вокругъ нея въ широкихъ складкахъ, какъ испанская роба; ея длинные свѣтлорусые волосы, заплетенные въ двѣ широкія косы, развернулись отъ тяжести, выбились изъ подъ вуаля и рассыпались въ милѣйшемъ безпорядкѣ по спинѣ. . . . Одна рука лежала на распятіи; на другую, тихо склоняясь, опиралась она. Но найду ли я слова, чтобы описать вамъ ангельски-прекрасное лицо, на которомъ, какъ въ святилищѣ своемъ, сіяла во всей своей прелести ангельская душа? Вечернее солнце играло на немъ, и золотые лучи окружали ея голову будто ореоломъ. Помните мадонну нашего флорентинца? — Она была передо мною живая, даже со всѣми неправильностями и особенностями, которыя казались мнѣ такъ непреодолимо-влекущими въ этой картинѣ.

Надо Вамъ сказать, о какой мадоннѣ говорилъ принцъ. Вскорѣ послѣ Вашего отъѣзда онъ познакомился здѣсь съ однимъ флорентинскимъ живописцемъ, приглашеннымъ въ Венецію написать запрестольный образъ для какой-то церкви. Онъ привезъ съ собою три картины, которыя назначалъ для галереи палаццо Корнари. Эти картины были: мадонна, Элоиза и Венера почти безъ всякаго одѣянія — всѣ три изумительной красоты, и, при всей разности содержанія, равнаго достоинства, такъ-что почти невозможно было рѣшить, которой отдать преимущество. Только принцъ ни минуты не колебался; только-что увидалъ онъ ихъ, мадонна завладѣла вполне его вниманіемъ; въ двухъ другихъ картинахъ онъ удивлялся генію художника; тутъ же онъ забывалъ и о художникѣ и объ его искусствѣ, и весь погружался въ созерцаніе его произведенія. Картина произвела на

него удивительное впечатлѣніе; онъ не могъ отвести отъ нея глазъ. Художникъ, какъ можно было замѣтить, соглашался въ душѣ съ мнѣніемъ принца; но, по странному капризу, онъ никакъ не хотѣлъ продавать трехъ картинъ своихъ въ разныя руки и просилъ за всѣ полторы тысячи цехиновъ. Принцъ предлагалъ ему половину за одну мадонну; художникъ стоялъ на своемъ, и не знаю, чѣмъ бы кончилось дѣло, если-бъ не нашелся рѣшительный покупатель. Черезъ два часа всѣ три картины исчезли; мы ужъ не видали ихъ больше. Вотъ объ этой-то мадоннѣ и вспомнилъ принцъ.

— Я стоялъ, продолжалъ онъ: — и не сводилъ съ нея изумленнаго взора. Она не замѣчала меня, не смущалась моимъ присутствіемъ: такъ была погружена въ молитву. Она молилась Божеству, а я молился ей.... да! я ей молился Всѣ эти статуи святыхъ, всѣ эти алтари, горящія свѣчи не наводили меня на мысль о молитвѣ; тутъ только въ первый разъ дрогнуло во мнѣ сердце и я почувствовалъ, что стою въ святилищѣ. Признаться ли вамъ? Я твердо вѣровалъ въ эту минуту въ Того, къ Кому прикасалась ея прекрасная рука. Я читалъ отвѣтъ Его въ ея глазахъ. Ея дивное благоговѣніе осуществило Его передо мной, и я послѣдовалъ за нею въ Его небесныя обители.

«Она подналась, и тутъ только я снова пришелъ въ себя. Въ робкомъ смущеніи отошелъ я въ сторону; шорохъ моихъ шаговъ обличилъ ей меня. Неожиданная близость мужчины должна была испугать ее; дерзость моя могла ее оскорбить; но ни того, ни другаго не было во взглядѣ, брошенномъ ею на меня. Въ немъ было спокойствіе, неизъяснимое спокойствіе, и ласковая улыбка озаряла ея лицо. Она низошла со своего неба — и

я былъ первымъ счастливымъ существомъ, вызвавшимъ ея благодать. Она была еще на послѣднихъ ступеняхъ молитвенной лѣстницы — нога ея не коснулась еще земли.

«Тутъ послышался мнѣ шорохъ и въ другомъ углу капеллы. За мною поднялась съ церковнаго стула пожилая дама. Я до тѣхъ поръ и не замѣчалъ ея. Она была лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; она могла видѣть всѣ мои движенія. Это смутило меня. . . . Я опустилъ глаза, и платья прошелестили мимо меня.»

Относительно послѣдняго предположенія я могъ успокоить принца.

— Странно! продолжалъ онъ послѣ глубокаго молчанія. — Казалось бы, невозможно, никогда не знавши, никогда не чувствовавши и потребности въ чемъ-нибудь, вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, только и жить, что имъ однимъ. Или достаточно одного мгновенія, чтобы раздѣлить человѣка на два столь разнородныя существа? Для меня такъ же невозможно возвратиться къ радостямъ и желаніямъ вчерашняго утра, какъ къ играмъ дѣтства — съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ *ее*, съ тѣхъ поръ, какъ ея образъ живетъ въ моемъ сердцѣ. .. Это живое, могучее чувство одно во мнѣ.... «Кромѣ *ея*», говоритъ оно мнѣ: «ты не можешь ничего любить, и ничто въ этомъ мірѣ не подѣйствуетъ на тебя сильнѣе!»

— Вспомните, принцъ, въ какомъ воспріимчивомъ настроеніи вы были при этой встрѣчѣ, и какъ все способствовало, чтобы расшевелить ваше воображеніе! Изъ яркаго, ослѣпительнаго дневнаго свѣта, изъ уличнаго шума вы вдругъ попали въ этотъ мракъ и въ это безмолвіе; вы вполне отдались чувствамъ, которыя, какъ вы сами сознаетесь, возбудила въ васъ тишина, тор-

жественность этого мѣста; обзорѣніе прекрасныхъ художественныхъ произведеній сдѣлало васъ впечатлительнѣе въ красотѣ вообще; притомъ вы были одни; такъ по-крайней-мѣрѣ вамъ казалось и вдругъ, неожиданно, вы очутились около женщины, не подозрѣвая, что у васъ есть свидѣтель. . . . Красота ея — въ этомъ случаѣ я вполнѣ вѣрю вашему чувству — казалась еще плѣнительнѣе отъ выгоднаго освѣщенія, отъ удачной позы, отъ выраженія живаго благоговѣнія. . . . Не удивительно, что воспламененное воображеніе ваше придало ей нѣчто идеальное, нѣчто небесно-совершенное.

— Да развѣ можетъ воображеніе дать то, чего оно никогда не воспринимало? . . . А во всемъ кругу моихъ представленій нѣтъ ничего, что бы я могъ сравнить съ этимъ образомъ Цѣлый и неизмѣненный, какъ въ минуту созерцанія, хранится онъ въ моемъ воспоминаніи; у меня нѣтъ ничего, кромѣ этого образа; но я не отдалъ бы его за весь міръ!

— Принцъ, это любовь.

— Будто непременно нужно названіе моему счастью? Любовь! — Не унижайте чувства моего названіемъ, которымъ злоупотребляютъ тысячи слабыхъ душъ! Кто чувствовалъ то, что я чувствую? Такого существа еще не было; какъ же могло названіе существовать прежде чувства? Это новое, отдѣльное чувство, ново-возникшее съ этимъ новымъ отдѣльнымъ существомъ и только для этого существа возможное? — Любовь! любви я не боюсь!

— Вы услали Біонделло — безъ сомнѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ пошелъ по слѣдамъ вашей незнакомки и узналъ что-нибудь о ней? Какія вѣсти принесъ онъ?

Біонделло ничего не открылъ — все равно, что ничего. Онъ нашелъ ее еще у дверей церкви. Къ ней подошелъ пожилой, пристойно одѣтый человѣкъ, съ виду больше похожій на здѣшняго гражданина, чѣмъ на слугу, и проводилъ ее къ гондолѣ. Толпа нищихъ рзступилась, когда она пошла, и почтительно пропустила ее. Тутъ, по словамъ Біонделло, проглянула ея рука, украшенная драгоценными камнями. Она сказала что-то своей спутницѣ; Біонделло не понялъ, чтò именно; онъ утверждаетъ, что онѣ говорили по гречески. До канала было ей не близко, и около нихъ началъ собираться народъ; всѣ останавливались, какъ передъ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Никто не зналъ ея; но красота — царица отъ рожденія. Всѣ почтительно уступали ей мѣсто. Она опустила на лицо черный вуаль, который закрылъ и весь станъ ея, и поспѣшно пошла къ гондолѣ. Біонделло не выпускалъ изъ виду гондолы все время, какъ она плыла по каналу Джудекки; но слѣдить за нею дальше помѣшала ему толпа.

— Хоть гондольера-то примѣтилъ ли онъ, и можетъ ли его узнать?

— Онъ говоритъ, что гондольера узналъ бы; но онъ не изъ числа тѣхъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣла. Онъ спрашивалъ нищихъ; но они знали одно только: что синіора, уже нѣсколько недѣль, показывается тутъ, обыкновенно въ субботу, и всякой разъ даетъ на всѣхъ по золотой монетѣ. Монету Біонделло вымѣнялъ и принесъ мнѣ; это голландскій дукатъ.

— Значитъ, она гречанка и, повидимому, не изъ простыхъ; по крайней мѣрѣ съ состояніемъ и съ любовью къ добру. На первый разъ этого довольно, принцъ —

слишкомъ довольно. Одно странно: гречанка—и ходить въ католическую церковь!

— Что же тутъ страннаго? Развѣ она не могла переимѣнить религіи? Притомъ. . . . Тутъ все-таки есть что-то таинственное. . . . Отчего только разъ въ недѣлю является она? отчего по субботамъ и въ эту церковь, которая, по словамъ Біонделло, въ субботу всегда пуста? — Слѣдующая суббота все разрѣшить. Но до тѣхъ поръ, дорогой другъ, помогите мнѣ сократить это время! Впрочемъ, это напрасно! Часы подвигаются лѣнивымъ шагомъ, а во мнѣ все горитъ.

— Ну, настанетъ наконецъ этотъ день — что же тогда, принцъ? Что намѣрены вы сдѣлать?

— Что? . . . Я увижу ее. Узнаю, гдѣ она живетъ. Узнаю, кто она. — Кто-бъ ни была! то, что я *видѣлъ*, осчастливило меня; и такъ я ужъ знаю все, что можетъ сдѣлать меня счастливымъ.

— А отъѣздъ нашъ изъ Венеціи? Вѣдь онъ назначенъ въ началѣ слѣдующаго мѣсяца.

— Да развѣ я зналъ, что въ Венеціи есть еще такое сокровище для меня? — Вы говорите о моей вчерашней жизни. Я живу и хочу жить лишь съ сегодняшняго дня.

Мнѣ показалось кстати сдержать тутъ слово, данное мною маркизу. Я представилъ принцу, что оставаться въ Венеціи дольше невозможно при настоящемъ положеніи его кассы, и что нельзя очень рассчитывать и на помощь его двора, если онъ продлитъ свое пребываніе здѣсь за назначенный срокъ. Въ отвѣтъ на это я узналъ (чего до сихъ поръ принцъ не говорилъ мнѣ), что онъ получаетъ отъ сестры своей, царствующей * * ской * *, секретно, одинъ изъ всѣхъ братьевъ, значительное добавочное со-

держаніе, и что она съ удовольствіемъ удвоить его, если дворъ поставитъ его въ затруднительное положеніе. Сестра эта, какъ Вы знаете, большая мечтательница и богомолка; она тратитъ чрезвычайно мало на содержаніе своего двора; у нея остаются въ экономіи большія суммы, и она отдаетъ ихъ брату, котораго безгранично уважаетъ за его мудрую благотворительность. Правда, я давно уже зналъ, что между имъ и сестрой существуютъ близкія отношенія, что они въ постоянной перепискѣ другъ съ другомъ; но до сихъ поръ расходы принца ни превышали извѣстныхъ мнѣ источниковъ, и я не подозрѣвалъ еще секретнаго, вспомогательнаго источника. Ясно, значить, что у принца были издержки, которыя оставались и остаются для меня тайной; зная его характеръ, я думаю впрочемъ, что издержки эти могутъ служить лишь къ чести его. А я еще воображалъ, что вполне понялъ его? — Послѣ этого открытія мнѣ уже не казалось неловкимъ сказать принцу о предложеніи маркиза.... Къ немалому удивленію моему, принцъ безъ всякихъ отговорокъ принялъ его. Онъ уполномочилъ меня обдѣлать это дѣло съ маркизомъ, какъ я признаю за лучшее, и затѣмъ немедленно покончить съ ростовщикомъ. Самъ онъ хотѣлъ тотчасъ же написать къ сестрѣ.

Принцъ ушелъ отъ меня ужъ на разсвѣтѣ. Какъ ни непріятенъ мнѣ этотъ случай по *многимъ* причинамъ, но всего для меня досаднѣе въ немъ, что онъ вѣроятно отсрочитъ отъѣздъ нашъ изъ Венеціи. Отъ этой начинающейся страсти принца я скорѣе жду добра, чѣмъ дурнаго. Можетъ-быть она послужитъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ разсѣять метафизическія грезы принца и возвратитъ его къ обыкновенной человѣ-

ческой средѣ; она не обойдется безъ обычнаго кризиса, и, какъ искусственная болѣзнь, унесетъ и старый недугъ.

Прощайте, добрѣйшій другъ! Все это описалъ я Вамъ подѣ свѣжимъ впечатленіемъ. Почта сейчасъ отходить; Вы получите это письмо въ одинъ день съ предыдущимъ.

БАРОНЪ Ф * * КЪ ГРАФУ О * *.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

20 іюня.

Трудно найти человѣка услужливѣе этого Чивителлы. Въ послѣдній разъ, только-что принцъ ушелъ отъ меня, я получилъ отъ маркиза записку съ убѣдительнѣйшимъ повтореніемъ его предложенія. Я тотчасъ же отправилъ къ нему росписку, отъ имени принца, въ шести тысячахъ цехиновъ. Не прошло и получасу, какъ я получилъ ее обратно съ удвоенною суммой, частью билетами, частью золотомъ. Принцъ подѣ конецъ согласился оставить за собой всю сумму; но взамѣнъ этого и маркизъ долженъ былъ согласиться взять росписку съ обязательствомъ уплаты всего черезъ полтора мѣсяца.

Вся эта недѣля прошла въ поискахъ таинственной гречанки. Біонделло пустилъ въ ходъ всѣ пружины; но до сихъ поръ было все напрасно. Гондоліера онъ, правда, отыскалъ; но толку отъ него не добился. Гондоліеръ говорилъ только, что высадилъ обѣихъ дамъ на островъ Мурано; тамъ ждали ихъ носилки, и онѣ сѣли

въ нихъ. Онъ думалъ, что онѣ англичанки, потому-что говорили на иностранномъ языкѣ и заплатили ему золотомъ. Спутника ихъ онъ тоже не зналъ; кажется ему только, будто это зеркальный фабрикантъ въ Мурано. Такимъ-образомъ мы узнали хоть то, что намъ слѣдуетъ искать ее не на Джудеккѣ, и что она, по всей вѣроятности, живетъ на островѣ Мурано; по несчастію описаніе ея, сообщенное принцемъ, вовсе не годилось для передачи третьему лицу. Страстное вниманіе, съ какимъ онъ можно-сказать упивался ея прелестями, не дало ему хорошенько рассмотреть ее; онъ былъ совершенно слѣпъ для всего того, на что всякой другой обратилъ бы преимущественное вниманіе; по его изображенію, ее, казалось, легче отыскать у Петрарки или у Тасса, нежели на венеціанскомъ островѣ. При томъ эти распросы должны были производиться съ величайшею осторожностью, чтобы не компрометировать дамы и не возбудить какой-нибудь непріятной сплетни. Кромѣ принца, ее видѣлъ одинъ Біонделло, по крайней мѣрѣ сквозь вуаль, и развѣ онъ одинъ могъ узнать ее; поэтому онъ долженъ былъ по возможности являться вездѣ, гдѣ только можно было предполагать встрѣтиться съ нею; всю эту недѣлю бѣдняга только и дѣлалъ, что безъ отдыха мыкался по улицамъ Венеціи. Особенно тщательны были розыски въ греческой церкви; но все понапрасну. Нетерпѣніе принца возрастало съ каждымъ обманутымъ ожиданіемъ, и ему наконецъ осталось одно утѣшеніе — ждать ближайшей субботы.

Онъ былъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Ничто его не занимало, ничто не могло увлечь. Все въ немъ было въ какой-то лихорадочной тревогѣ; для него не существовало общества, и волненіе его расло въ одиноче-

ствѣ. Между-тѣмъ его какъ нарочно никогда еще не осаждали безчисленные посѣтители такъ, какъ въ эту недѣлю. Всѣ узнали о скоромъ его отъѣздѣ, и тѣснились къ нему въ домъ. Приходилось занимать этихъ людей, чтобы отвлечь отъ него ихъ подозрительное вниманіе; приходилось занимать и *его*, чтобы развлечь хоть немного его мысль. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Чивителла прибѣгнулъ къ игрѣ. Онъ при этомъ надѣялся пробудить въ принцѣ временный интересъ къ картамъ, который вскорѣ могъ бы остановить романическіе порывы его страсти, не дѣлаясь слишкомъ опаснымъ.

— Карты, говорилъ Чивителла: — предохранили меня отъ многихъ безумствъ, которыя я готовъ былъ сдѣлать, и поправили не одну сдѣланную мною глупость. Не разъ пара прекрасныхъ глазъ лишала меня разсудка и спокойствія, но часто находилъ я и то и другое за карточнымъ столомъ, и никогда женщины не имѣли надо мной такой власти, какъ при безденежьѣ, не позволявшемъ мнѣ играть.

Не стану разбирать, на сколько правъ Чивителла; но придуманное нами средство скоро начало становиться опаснѣе самой бѣды, которой мы хотѣли имъ помочь. Только большой рискъ придавалъ игрѣ мимолетный интересъ въ глазахъ принца; вскорѣ онъ готовъ былъ переступить всякія границы. Онъ уже сорвался со своей колеи. Все, что бы онъ ни дѣлалъ, принимало страстный характеръ; ко всему обращался онъ съ порывистымъ нетерпѣніемъ, овладѣвшимъ его душой. Вы знаете его равнодушіе къ деньгамъ; тутъ оно превратилось въ совершенное презрѣніе. Червонцы исчезали какъ водяныя капли у него въ рукахъ. Онъ почти без-

прерывно проигрывался, потому-что игралъ безъ всякого вниманія. Онъ проигрывалъ огромныя суммы, потому-что рисковалъ, какъ отчаянный игрокъ. — Дорогой О**, съ сердечнымъ замираньемъ пишу Вамъ обо этомъ. . . . Двѣнадцать тысячъ цехиновъ — да еще и слишкомъ — принцъ проигралъ въ четыре дня.

Не бравите меня. Я и самъ браню себя жестоко. Но могъ ли я помѣшать этому? Принцъ меня не слушалъ. Я могъ только представлять ему свои опасенія — не больше. Я дѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, и не могу считать себя виноватымъ

Чивителла тоже порядочно проигралъ; я выигралъ около шести сотъ цехиновъ. Безпримѣрное несчастіе принца возбудило всеобщее вниманіе; тутъ-то и нельзя ему было оставить игру. Чивителла, у котораго на лицѣ написана радость, когда онъ можетъ обязать принца, тотчасъ же далъ ему эту сумму. Дѣло улажено, но принцъ долженъ теперь маркизу двадцать четыре тысячи цехиновъ. О! какъ бы пріятно было прибѣгнуть къ экономической шкатулкѣ благочестивой сестрицы! — Неужто всѣ государи таковы, дорогой другъ? Принцъ держитъ себя такъ, какъ будто онъ оказалъ особенную честь маркизу, а этотъ — играетъ свою роль, право, не дурно.

Чивителла старался успокоить меня, увѣряя, что именно эта нерасчетливость, это необыкновенное несчастіе — самое дѣйствительное средство образумить принца. По его словамъ, не въ деньгахъ тутъ дѣло. Эта сумма для него ничего не значитъ, и онъ готовъ предложить принцу, когда угодно, втрое больше. Кардиналъ тоже увѣрялъ меня, что племянникъ его дѣй-

ствуешь вполне искренно, и говорилъ, что хоть сейчасъ поручится за него.

Хуже всего то, что эти громадныя потери не произвели ожидаемаго дѣйствія. Можно подумать, что принцъ по крайней мѣрѣ игралъ съ увлеченіемъ. Ничуть не бывало. Мысли его были далеко, и страсть, которую мы старались потушить въ немъ, находила по видимому лишь новую пищу въ его неудачахъ въ игрѣ. И въ самыя рѣшительныя минуты, когда всѣ съ трепетнымъ ожиданіемъ тѣснились къ игорному столу, его глаза искали Біонделло, чтобы прочесть у него на лицѣ, не несетъ ли онъ какой вѣсти. Біонделло ничего не приносилъ — и карта бывала убита.

Деньги уходили, впрочемъ, въ очень небогатыя руки. Нѣсколько превосходительныхъ особъ, которые, какъ злобно увѣряютъ въ свѣтѣ, сами ходятъ на рынокъ за скудной провизіей къ обѣду, и приносятъ ее домой въ своихъ сенаторскихъ шапкахъ, явились къ намъ въ домъ нищими, и оставили его съ полными карманами. Чивителла указалъ мнѣ ихъ.

— Посмотрите, говорилъ онъ: — сколько бѣднякамъ польза отъ того, что умному человѣку вздумалось подурачиться! Впрочемъ, это хорошо. Это по княжески, по царски! Великій человѣкъ долженъ и въ заблужденіяхъ своихъ доставлять счастье другимъ, и какъ разлившаяся рѣка, орошать сосѣднія поля.

У Чивителла прекрасная, благородная душа... Но принцъ долженъ ему двадцать четыре тысячи цехиновъ!

Суббота, которой мы ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, наконецъ наступила, и принцъ, разумѣется, не медля ни минуты, отправился въ церковь **. Онъ помѣстился въ этой же капеллѣ, гдѣ въ первый разъ уви-

далъ свою незнакомку, но такъ, чтобы не попасться ей сразу на глаза. Біонделло долженъ былъ стоять часовымъ у церковныхъ дверей и завязать тутъ знакомство съ провожатымъ дамы. Я взялся сыграть роль совершенно посторонняго человѣка и, при возвращеніи незнакомки, помѣститься съ нею въ одной гондолѣ, чтобы идти по ея слѣдамъ, если бы все остальное не удалось. На томъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ гондоліера, онъ высадилъ ее въ первый разъ, были приготовлены двое носилокъ; кромѣ того, принцъ приказалъ камеръ-юнкеру Ц* * слѣдовать за нею въ особой гондолѣ. Самъ принцъ готовился вполнѣ отдаться созерцанію своей красавицы и, если будетъ случай, попытать счастье въ церкви. Чивителла долженъ былъ остаться дома, потому-что пользовался дурною репутаціей между венеціанскими женщинами, и могъ, пожалуй, вмѣшательствомъ своимъ возбудить въ незнакомкѣ недовѣріе. Вы видите, любезный графъ, что не мы виноваты, если красавица отъ насъ ускользнула.

Трудно представить желанія пламеннѣе тѣхъ, что одушевляли принца въ церкви, да трудно вообразить и болѣе грустное разочарованіе. До самыхъ сумерекъ ждалъ принцъ въ капеллѣ Каждый шорохъ, слышавшійся вблизи, каждый скрипъ церковной двери кидалъ его въ жаръ и трепеть битыхъ семь часовъ ждалъ онъ — гречанка все не являлась! Не стану Вамъ говорить о состояніи его души. Вы знаете, что такое несбывшаяся надежда — и притомъ надежда, которою почти исключительно жилъ человѣкъ въ теченіи семи дней и семи ночей.

БАРОНЪ Ф** КЪ ГРАФУ О**.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Июль.

Таинственная незнакомка нашего принца напомнила маркизу Чивителла романическое приключеніе, случившееся нѣсколько времени тому назадъ съ нимъ самимъ, и онъ, чтобы немножко разсѣять принца, рассказалъ намъ его. Передаю Вамъ этотъ рассказъ его собственными словами. Изложеніе мое не можетъ передать только той живости, которою онъ умѣетъ одушевлять все, что говорить.

«Прошлою весной», рассказывалъ Чивителла: «я имѣлъ несчастіе возстановить противъ себя испанскаго посланника, который сгруппировалъ на своемъ семидесятомъ году, женившись на восемнадцати-лѣтней римлянкѣ. Мщеніе его преслѣдовало меня, и друзья мои совѣтовали мнѣ уѣхать на время, чтобы спастись отъ него, и ждать, пока рука природы или какая-нибудь любовная сдѣлка не избавитъ меня отъ этого опаснаго врага. Мнѣ казалось слишкомъ тяжело совсѣмъ разстаться съ Венеціей, и потому я поселился въ одномъ отдаленномъ кварталѣ на Мурано, гдѣ нанялъ подъ чужимъ именемъ уединенный домикъ. Днемъ я не показывался, а по ночамъ принадлежалъ друзьямъ и удовольствіямъ.

«Окна мои выходили въ садъ, на западъ упиравшійся въ стѣну одного монастыря, а на востокъ вдававшійся маленькимъ полуостровомъ въ лагуну. Садъ былъ прелестный, но его мало посѣщали. По утрамъ,

протясъ со своими пріателями, я имѣлъ обыкновеніе, прежде-чѣмъ лечь спать, проводить нѣсколько минутъ у окна, встрѣчать восходъ солнца надъ заливомъ, и уже затѣмъ, пожелавъ ему спокойной ночи, отправляться въ постель. Если вы, принцъ, не испытали еще этого удовольствія. я рекомендую вамъ это мѣсто, чтобы насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Лучше его, кажется, и нѣтъ во всей Венеціи. Пурпурная ночь лежитъ надъ водами, и золотой паръ, окаймляющій вдали лагуну, возвѣщаетъ приближеніе солнца. Небо и море исполнены мирнаго ожиданія. Мигъ — и оно явилось во всемъ блескѣ своемъ, и волны горятъ. . . . Это дивное зрѣлище!

«Однажды утромъ, любуясь такимъ образомъ великолѣпною картиною природы, я вдругъ замѣчаю, что я не единственный ея зритель. Мнѣ слышатся голоса въ саду; я смотрю, и вижу, къ берегу пристаетъ гондола. Черезъ нѣсколько минутъ въ саду появляются люди, и приближаются тихими шагами, какъ гуляющіе, по аллеѣ. Я разглядываю мушину и женщину, и за ними маленькаго негра. Женщина одѣта въ бѣломъ, и на рукѣ у нея блеститъ бриліантъ. Больше пока не могу я ничего различить въ сумракѣ.

«Любопытство зашевелилось во мнѣ. Вѣроятно, это любовное свиданіе влюбленной четы. . . . Но почему же именно здѣсь и въ такую необыкновенную пору? Было всего три часа, и все еще было окутано мутнымъ сумракомъ. Случай этотъ показался мнѣ новъ, и представлялъ какъ-будто завязку романа. Мнѣ хотѣлось дождаться конца.

«Я потерялъ ихъ изъ виду въ густой зелени сада, и долго ждалъ ихъ появленія снова. Между-тѣмъ садъ

огласился пріятнымъ пѣніемъ. Это пѣлъ отъ скуки гондольеръ, сидя въ своей гондолѣ; ему вторилъ товарищъ по сосѣдству. Пѣсня была — стансы изъ Тасса; пора и мѣсто гармонировали имъ, и мелодія отрадно звучала среди всеобщей тишины.

«День между тѣмъ свѣталъ, и предметы обозначились яснѣе. Я сталъ искать глазами свою чету. Они шли рука объ руку по широкой аллеѣ и часто пріостанавливались; но они были обращены ко мнѣ спиной, и аллея шла довольно далеко отъ моего дома. По граціи ихъ походки я заключилъ, что они принадлежатъ къ аристократіи; по благородству и красотѣ стана женщины, что она и лицомъ необыкновенная красавица. Они говорили по видимому мало, но дама все-таки больше, чѣмъ ея спутникъ. Зрѣлище восхода солнца, сіявшаго въ эту минуту во всемъ своемъ величіи, кажется, вовсе ихъ не занимало.

«Пока я пошелъ за зрительной трубкой и навелъ ее, чтобы разсмотрѣть какъ можно ближе странныхъ гостей сада, они опять вдругъ исчезли въ боковой аллеѣ, и прошло немало времени, прежде-чѣмъ я опять увидалъ ихъ. Солнце совсѣмъ уже взошло; они показались изъ аллеи близко отъ моего окна, и шли лицомъ ко мнѣ. . . . Что за небесныя черты увидалъ я! . . . Было ли это игрой воображенія, или освѣщеніе производило такой волшебный эффектъ; но мнѣ казалось, что я вижу неземное существо, и я невольно опустилъ глаза, пораженные ослѣпительнымъ свѣтомъ. — Сколько величія и при этомъ сколько кротости! сколько души и благородства, и какой пышный дѣвственный расцвѣтъ! . . . Описать вамъ ее нечего и стараться. Съ этой минуты для меня не существовало иной красоты!

«Интересъ разговора удержалъ ее неподалеку отъ меня, и я могъ свободно любоваться ею. Но едва взглядъ мой упалъ на ея спутника, даже самая красота ея не могла уже отвлечь его. Это былъ, какъ мнѣ показалось, человѣкъ среднихъ лѣтъ, довольно худой, высокій и стройный; но еще ни разу ни на одномъ челѣ не видалъ я такого отсвѣта ума, такого благородства, такой божественности. Какъ ни былъ я обезпеченъ, что меня нельзя видѣть, а все-же не могъ выдерживать пронзительнаго взгляда, сверкавшаго молніей изъ подъ темныхъ бровей. Въ глазахъ его виднѣлась тихая, трогательная печаль, и лишь кроткое выраженіе губъ смягчало строгую мрачность, лежавшую на всемъ его лицѣ. Характеръ лица былъ не европейскій; какъ это, такъ и одежда, составленная изъ самыхъ разнородныхъ принадлежностей съ неподражаемымъ вкусомъ, придавали ему оригинальный видъ и усиливали чрезвычайное впечатлѣніе, производимое всѣмъ его существомъ. Что-то дикое во взорѣ заставляло предполагать въ немъ мечтателя, но манеры его и внѣшняя порядочность обличали человѣка, много вращавшагося въ свѣтѣ.»

Тутъ Ц**, по извѣстной Вамъ склонности высказывать все, что думаетъ, не выдержалъ.

— Это нашъ армянинъ! воскликнулъ онъ: — нашъ армянинъ! Больше никому быть!

— Что за армянинъ? спросилъ Чивителла.

— А вы не слыхали объ этой комедіи? сказалъ принцъ. — Впрочемъ — безъ отступленій! Меня начинаетъ интересовать вашъ незнакомецъ. Продолжайте вашъ рассказъ!

— Въ поведеніи этого человѣка было что-то непо-

стижимое. Глаза его внимательно, страстно покоились на его спутницѣ, когда она смотрѣла въ сторону, и опускались, встрѣчаясь съ ея глазами. Что это за человѣкъ? думалъ я, и готовъ былъ простоять цѣлую вѣчность, наблюдая его.

«Они опять исчезли въ кустахъ. Я долго, долго ждалъ ихъ появленія, но напрасно. Наконецъ изъ другаго окна я опять увидалъ ихъ.

«Они стояли у бассейна, въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, оба въ глубокомъ молчаніи. Вѣроятно, довольно долго уже оставались они въ такомъ положеніи. Ея открытые выразительные глаза были пылливо обращены на него и, казалось, читали каждую возникающую мысль на его челѣ. Онъ, словно не отвѣщаясь любоваться ею прямо, украдкой ловилъ ея образъ въ зеркальной водѣ, или останавливалъ глаза на дельфинѣ фонтана. Не знаю, долго ли продлилась бы эта нѣмая бесѣда, еслибъ дама не прервала ее. Съ прелестнѣйшею нѣжностью подошла она къ нему, обвила рукой его шею, взяла его руку и поднесла ее къ своимъ губамъ. Онъ холодно и небрежно принялъ эту ласку, и не отвѣтилъ на нее лаской.

«Въ этой сценѣ было для меня нѣчто трогательное. Именно его было мнѣ жаль. Казалось, борьба глубокаго чувства происходила у него въ груди; непреодолимая сила влекла его къ ней, а какая-то незримая рука отталкивала. Безмолвна, но мучительна была эта борьба, и опасность такъ обаятельна! Нѣтъ, думалъ я, онъ беретъ подвигъ не по силамъ. Онъ падетъ, онъ долженъ пасть.

«Онъ подалъ незамѣтный знакъ, и маленькій негръ исчезъ. Я ждалъ чувствительной сцены, колѣнопрекло-

ненной мольбы о прощеніи, примиренія, запечатлѣннаго тысячью поцалувъ. Ничуть не бывало. Этотъ не постижимый человѣкъ вынулъ изъ бумажника запечатанный пакетъ и подалъ его дамѣ. Взглянувъ на пакетъ, она омрачилась, и въ глазахъ ея блеснули слезы.

«Послѣ краткаго молчанія бесѣда ихъ кончилась. Изъ боковой аллеи подошла къ нимъ пожилая дама, все время бывшая отъ нихъ въ отдаленіи и только тутъ мною замѣченная. Обѣ женщины тихо пошли, разговаривая другъ съ другомъ; пользуясь этимъ случаемъ, спутникъ незамѣтно отсталъ отъ нихъ. Нерѣшительно и пристально взглянулъ онъ на красавицу, постоялъ и пошелъ, потомъ опять постоялъ — и вдругъ исчезъ въ кустахъ.

«Молодая дама наконецъ оглянулась. Ею овладѣваетъ безпокойство, что его нѣтъ позади; она останавливается, повидимому поджидая его. Его нѣтъ. Взоры ея робко обращаются по сторонамъ, она удваиваетъ шаги. Я тоже осматриваю весь садъ изъ окна, и не вижу его. Его нѣтъ нигдѣ.

«Вдругъ съ канала слышится плескъ весла, и отъ берега отчаливаетъ гондола. Это былъ онъ, и я насилу удержался, чтобы не крикнуть. Теперь ясно — это была сцена растанья.

«Она, казалось, *подозрѣвала* то, что я зналъ. Она быстро побѣжала къ берегу, такъ что спутница ея не могла поспѣть за нею. Но ужь поздно. Гондола летѣла какъ стрѣла, и только бѣлый платокъ развѣвался вдали. Вскорѣ уѣхали и дамы.

«Проснувшись послѣ краткой дремоты, я невольно посмѣялся надъ своимъ ослѣпленіемъ. Фантазія продолжала это происшествіе во снѣ, и самая дѣйствитель-

ность превратилась для меня какъ-бы въ сонъ. Прелестная какъ гурія дѣвушка, гуляющая до солнечнаго восхода въ отдаленномъ саду передъ моими окнами со своимъ любовникомъ; любовникъ, не умѣющій сдѣлать лучшаго употребленія изъ этой поры, — все это казалось вымысломъ, способнымъ родиться развѣ въ фантазіи спящаго человѣка. Но сонъ былъ такъ прекрасенъ, что мнѣ хотѣлось бы чаще повторять его, и самый садъ сталъ для меня дороже съ тѣхъ поръ, какъ фантазія моя населила его такими плѣнительными образами. За этимъ утромъ слѣдовало нѣсколько пасмурныхъ дней; они отогнали меня отъ окна, но въ первый же ясный вечеръ я невольно возвратился къ нему. Судите сами о моемъ изумленіи! Глаза мои недолго бродили по саду, какъ имъ мелькнуло бѣлое платье моей незнакомки. Это была она сама. Да, она сама. Значить, это былъ не сонъ.

«Съ нею была прежняя пожилая дама; она вела за руку небольшого мальчика. Сама же она шла задумчиво и поодаль. Вмѣстѣ со спутницей своей посѣтила она всѣ мѣста, ставшія для нея замѣчательными со времени перваго посѣщенія, когда съ нею былъ ея кавалеръ. Дольше всего остановилась она у бассейна, и ея напряженный неподвижный взглядъ, казалось, вотще искалъ милый образъ.

«Эта чудная красота увлекла меня въ первый разъ, какъ я увидалъ ее; въ этотъ разъ она произвела на меня болѣе кроткое впечатлѣніе, хотя и не менѣе сильное. Я могъ уже совершенно свободно любоваться небеснымъ лицомъ; изумленіе первой встрѣчи незамѣтно смѣнилось отраднымъ чувствомъ. Ореоль ея для меня исчезъ, и я видѣлъ въ ней лишь прелестнѣйшую изъ женщинъ,

распалающую мои чувства. Эта минута рѣшила все. Она будетъ моею! сказалъ я.

«Пока я разсуждалъ, сойти ли мнѣ внизъ и приблизиться къ ней, или, прежде чѣмъ рѣшиться на это, навести объ ней справки, отворилась маленькая калитка въ монастырской стѣнѣ, и изъ нея вышелъ кармелитскій монахъ. Заслышавъ шорохъ, дама оставила свое мѣсто и быстрыми шагами пошла къ нему на встрѣчу. Онъ вынулъ изъ за пазухи какую-то бумагу. Она порывисто схватила ее, и какъ-будто свѣтлая радость мелькнула по ея лицу.

«Въ эту самую минуту мои обычные вечерніе посѣтители отвлекли меня отъ окна. Я не подхожу къ нему ни на шагъ, чтобы не сдѣлать другихъ участниками въ моемъ открытіи. Цѣлый часъ приходится мнѣ оставаться въ этомъ мучительномъ нетерпѣніи; наконецъ мнѣ удается выпроводить непрошенныхъ гостей. Я подбѣгаю къ окну, но все уже исчезло!

«Садъ совершенно пустъ; я схожу въ него. На каналѣ нѣтъ уже ни одной лодки. Нигдѣ ни слѣда людей. Я не знаю, ни откуда пріѣзжала она, ни куда уѣхала. Я бродилъ по саду, глядя во всѣ стороны, и вдругъ мнѣ мелькнуло въ глаза что-то бѣлое на пескѣ аллеи. Я подхожу. Это бумажка, свернутая въ формѣ нисыма. Что могло это быть, какъ не письмо, переданное ей кармелитомъ? Счастливая находка! воскликнулъ я. Это письмо разоблачитъ мнѣ всю тайну; оно сдѣлаетъ меня владыкой ея судьбы.

«На печати былъ сфинксъ, на письмѣ не было адреса и оно было написано цифирью; это меня не испугало, потому-что я умѣю разбирать эти таинственные знаки. Я наскоро переписалъ письмо, боясь, чтобы

она не хватилась его и не возвратилась въ садъ на поиски. Если она не найдетъ письма, сообразилъ я, она подумаетъ, что въ саду было много гуляющихъ, и пожалуй уже не заглянетъ сюда въ другой разъ. Тогда всѣмъ надеждамъ моимъ конецъ!

«Какъ я предполагалъ, такъ и случилось. Я только-что переписалъ письмо, какъ она явилась съ прежней спутницей своей, и обѣ принялись тревожно искать. Я прилѣпилъ письмо къ куску черепицы, который снялъ съ кровли, и бросилъ его въ такое мѣсто, гдѣ она должна была пройти. Ея плѣнительная радость при находкѣ письма наградила меня за мое великодушіе. Она тщательно осмотрѣла письмо со всѣхъ сторонъ, словно стараясь угадать непосвященную руку, можетъ быть касавшуюся до него; но лицо ея не выражало и тѣни неудовольствія, когда она прятала письмо, и показывало, что она ничего не подозрѣвала. Она пошла, и обративъ взоръ назадъ, казалось, благодарила боговъ-охранителей сада, что они такъ вѣрно сберегли тайну ея сердца.

«Я принялся разбирать письмо. Я перепробовалъ нѣсколько языковъ; наконецъ остановился на англійскомъ. Содержаніе письма было для меня такъ интересно, что я удержалъ его цѣликомъ въ памяти».

Мнѣ приходится оставить перо. Доскажу въ другой разъ.

БАРОНЪ Ф** КЪ ГРАФУ О**.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Августъ.

Нѣтъ, любезный другъ. Вы несправедливы къ доброму Біонделло. Вы напрасно подозрѣваете его. Я го-

товъ согласиться съ Вами, что всѣ италіанцы мошенники; но Біонделло — малый честный.

Вамъ кажется страннымъ, что человѣкъ съ такими блестящими талантами и съ такимъ примѣрнымъ поведениемъ могъ поступить въ услуженіе, еслибъ у него не было при этомъ какихъ-нибудь тайныхъ цѣлей; и Вы думаете, что эти цѣли подозрительны. Какъ? Развѣ есть что-нибудь необыкновенное въ томъ, что умный и даровитый человѣкъ старается понравиться принцу, который можетъ составить его счастіе? Развѣ это такъ унижительно? И развѣ не ясно изъ всего, что Біонделло лично привязанъ къ принцу? Онъ признался, что у него есть въ запасѣ какая-то просьба къ нему. Можетъ быть у него и есть тайныя цѣли; но отчего же не быть имъ невинными?

Васъ удивляетъ, что въ первые мѣсяцы (когда мы еще пользовались Вашимъ обществомъ) Біонделло скрывалъ всѣ свои высокіе таланты, которые проявляетъ теперь, и ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Это правда; но былъ ли у него тогда случай отличиться? Принцу еще не нужно было его услугъ; а остальные таланты его открыли мы случайно.

Но недавно онъ представилъ намъ доказательство своей преданности и честности, которое уничтожитъ всѣ Ваши сомнѣнія. За принцемъ слѣдятъ. Собираютъ тайныя свѣдѣнія о прежнемъ образѣ его жизни, о его знакомствахъ и отношеніяхъ. Не знаю, кому это любопытно. Но вотъ послушайте.

Здѣсь въ ** есть трактиръ, гдѣ часто бываетъ Біонделло; какая у него тамъ приманка, не знаю. Нѣсколько дней тому назадъ онъ заходитъ туда и застаётъ цѣлую компанію: адвокатовъ и чиновниковъ, веселыхъ

малыхъ и своихъ знакомыхъ. Всѣ удивляются, всѣ рады, что встрѣтились съ нимъ. Возобновляется старое знакомство; каждый принимается рассказывать свою исторію до настоящей минуты; требуютъ, чтобъ и Біонделло рассказалъ. Онъ передаетъ все въ немногихъ словахъ. Ему желаютъ счастья въ новой должности, говорятъ, что уже слышали о роскошномъ образѣ жизни принца, о щедрости его, преимущественно къ людямъ, умѣющимъ хранить тайны; всѣмъ извѣстна его дружба съ кардиналомъ А**и, его страсть къ игрѣ, и проч. Біонделло удивленъ. . . . Надъ нимъ подшучиваютъ, что онъ накидываетъ на себя такую таинственность, тогда-какъ всѣмъ извѣстно, что онъ исполняетъ всѣ порученія принца **; два адвоката сажаютъ его къ себѣ въ середину; бутылка живо пустѣетъ. . . . Принуждаютъ пить и его; онъ отговаривается, что не можетъ, но все-таки пьетъ, чтобъ казаться пьянымъ.

— Да! говоритъ наконецъ одинъ изъ адвокатовъ: — Біонделло знаетъ свое ремесло, да еще не совсѣмъ, а только на половину.

— Чего же мнѣ не достаетъ? спрашиваетъ Біонделло.

— Ты умѣешь, говоритъ другой адвокатъ: — беречь тайны, а не умѣешь сбывать ихъ съ выгодой.

— А развѣ найдутся покупщики? спрашиваетъ Біонделло.

Тутъ другіе грети удалились изъ комнаты, и онъ остался съ глазу на глазъ съ двумя адвокатами, у которыхъ развязался языкъ. Короче вамъ сказать, они уговаривали его доставлять имъ свѣдѣнія объ отношеніяхъ принца къ кардиналу и его племяннику, указать имъ источникъ, откуда принцъ достаетъ деньги, и пе-

редавать имъ письма, адресованныя къ графу О^{**}. Біонделло сказалъ, что дастъ имъ отвѣтъ въ другой разъ; но по чьему приказанію они дѣйствуютъ, не мо^тъ отъ нихъ вывѣдать. Судя по блестящимъ предложеніямъ, обращеннымъ ими къ Біонделло, они должны быть агентами очень богатаго человѣка.

Вчера вечеромъ Біонделло рассказывалъ обо всемъ этомъ принцу. Принцъ хотѣлъ-было тотчасъ же забрать въ руки этихъ шпионовъ; но Біонделло отговорилъ его. Вѣдь ихъ пришлось бы потомъ освободить, и тогда онъ потерялъ бы между ними всякой кредитъ, да можетъ быть и самая жизнь его подвергалась бы опасности. Весь этотъ народъ за одно; Біонделло говорилъ, что ему легче было бы быть во враждѣ съ цѣлымъ венеціанскимъ сенатомъ, нежели прослыть между ними за измѣнника. Къ тому жъ онъ не могъ бы ужъ быть полезнымъ и принцу, потерявъ довѣріе простаго класса.

Мы думали и гадали, что бы это значило. Кому въ Венеціи такъ важно знать, что принцъ получаетъ и тратитъ, что у него за сношенія съ кардиналомъ А^{**}и, и что я пишу къ вамъ? Ужъ не по порученію ли это принца ^{**} д^{**}? Или не опять ли поднялся арменинъ?

Баронъ Ф^{**} къ графу О^{**}.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Августъ.

Принцъ утопаетъ въ любви и счастья. Онъ нашелъ свою гречанку. Послушайте, какъ это случилось.

Одинъ путешественникъ, проѣзжавшій чрезъ Хиосъ, много рассказывалъ намъ о прекрасномъ мѣсто-

положеніи этого города въ заливѣ, и принцу захотѣлось побывать тамъ. Вчера мы привели это въ исполненіе. Для избѣжанія всякаго принужденія и лишнихъ издержекъ, принца должны были сопровождать только Ц^{кк} и я, да Біонделло. Принцъ хотѣлъ остаться инкогнито. Туда какъ-разъ отходило судно, и мы взяли на немъ мѣста. Общество было очень смѣшанное, но не замѣчательное ничѣмъ, и путь нашъ не представлялъ ничего особеннаго.

Хіосъ выстроенъ на крѣпкихъ сваяхъ, какъ Венеція, и въ немъ считается около сорока тысячъ жителей. Дворянства здѣсь почти не видать, и на каждомъ шагу рыбаки и матросы. Всякой, кто ходитъ въ парикъ и въ плащъ, именуется богачемъ; шапка и епанча считаются признакомъ бѣдности. Мѣстоположеніе города прекрасно, но не послѣ Венеціи.

Мы остались тамъ не долго. Корабль, на которомъ было довольно пассажировъ и кромѣ насъ, долженъ былъ вскорѣ отправиться назадъ въ Венецію, а принца ничто въ Хіосѣ не привязывало. Всѣ уже были въ сборѣ, когда мы явились на корабль. Въ первый проѣздъ насъ нѣсколько стѣсняло общество пассажировъ, и поэтому мы взяли на этотъ разъ отдѣльную каюту. Принцъ спросилъ, кто есть еще на кораблѣ. Ему отвѣчали: доминиканецъ и двѣ дамы, возвращающіяся въ Венецію. Принцъ не любопытствовалъ взглянуть на нихъ, и тотчасъ же занялъ свою каюту.

И въ первый проѣздъ и на возвратномъ пути предметомъ нашего разговора была гречанка. Принцъ съ жаромъ вспоминалъ о встрѣчѣ съ нею въ церкви; составлялъ разные планы и отвергалъ ихъ; время прошло незамѣтно; мы не успѣли опомниться, какъ были

уже въ Венеціи. Нѣкоторые пассажиры съѣхали на берегъ; между ними былъ и доминиканецъ. Хозяинъ судна явился къ дамамъ, которыхъ, какъ оказалось, отдѣляла отъ насъ лишь тонкая досчатая стѣна, и спросилъ, гдѣ угодно имъ пристать.

— Къ острову Мурано, отвѣчали ему, и при этомъ называли домъ.

— Къ острову Мурано? воскликнулъ принцъ, и, казалось, по душѣ его прошелъ трепетъ предчувствія.

Я не успѣлъ отвѣтить ему, какъ вбѣжалъ Біонделло.

— Знаете ли, кто съ нами ѣдетъ?

Принцъ вскочилъ.

— Она здѣсь! она сама! продолжалъ Біонделло. — Я сейчасъ говорилъ съ ея провожатымъ.

Принцъ выбѣжалъ изъ каюты. Ему было тутъ тѣсно и душно; тѣсно и душно было бы ему въ эту минуту и въ цѣломъ мірѣ. Тысячи чувствъ кипѣли въ немъ, колѣни дрожали, блѣдность смѣнялась румянцемъ, румянецъ блѣдностью на его лицѣ. Я дрожалъ и самъ отъ ожиданія. Описать это состояніе я не умѣю.

Мы причалили къ Мурано. Принцъ соскочилъ на берегъ. Она появилась. На лицѣ принца прочелъ я, что это она. Взглядъ на нее не оставилъ во мнѣ никакого сомнѣнія. Я никогда не видалъ болѣе чудной красавицы; дѣйствительность помрачила все рассказы принца. Горячій румянецъ разлился по ея лицу, когда она увидала принца. Она вѣроятно слышала весь нашъ разговоръ, и не могла сомнѣваться, что дѣло шло о ней. Она многозначительно взглянула на свою спутницу, словно хотѣла сказать: «вотъ онъ!» и въ смущеніи потупила глаза. Съ корабля спустили узкую

доску, по которой должна была она сойти. Казалось, она вступила на нее со страхом.... Но, мнѣ кажется, она боялась не столько поскользнуться, сколько идти безъ чужой помощи, а принцъ протянулъ уже руку, чтобы пособить ей. Смущеніе уступило необходимости. Она подала руку принцу и сошла на берегъ. Принцъ отъ сильнаго волненія оказался не совсѣмъ вѣжливымъ; другая дама ждала отъ него такой же услуги, но онъ забылъ о ней.... о чемъ не забылъ бы онъ въ эту минуту? Наконецъ ужъ я помогъ ей, и такимъ-образомъ не слыхалъ начала разговора, завязавшагося между принцемъ и молодою дамой.

Онъ все еще не выпускалъ ея руки — вѣроятно въ разсѣянности и вовсе о томъ не думая.

— Уже не въ первый разъ, синіора, я.... мнѣ....

Онъ не могъ договорить.

— Я какъ-будто помню, прошептала она.

— Въ церкви***, сказалъ онъ.

— Въ церкви***, сказала она.

— Могъ ли я предполагать — что сегодня — буду около васъ....

Тутъ она стала слегка высвобождать свою руку. Онъ видимо смутилъ ее. Біонделло, говорившій между тѣмъ со слугою, подоспѣлъ ему на помощь.

— Синіоръ, началъ онъ: — дамы приказали быть здѣсь иосилкамъ, но мы пріѣхали раньше, чѣмъ можно было предполагать. Здѣсь есть по близости садъ, гдѣ вы можете побыть покуда, чтобы избѣжать толкотни.

Предложеніе было принято — и Вы можете вообразить, какъ обрадовался ему принцъ. Мы остались въ саду до вечера. Ц** и мнѣ удалось занять старшую

даму, чтобы принцъ могъ не стѣсняясь говорить съ молодой. Что онъ сумѣлъ воспользоваться этими минутами, Вы можете судить по тому, что онъ получилъ позволеніе бывать у нея. И теперь, въ то время, какъ я пишу къ Вамъ, онъ тамъ. Какъ воротится, я больше узнаю.

Вчера, возвратясь домой, мы нашли и векселя отъ нашего двора, которыхъ ожидали; но при письмѣ, сильно раздражившемъ принца. Его отзываютъ назадъ и вовсе неприличнымъ для него тономъ. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ, въ такомъ же тонѣ, и остается здѣсь. Векселей едва достаетъ на уплату процентовъ съ должныхъ имъ капиталовъ. Мы ждемъ не дождемся отвѣта отъ его сестры.

БАРОНЪ Ф** къ ГРАФУ О**.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Сентябрь.

Принцъ разошелся со своимъ дворомъ; мы уже не будемъ получать оттуда никакого содержанія.

Шесть недѣль, по истеченіи коихъ принцъ долженъ былъ заплатить маркизу, миновали; прошло уже нѣсколько дней послѣ срока, а все не было еще векселей ни отъ двоюроднаго брата принца, у котораго онъ снова убѣдительношимъ образомъ просилъ денегъ, ни отъ сестры. Разумѣется, Чивителла не напоминалъ о своемъ долгѣ; но тѣмъ болѣе заботилъ этотъ долгъ принца. Вчера утромъ получился отвѣтъ отъ царствующаго двора.

Незадолго передъ тѣмъ мы заключили новый кон-

трактъ по найму отеля, и принцъ всѣмъ уже объявилъ, что останется въ Венеціи дольше. Не говоря ни слова, подалъ онъ мнѣ письмо. Глаза у него сверкали; я уже по лицу его угадалъ содержаніе письма.

Какъ Вы думаете, дорогой другъ? Въ *** извѣстны всѣ здѣшнія отношенія принца, и клевета сплела изъ нихъ отвратительную ткань всякой лжи. «До свѣдѣнія двора дошло», говорится между прочимъ въ письмѣ: «что съ нѣкотораго времени принцъ началъ измѣнять своему прежнему характеру и усвоилъ себѣ образъ поведенія, совершенно противоположный его прежнему похвальному направленію. Какъ слышно, онъ предается самымъ непозволительнымъ образомъ женщинамъ и игрѣ, путается въ долги, водится съ духовидцами и заклинателями, состоитъ въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ католическими прелатами, и окружаетъ себя роскошью, превышающей и санъ его и доходы. Говорятъ даже, что онъ хочетъ увѣнчать это въ высшей степени неприличное поведеніе переходомъ въ римско-католическое вѣроисповѣданіе. Чтобы оправдать себя отъ послѣдняго обвиненія, онъ долженъ немедленно возвратиться. Одинъ изъ венеціанскихъ банкировъ, которому будетъ передано состояніе его долговъ, получилъ порученіе удовлетворить всѣхъ его кредиторовъ *тотчасъ послѣ его отъѣзда*; ибо, при помянутыхъ обстоятельствахъ, было бы предосудительно дать деньги ему въ руки.»

Какія обвиненія, и какой тонъ! Я взялъ письмо, прочиталъ его еще разъ, желая найти въ немъ хоть что-нибудь, что бы смягчило первое впечатлѣніе; но ничего не нашелъ, и не понимаю его.

Ц** припомнилъ мнѣ таинственные распросы, обра-

щенные нѣсколько времени тому назадъ къ Біонделло. Время, смыслъ ихъ и всѣ обстоятельства подтверждали его подозрѣніе. Мы несправедливо приписывали шпионство армянину. Теперь было ясно, кто устроилъ его. Перейти въ католичество!... Да кому какая выгода такъ отвратительно и такъ плоско клеветать на принца? Я думаю, что это штуки принца **д**, которому во что бы то ни стало хочется удалить нашего принца изъ Венеціи.

Принцъ все еще молчалъ, неподвижно устремивъ взоръ впередъ. Молчаніе его беспокоило меня. Я бросился къ его ногамъ.

— Ради Бога, принцъ, воскликнулъ я: — не принимайте никакого крутаго рѣшенія. Вы должны получить и получите полнѣйшее удовлетвореніе. Предоставьте это дѣло *мнѣ*. Отправьте меня туда. Оправдываться противъ такихъ обвиненій несовмѣстно съ вашимъ достоинствомъ; но позвольте сдѣлать это *мнѣ*. Надо узнать имя клеветника и открыть глаза***.

Въ этомъ положеніи засталъ насъ Чивителла. Онъ съ удивленіемъ сталъ спрашивать о причинѣ нашей тревоги. Ц** и я молчали. Но принцъ давно уже привыкъ не дѣлать различія между нами и имъ; да къ тому же онъ былъ въ эту минуту черезъ чуръ взволнованъ и не могъ разсудить дѣла хладнокровно, и потому велѣлъ намъ передать письмо маркизу. Я не рѣшался, но принцъ вырвалъ письмо у меня изъ рукъ и самъ вручилъ его Чивителлѣ.

— Я вашъ должникъ, маркизъ, началъ принцъ, когда тотъ въ изумленіи прочелъ письмо: — но не тревожьтесь этимъ. Дайте мнѣ только двадцать дней сроку, и вы будете удовлетворены.

— Принцъ! воскликнулъ въ сильнѣйшемъ волненіи Чивителла: — чѣмъ я заслужилъ это?

— Вы не хотѣли напоминать мнѣ о моемъ долгѣ; я чувствую вашу деликатность и благодарю васъ за нее. Черезъ двадцать дней, повторяю, вы будете удовлетворены.

— Что это значить? спросилъ меня пораженный Чивителла. — Какая тутъ связь? Я этого не понимаю.

Мы объяснили ему, что знали сами. Онъ вышелъ изъ себя, и говорилъ, что принцъ долженъ непременно требовать удовлетворенія, что ему нанесена неслыханная обида, а пока умолялъ принца — безгранично пользоваться и его состояніемъ и его кредитомъ.

Маркизь удалился, а принцъ все еще не произносилъ ни слова. Онъ рѣзкими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; въ немъ происходило что-то необыкновенное. Наконецъ онъ остановился, и проговорилъ сквозь зубы:

— Онъ сказалъ: «Пожелайте себѣ счастья.... въ девять часовъ онъ умеръ!»

Мы съ испугомъ посмотрѣли на него.

— «Пожелайте себѣ счастья»... продолжалъ онъ: — Счастья.... Мнѣ желать себѣ счастья.... Кажется, такъ онъ сказалъ? Что разумѣлъ онъ подъ этимъ?

— Какъ это вы вспомнили объ этомъ? воскликнулъ я: — и для чего?

— Я тогда не понималъ, чего онъ хотѣлъ.... Теперь я его понимаю.... О! имѣть надъ собою господина — невыносимо тяжело!

— Принцъ!

— Господина, который можетъ дать намъ почувствовать свою власть!... О! это должно быть пріятно!

Онъ опять смолкъ. Выраженіе лица его испугало меня. Я никогда не видѣлъ его такимъ.

— Жалчайшій изъ народа, началъ онъ опять: — и ближайшій къ трону принцъ! Не все ли это равно? *Одно* только различіе и есть у людей — повиноваться или господствовать.

Онъ еще разъ взглянулъ на письмо.

— Вы видѣли человѣка, продолжалъ онъ: — который можетъ позволить себѣ такъ писать ко мнѣ. Поклонились ли бы вы ему на улицѣ, еслибъ судьба не поставила его господиномъ надъ вами? Клянусь Богомъ! корона — не шуточное дѣло!

Онъ продолжалъ все въ этомъ тонѣ, и съ устъ его срывались слова, которыхъ не посмѣлъ бы я привести ни въ какомъ письмѣ. Но при этомъ случаѣ принцъ открылъ мнѣ одно обстоятельство, которое привело меня въ немалое удивленіе и безпокойство, и можетъ имѣть опаснѣйшія послѣдствія. Мы были до-сихъ-поръ въ большомъ заблужденіи касательно фамильныхъ отношеній **скаго двора.

Принцъ немедленно отвѣтилъ на письмо, какъ я ни противился этому, и тонъ его отвѣта не позволяетъ уже надѣяться на мирное соглашеніе.

Вамъ конечно любопытно, дражайшій О**, узнать что-нибудь положительное о гречанкѣ; но я до-сихъ-поръ не могу сказать Вамъ объ этомъ предметѣ ничего удовлетворительнаго. Отъ принца нельзя ничего допытаться, ибо его вовлекли въ тайну и, какъ мнѣ кажется, взяли съ него слово хранить ее. Одно открылось: что она вовсе не гречанка, какъ мы предполагали. Она нѣмка и самаго аристократическаго происхожденія. Судя по слухамъ, дошедшимъ до меня, мать ея—

лицо очень высокое, и она плодъ несчастной любви, о которой не мало было толковъ въ Европѣ. Тайныя преслѣдованія сильной руки заставили ее, какъ думаютъ, искать убѣжища въ Венеціи, и оттого-то происходитъ ея скрытность, не позволившая нашему принцу узнать ея мѣстопробыванія. Это предположеніе подтверждается, по моему, уваженіемъ, съ какимъ отзывается о ней принцъ, и нѣкоторыми предосторожностями, которыя онъ принимаетъ относительно ея.

Онъ привязался къ ней со всѣмъ пыломъ страсти, и страсть эта растеть со дня на день. Въ первые дни посѣщенія его были рѣдки; но уже со второй недѣли стали они видѣться чаще и чаще, а теперь дня не проходитъ, чтобы принцъ не былъ тамъ. По цѣлымъ вечерамъ не видимъ мы его въ глаза, и если онъ и не въ ея обществѣ, то все же лишь *она* одна занимаетъ его. Онъ совсѣмъ какъ будто измѣнился, ходитъ словно въ дремотѣ, и не обращаетъ даже мимолетнаго вниманія на то, что прежде интересовало его.

Что изъ этого выйдетъ, дорогой другъ? Я трепещу за будущее. Разрывъ съ дворомъ поставилъ принца въ унижительную зависимость отъ одного человѣка, именно отъ маркиза Чивителлы. Маркизь владѣетъ нашими тайнами, всею нашей судьбой. Всегда ли будетъ онъ такъ благородно дѣйствовать относительно принца, какъ теперь? Всегда ли останутся прочными эти дружескія отношенія, и хорошо ли дать столько значенія и власти надъ собою одному человѣку, какъ ни будь онъ совершенъ?

Къ сестрѣ принца отправлено еще письмо. О результатѣ надѣюсь сообщить Вамъ въ ближайшемъ моемъ письмѣ.

П Р И П И С К А Г Р А Ф А О **.

Этого письма я не получилъ. Прошло три мѣсяца безъ всякихъ извѣстій изъ Венеціи. Этотъ перерывъ очень хорошо объяснился впослѣдствіи: всѣ письма друга моего ко мнѣ останавливались и перехватывались. Можно судить о моемъ изумленіи, когда наконецъ въ декабрѣ этого года я получилъ слѣдующее письмо, которое лишь счастливый случай (Бюнделло въ это время вдругъ заболѣлъ и не могъ удержать его) доставилъ въ мои руки.

«Вы не пишете, не отвѣчаете. Пріѣзжайте — о! пріѣзжайте ради дружбы! Надежда наша погибла. Прочтите прилагаемую записку. Всѣ наши надежды погибли.

«Говорятъ, рана маркиза смертельна. Кардиналъ кипитъ мщеніемъ, и подкупленные имъ убійцы ищутъ принца. Бѣдный, бѣдный нашъ принцъ!... Вотъ до чего мы дожили! Страшный, несправедливый рокъ! Какъ несчастнымъ, приходится намъ прятаться отъ убійцъ и разбойниковъ.

«Пишу Вамъ изъ монастыря***, гдѣ принцъ нашелъ себѣ убѣжище. Онъ лежитъ въ эту минуту близъ меня на жесткой постели и спитъ.... Онъ задремалъ истощенный до послѣдней степени, и дремота подкрѣпитъ его только на новыя страданія. Въ теченіе десяти дней, какъ она была больна, сонъ не смыкалъ его глазъ. Я присутствовалъ при вскрытіи. Найдены слѣды отравы. Сегодня ее будутъ хоронить.

«Ахъ, дорогой О**, сердце у меня изныло. Сцена, которой былъ я свидѣтелемъ, никогда не изгладится у меня изъ памяти. Я стоялъ у постели умирающей. Она скончалась какъ праведница, и послѣднее предсмертное краснорѣчіе ея истощилось, стараясь обратить ея лю-

бовника на путь спасенія, которымъ она шла въ рай. — Мы были потрясены до глубины души; одинъ принцъ оставался непоколебимъ, и хотя онъ трижды страдалъ при ея смерти, но все же сохранилъ на столько силы духа, что не обѣщалъ исполнить послѣдней ея просьбы.»

Письмо сопровождала слѣдующая записка.

П Р И Н Ц У * * О Т Ъ Е Г О С Е С Т Р Ы .

Единая святая католическая церковь, сдѣлавшая столь блистательное пріобрѣтеніе въ особѣ принца * *, вѣроятно доставить ему и средства продолжать образъ жизни, доставившій ей это пріобрѣтеніе. Я могу плакать и молиться о заблудшемъ, но не стану осыпать своими благодѣяніями человѣка недостойнаго.

*Генріэта * * * .*

Я тотчасъ же взялъ почтовыхъ лошадей, ѣхалъ день и ночь, и на третьей недѣлѣ былъ въ Венеціи. Поспѣшность моя не помогла. Я ѣхалъ утѣшить и оказать помощь несчастному; я нашелъ счастливца, который уже не нуждался въ моемъ слабомъ пособіи. Ф * * былъ болѣнъ и я не могъ переговорить съ нимъ, когда пріѣхалъ; отъ него принесли мнѣ слѣдующую записку:

«Уѣзжайте, дражайшій О * *, назадъ, откуда пріѣхали. Принцу не нужно уже ни Васъ, ни меня. Долги его уплачены, кардиналъ примирился съ нимъ, маркизъ оправился. Помните армянина, который съумѣлъ такъ спутать насъ въ прошломъ году? Принцъ у него на рукахъ, и вотъ уже пять дней, какъ онъ присутствовалъ на первой обѣднѣ.»

Тѣмъ не менѣе я отправился къ принцу, но меня не приняли. У постели моего друга узналъ я наконецъ странную исторію. . . .

МИЗАНТРОШЪ

ОТРЫВОКЪ

Переводъ Николая Гербеля

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Паркъ.

Ангелика фонъ Гуттенъ и Вильгельмина фонъ Гуттенъ, ея тетка и воспитательница, выходятъ изъ роши; потомъ садовникъ Биберъ.

Ангелика. Здѣсь хотѣли мы дождаться его, милая тетушка. Вы посидите пока въ бесѣдкѣ и займитесь чтеніемъ, а я схожу къ садовнику за моими цвѣтами. Тѣмъ временемъ ударить девять — и онъ придетъ. Вы согласны?

Вильгельмина. Если это доставить тебѣ удовольствіе, моя милая. (*Идетъ къ бесѣдкѣ.*)

Садовникъ Биберъ приноситъ цвѣты.

Вотъ лучшее, что мнѣ удалось собрать сегодня, сударыня. Мои гіацинты уже отцвѣли.

Ангелика. Спасибо и за это.

БИБЕРЪ. Но завтра вы получите розу, первую весеннюю розу, если дадите мнѣ слово. . . .

АНГЕЛИКА. Чего вы хотите, мой добрый Биберъ?

БИБЕРЪ. Видите ли, сударыня: мои нарциссы тоже отцвѣли, и мои чудные левкои приходятъ къ концу, а вашъ батюшка снова не видалъ ни листочка. Въ прошломъ году, вонъ-тамъ — къ сѣверу, я приказалъ осушить огромное болото и посадилъ на немъ нѣсколько тысячъ деревъ. Юный мѣръ принялся — и разрастается. . . . Любо-дорого гулять между ними. Я встрѣчаю тамъ солнечный восходъ, и заранѣ радуюсь той счастливой минутѣ, когда приведу туда вашего батюшку. Наступилъ вечеръ — и снова вечеръ, а онъ ихъ и не замѣтилъ. Признаюсь, сударыня, это мнѣ больно.

АНГЕЛИКА. Желанье ваше исполнится, непременно исполнится; а пока потерпите, мой добрый Биберъ.

БИБЕРЪ. Паркъ стоитъ ему ежегодно чистыхъ двѣ тысячи талеровъ, и мнѣ платится болѣе, чѣмъ я заслуживаю. Къ чему же я годенъ, если не могу своему господину, за его же деньги, доставить какого нибудь пріятнаго часу? Нѣтъ, сударыня, я не могу долѣе ѣсть хлѣба вашего батюшки. . . . или пусть онъ мнѣ докажетъ, что я его не обкрадываю.

АНГЕЛИКА. Успокойтесь, любезный Биберъ! Всѣ мы знаемъ, что вы заслуживаете гораздо болѣе, чѣмъ получаете.

БИБЕРЪ. Съ вашего позволенія, сударыня, этого нельзя сказать. За тѣ, что я мои двѣнадцать часовъ въ день посвящаю его саду, не обманываю его и присматриваю за моими людьми, за все это мой господинъ платитъ мнѣ *деньгами*. Но за тѣ, что я дѣлаю это съ удовольствіемъ, зная, что дѣлаю для него, что моя работа

снится мнѣ ночью и съ восходомъ солнца гонить изъ дому, — за *это*, сударыня, онъ долженъ вознаградить меня своимъ удовольствіемъ. Зайди онъ хотя разъ въ свой паркъ, и это посѣщеніе будетъ для меня дороже всѣхъ его сокровищъ. Вотъ видите ли, сударыня, почему я хотѣлъ васъ. . . .

Ангелика. Довольно объ этомъ, прошу васъ. Вы сами знаете, какъ часто и всегда напрасно. . . . Но вѣдь вы знаете батюшку.

БИБЕРЪ (*взявъ ее за руку, съ чувствомъ*). Онъ еще не былъ въ своемъ питомникѣ. Выпросите мнѣ позволеніе проводить его туда. Можно ли, видя такую благодарность въ неразумныхъ растеніяхъ, не вѣрить въ человека? Кто осмѣлится сказать, что онъ не вѣритъ болѣе въ счастье, пока трудъ награждается и манятъ надежды?

Ангелика. Я понимаю васъ, честный Биберъ; но, можетъ быть, съ растеніями вы были счастливѣе, чѣмъ отецъ мой съ людьми.

БИБЕРЪ (*быстро и тронутый*). И у него такая дочь? (*Онъ хочетъ еще что-то сказать, но удерживается и молчитъ нѣкоторое время.*) Быть можетъ, онъ много вынесъ отъ людей. . . . Много не сбывшихся надеждъ. . . . много разрушенныхъ плановъ. . . . но (*хватая ее за руку, съ чувствомъ*) одна надежда еще цвѣтетъ для него. . . . Не все испыталъ онъ, что можетъ разтерзать сердце человека. . . . (*Уходитъ.*)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Ангелика. Вильгельмина.

Вильгельмина (*встаетъ и провожаетъ его глазами*). Станный человѣкъ! Онъ всегда тронуть до глубины сердца, чуть коснутся этой струны. . . . Есть что-то загадочное въ его судьбѣ.

Ангелика (*озираясь съ безпокойствомъ*). Становится поздно. Онъ никогда не заставлялъ дожидаться себя такъ долго, мой Розенбергъ.

Вильгельмина. Онъ вѣрно скоро придетъ. Какъ ты снова робка и нетерпѣлива!

Ангелика. И на этотъ разъ не безъ причины, милая тетушка. Что, если ему не удастся! Съ замираньемъ сердца встрѣтила я этотъ день.

Вильгельмина. Не возлагай слишкомъ большихъ надеждъ на одинъ этотъ день.

Ангелика. Что, если онъ ему не понравится? Если они не сойдутся характерами? Какъ я могу надѣяться, что онъ сдѣлаетъ для него исключеніе? Если они не сойдутся характерами? Болѣзненная колкость батюшки и легко-раздражающаяся гордость Розенберга! мрачность одного и добродушная веселость другаго! Несчастная игра природы! И кто мнѣ поручится, что онъ не откажетъ ему во второмъ свиданіи за тѣ именно, что при первомъ не могъ отказать ему въ невольномъ уваженіи?

Вильгельмина. Легко можетъ случиться, моя милая; однако еще вчера твое сердце ничего не говорило обо всемъ этомъ

Ангелика. Вчера! Уже давно я ничего не вижу, кромѣ его одного, кромѣ его ничего не чувствую, не знаю. Тогда говорила легкомысленная, любящая дѣвушка. Теперь встаетъ предо мною образъ моего отца, и всѣ мои надежды исчезаютъ. О, зачѣмъ не могъ длиться этотъ желанный сонъ? зачѣмъ всѣ радости моей жизни должны зависѣть отъ одной ужасной ставки?

Вильгельмина. Твой страхъ дѣлаетъ тебя забывчивой, Ангелика. Съ того дня, какъ Розенбергъ открылся тебѣ въ любви, съ тѣхъ поръ, какъ онъ разорвалъ всѣ связи, приковывавшія его ко двору и удовольствіямъ столицы, и добровольно предпочелъ имъ печальное уединеніе своего помѣстья, чтобъ только быть къ тебѣ ближе, съ того дня мысль объ отцѣ отравила твое спокойствіе. Не ты ли сама была оскорблена тайнственностью его признанія? Не ты ли такъ долго приставала къ нему съ своими неотступными просьбами и увѣщаніями, пока онъ противъ воли не далъ тебѣ слова искать благосклонности твоего отца? «Моего отца», говорила ты, «только одна связь соединяетъ съ людьми; міръ перестанетъ существовать для него, когда онъ узнаетъ, что и дочь ему измѣнила».

Ангелика (*съ чувствомъ*). Никогда, никогда этого не будетъ! Напоминайте мнѣ чаще объ этомъ, милая тетушка. Я чувствую себя сильнѣе, рѣшительнѣе. Весь міръ ему измѣнилъ, но дочь ему не *измѣнитъ*. Мнѣ не надо надежды, если она должна быть тайной для моего отца. Развѣ я не въ долгу передъ его добротою? Онъ далъ мнѣ все. Мертвый для радостей жизни, чего онъ не сдѣлалъ, чтобы подарить ихъ мнѣ? Для моего удовольствія превратилъ онъ это мѣсто въ рай и призывалъ всѣ искусства, чтобъ обворожить сердце своей

Ангелики и облагородить ея духъ. Я королева въ здѣшнемъ краю. Мнѣ предоставилъ онъ божественную обязанность благотворить, которую, съ растерзаннымъ сердцемъ, *самъ* сложилъ съ себя. Мнѣ далъ сладкое право отыскивать стыдливое несчастье, осушать тайныя слезы и въ тишинѣ этихъ горъ давать пріютъ скитающейся бѣдности. И за все это, Вильгельмина, онъ налагаетъ на меня одну легкую обязанность—удаляться отъ свѣта, который его чуждается.

Вильгельмина. И ты никогда его не нарушала, этого легкаго условія?

Ангелика. Я стала непослушной. Мои желанія перелетѣли за эти стѣны. Я раскаиваюсь, но уже не могу воротиться къ прежней жизни.

Вильгельмина. Пока охота не завела Розенберга въ эти лѣса, вѣдь ты была счастлива.

Ангелика. Счастлива, какъ небожитель.... но уже не могу воротиться къ прежней жизни.

Вильгельмина. И такъ внезапно все измѣнилось? И твоя прежняя, вѣрная подруга, эта чудная природа, уже стала для тебя не тою?

Ангелика. Природа все та-же, но мое сердце уже не то. Я узнала жизнь, и для меня не довольно мертвыхъ статуй. О, какъ теперь все измѣнилось вокругъ меня! Онъ затмилъ окружающіе меня образы. Теперь восходящее солнце для меня только указатель часа его прихода; журчащіе фонтаны шепчутъ мнѣ его имя, чашечки моихъ цвѣтовъ дышутъ его дыханіемъ. Не глядите на меня такъ сурово, милая тетушка. Моя ли вина, что первый мужчина, встрѣченный мною за нашей граничной стѣною, былъ именно Розенбергъ?

Вильгельмина (*тронутая и глядя на нее*).

Милая, несчастная дѣвушка — и ты тоже. . . . Я не виновата: я не могла этого отклонить. Не обвиняй меня, Ангелика, если и ты когда нибудь не избѣгнешь своего жребія.

Ангелика. Вы мнѣ всегда твердите одно и тоже, милая тетушка. Я васъ не понимаю.

Вильгельмина. Калитка въ паркъ отворена!

Ангелика. Лай его Діаны! Онъ идетъ. Это Розенбергъ. (*Идетъ ему на встрѣчу.*)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ВЫХОДА.

Ангелика. Ахъ, Розенбергъ, что вы сдѣлали! Вы поступили очень дурно.

Розенбергъ. Я не боюсь этого, моя любовь. Вѣдь это было ваше желаніе, чтобъ мы познакомились другъ съ другомъ? Вы сами хотѣли, чтобъ я старался заслужить его расположеніе?

Ангелика. Какъ? и вы хотите достигнуть этого тѣмъ, что вооружаете его противъ себя?

Розенбергъ. На этотъ разъ не иначе. Вы сами мнѣ рассказывали, сколько опытовъ надъ излеченіемъ его душевной болѣзни не имѣли никакого успѣха. Всѣ эти пустые, восторженные адвокаты человѣчества дали ему только почувствовать его собственное превосходство и худо устояли противъ обольстительнаго краснорѣчія его скорби. Ему все равно, вѣримъ ли мы въ справедливость его ненависти къ людямъ, но онъ никогда не

стерпитъ, чтобъ мы не уважали ея. Такое смиреніе не совмѣстно съ его гордостью. Опровергать насъ — онъ несталъ бы и трудится, но въ своей досадѣ можетъ захотѣть насъ пристыдить. Необходимо свиданіе — вотъ всё, чего надо желать на первый разъ.

Ангелика. Вы судите слишкомъ легко, милый Розенбергъ. Вы думаете играть съ батюшкой. Я боюсь. . . .

Розенбергъ. Не бойтесь, моя Ангелика. Я подвизаюсь за истину и любовь. Его дѣло на столько же неправо, на сколько мое справедливо.

Вильгельмина (*которая во все продолженіе разговора, казалось, мало принимала въ немъ участія*). Точно ли вы такъ увѣрены въ этомъ, господинъ Розенбергъ?

Розенбергъ (*быстро къ ней оборачивается и, послѣ нѣкотораго молчанія, серьезно*). Да, я думаю, что я правъ.

Вильгельмина (*встаетъ*). Въ такомъ случаѣ — жаль моего бѣднаго брата. Ему было такъ трудно стать несчастнымъ человѣкомъ, какимъ онъ теперь, тогда какъ произнести ему приговоръ такъ легко.

Ангелика. Не будемъ судить опрометчиво, Розенбергъ. Мы такъ мало знаемъ обстоятельства его жизни.

Розенбергъ. Все мое сожалѣніе принадлежитъ ему, милая Ангелика; но уваженіе — никогда, если судьба въ самомъ дѣлѣ сдѣлала его мизантропомъ. Ему было трудно, говорите вы, (*обращаясь къ воспитательницѣ*) стать несчастнымъ человѣкомъ; но возьметесь ли вы сами оправдать человѣка, отвергающаго даже то, что сама грозная судьба ему оставила? защищать безумца, бросающаго послѣдній плащъ, оставленный ему

разбойниками? Или вы можете, между небомъ и землею, назвать мнѣ человѣка, несчастнѣе мизантропа?

Вильгельмина. Когда онъ въ ослѣпленіи горести хватается за отраву, думая найти въ ней исцѣленіе, — что вамъ въ томъ, счастливцы? Я не въ силахъ оскорбить жесткимъ словомъ бѣднаго слѣпца, которому не могу подарить зрѣнія.

Розенбергъ (*съ возрастающею краской въ лицѣ и нѣсколько возвысивъ голосъ*). Нѣтъ! клянусь Богомъ, нѣтъ! Но душа моя кипитъ гнѣвомъ противъ того неблагодарнаго, что добровольно закрываетъ глаза и клянеть Подателя свѣта. Что такое могъ онъ вытерпѣть, чего бы эта дочь ему въ тысячу разъ не вознаградила? Имѣетъ ли онъ право проклинать родъ человѣческій, когда каждый день, каждый часъ видитъ его въ этомъ зеркалѣ? Человѣконенавидецъ! мизантропъ! Нѣтъ! клянусь, онъ не мизантропъ! Повѣрьте мнѣ, въ природѣ нѣтъ мизантропа: имъ можетъ быть развѣ тотъ, кто самъ себя или боготворитъ или презираетъ.

Ангелика. Уйдите, Розенбергъ! Ради Бога, уйдите! Въ такомъ расположеніи духа вамъ нельзя представиться батюшкѣ.

Розенбергъ. Хорошо, что вы мнѣ напомнили, Ангелика. Мы начали разговоръ, въ которомъ я никакъ не могу не принять слишкомъ живаго участія. Извините меня! Мнѣ не хотѣлось бы также подвергнуться опасности быть слишкомъ поспѣшнымъ, а между тѣмъ я долженъ сегодня непременно познакомиться съ отцомъ моей Ангелики. И такъ — поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Это лицо становится мрачно, и мнѣ надо увидать сперва ясную веселость на щекахъ дочери, чтобъ имѣть мужество стоять предъ отцомъ за свою любовь. Когда

я ѣхалъ сюда, мѣстечко было изукрашено, какъ въ праздникъ. Что значать эти приготовления?

Ангелика. Сегодня день рожденья батюшки.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Юлія, служанка Ангелики. ПРЕЖНІЕ.

Юлія. Баринъ прислалъ меня за вами, сударыня. Онъ желаетъ переговорить съ вами до обѣда. И съ вами тоже, господинъ Розенбергъ: и съ вами желаетъ онъ переговорить.

Ангелика. Съ обоими! съ обоими вмѣстѣ, Розенбергъ! съ обоими! Что бы это значило?

Юлія. Вмѣстѣ? — нѣтъ, объ этомъ мнѣ ничего не сказано.

Розенбергъ (*собираясь уйти, Ангеликѣ*). Предоставляю вамъ идти первой. Послѣ свиданія съ вами, онъ встрѣтитъ меня благосклоннѣе.

Ангелика (*боязливо*). Вы оставляете меня, Розенбергъ. . . . Куда? . . . Я должна еще спросить васъ объ одномъ важномъ дѣлѣ.

Розенбергъ (*отводитъ ее въ сторону. Вильгельмина и Юлія уходятъ въ глубину сцены*).

Юлія. Пойдемте, сударыня, посмотримъ на праздничную процессію.

Ангелика. Сегодня страшное, роковое утро для насъ, Розенбергъ. Намъ грозитъ разлука, вѣчная разлу-

ка. Готовы ли вы ко всему, обдумали ли все, что можетъ случиться? На что вы рѣшились, если не понравитесь батюшкѣ?

Розенбергъ. Я рѣшился ему понравиться.

Ангелика. Не будьте такъ легкомысленны, если я когда нибудь была вамъ дорога, Розенбергъ! Не отъ васъ зависитъ нашъ жребій. Мы должны ждать всего худшаго, какъ и всего лучшаго. Намъ нельзя будетъ видѣться, если вы разстанетесь не дружелюбно. На что вы рѣшились, если онъ откажетъ вамъ въ своемъ уваженіи?

Розенбергъ. Вынудить его, милая, добрая Ангелика.

Ангелика. О, какъ мало знаете вы того, къ кому идете съ такою самоувѣренностію! Вы ожидаете встрѣтить человѣка, котораго трогаютъ слезы, потому что онъ умѣетъ плакать? надѣетесь, что сладкіе звуки вашего сердца отзовутся въ его сердцѣ? Ахъ! онъ разбить—этотъ чудный инструментъ—и уже никогда не издастъ ни одного звука. Ваше оружіе можетъ оказаться безсильнымъ, всѣ ваши нападенія на его сердце — напрасны. Розенбергъ! я спрашиваю васъ еще разъ: на что вы рѣшились, если всѣ ваши усилія ни къ чему не послужатъ?

Розенбергъ (*спокойно, взявъ ее за руку*). Этого быть не можетъ! Соберитесь съ духомъ, милая трусиха. Мое намѣреніе твердо. Я избралъ этого человѣка цѣлью всѣхъ моихъ стремленій, положилъ не уступать ему — и потому онъ навѣрно мой. (*Уходятъ*).

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Залъ.

Фонъ Гуттенъ *выходитъ изъ кабинета.* Абель, его управитель, *слѣдуетъ за нимъ съ расходною книгой.*

Абель (*читаетъ*). «Сельской общинѣ дано въ займы послѣ наводненія 1784 года двѣ тысячи девятьсотъ гульденовъ.»

Фонъ Гуттенъ (*садится и пересматриваетъ нѣкоторыя бумаги, лежащія на столѣ*). Поля поправились; человекъ не долженъ страдать долѣе полей своихъ. Уничтожь этотъ счетъ, и не напоминай мнѣ болѣе о немъ.

Абель (*зачеркиваетъ счетъ, качая головою*). Надо покориться.... Остается вычислить проценты за пять съ половиною лѣтъ.

Фонъ Гуттенъ. Проценты! какъ?

Абель. Что жь дѣлать! Долженъ быть порядокъ въ счетахъ управителя. (*Хочетъ читать далѣе.*)

Фонъ Гуттенъ. Остальное въ другой разъ. Теперь позови егеря: я хочу кормить моихъ гончихъ.

Абель. Арендатору изъ Гольцгофа приглянулась лошадь, что сбила васъ на дняхъ. Конюхъ говоритъ, что лучше отдашь ему эту клячу, чѣмъ дожидаться отъ нея новой бѣды.

Фонъ Гуттенъ. Неужели благородное животное должно состарѣться подъ плугомъ потому, что въ теченіе десяти лѣтъ *однажды* мнѣ измѣнило? Такъ не поступалъ я ни съ однимъ человекомъ, оплатившимъ мнѣ неблагодарностью. Я больше не стану на ней ѣздить.

АБЕЛЬ (*беретъ расходную книгу и хочетъ идти*).

ФОНЪ ГУТТЕНЪ. Ты мнѣ говорилъ, что пропали важные векселя изъ кассы, и казначей скрылся?

АБЕЛЬ. Да, это случилось въ прошлый четвергъ.

ФОНЪ ГУТТЕНЪ (*встаетъ*). Это меня радуетъ, — радуетъ, что онъ все-таки оказался плутомъ, этотъ казначей. Одиннадцать лѣтъ служилъ онъ мнѣ честно. Запиши это, Абель; да Расскажи мнѣ объ этомъ подробнѣе.

АБЕЛЬ. Жаль человѣка, сударь! Съ нимъ случилось несчастье: онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадыю, и сегодня утромъ принесли его домой съ переломленной рукою. Векселя же нашлись въ другихъ бумагахъ.

ФОНЪ ГУТТЕНЪ (*горячо*). Такъ онъ не былъ плутомъ? Зачѣмъ же ты солгалъ мнѣ?

АБЕЛЬ. О ближнемъ надо всегда думать какъ можно хуже.

ФОНЪ ГУТТЕНЪ (*послѣ мрачнаго молчанія*). Но онъ *долженъ* быть плутомъ, и намъ все-таки придется заплатить по векселямъ.

АБЕЛЬ. И я думалъ тоже. Объявленіе уже было послано, и розыски стоили мнѣ большихъ денегъ. Досадно, что все это было понапрасну.

ФОНЪ ГУТТЕНЪ (*долго смотритъ на него съ удивленіемъ*). Достойный человѣкъ! Ты для меня просто сокровище. Мы не должны разлучаться.

АБЕЛЬ. Избави Богъ, — хотя бы вѣрные люди обѣщали мнѣ еще вдвое болѣе. . . .

ФОНЪ ГУТТЕНЪ. Вѣрные люди! Что?

АБЕЛЬ. Да, сударь. И къ чему мнѣ скрывать это отъ васъ? Старый графъ. . . .

ФОНЪ ГУТТЕНЪ. Что, снова зашевелился? Ну?

АБЕЛЬ. Предлагаетъ мнѣ двѣсти пистолей и двойную пенсію по смерти, если выдамъ ему его внуку—Ангелику.

ФОНЪ ГУТТЕНЪ (*быстро встаетъ и прохаживается по комнатѣ. Потомъ снова садится, обращаясь къ управителю*). И ты отвергъ это предложеніе?

АБЕЛЬ. Да, клянусь моей грѣшной душой!

ФОНЪ ГУТТЕНЪ. Двѣсти пистолей, глупецъ, и двойное содержаніе по смерти! О чемъ же ты думалъ? Хорошо ли ты разсчелъ?

АБЕЛЬ. Разсчелъ—и отказался на отрѣзъ. Плутство ни къ чему не ведетъ. У вашей милости хочу жить и умереть.

ФОНЪ ГУТТЕНЪ (*холодно и презрительно*). Мы не годимся другъ для друга. (*Издали слышится веселая, сельская музыка, заглушаемая, по временамъ, шумомъ множества голосовъ. Они все больше и больше приближаются къ замку.*) Я слышу ненавистные звуки. Пойдемъ въ другую комнату.

АБЕЛЬ (*выходитъ на балконъ и вскорѣ возвращается назадъ*). Все мѣстечко, въ праздничныхъ платьяхъ и съ музыкой, собралось внизу, возлѣ замка. «Просимъ покорно», говорятъ они, «его милость выйти на балконъ и показаться своимъ вѣрнымъ вассаламъ.»

ФОНЪ ГУТТЕНЪ. Чего имъ надо отъ меня? За какимъ дѣломъ пришли они сюда?

АБЕЛЬ. Вы вѣрно забыли. . . .

ФОНЪ ГУТТЕНЪ. Что?

АБЕЛЬ. На этотъ разъ вы не отдѣляетесь такъ легко, какъ въ прошломъ году.

Фонъ Гуттенъ (*поспѣшно вставая*). Прочь! прочь! Ни слова болѣе.

Абель. Я уже сказывалъ имъ объ этомъ, но они говорятъ, что возвращаются изъ церкви, и что Царь Небесный услышалъ ихъ молитвы.

Фонъ Гуттенъ (*въ то время, какъ народъ врывается въ комнату*). Боже мой! чье это дѣло? (*Хочетъ уйти въ кабинетъ; многіе не пускаютъ его и хватаютъ за полы его платья.*)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Вассалы и сельскія власти, мѣщане и поселяне съ подарками; молодыя дѣвушки и женщины ведутъ дѣтей за руку или держатъ ихъ на рукахъ.

Всѣ одѣты просто, но прилично.

Выборный. Всѣ сюда — отцы, матери и дѣти. Не бойтесь. Онъ не заставитъ стариковъ просить понапрасну. Онъ не оттолкнетъ отъ себя нашихъ малютокъ.

Нѣсколько дѣвушекъ (*приближаясь къ нему*). Добрый господинъ! эти бездѣлки приносятъ вамъ благодарные вассалы за то, что вы дали имъ — все.

Двѣ другія дѣвушки. Вы сломили иго нашей неволи, — и мы въ благодарность сплели вамъ этотъ радостный вѣнокъ.

Третья и четвертая дѣвушки. А эти цвѣты мы

разсыпаетъ предъ вами за то, что вы нашу пустыню превратили въ рай.

ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ дѣвушки. Зачѣмъ отвращаете отъ насъ ваше лицо, добрый, милосердый господинъ? Взгляните на насъ; поговорите съ нами. Чѣмъ мы провинились предъ вами, что вы такъ настойчиво отвергаете нашу благодарность? (*Долгое молчаніе.*)

Фонъ Гуттенъ (*не глядя на нихъ и потупивъ глаза въ землю*). Дай имъ денегъ, управитель, — денегъ, сколько попросятъ. Не жалѣй ихъ: видишь — люди дожидаются награды.

Старикъ (*выступая изъ толпы*). Мы этого не заслужили, сударь. Мы не наемщики.

Нѣсколько голосовъ. Мы хотимъ ласковаго слова и милостиваго взгляда.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Мы получили отъ васъ свое счастье, и хотимъ благодарить за то, потому что мы люди.

Многіе. Мы люди — и этого не заслужили.

Фонъ Гуттенъ. Сбросьте съ себя это имя, и подъ другимъ, худшимъ, я васъ встрѣчу привѣтомъ. Васъ обижаетъ, что я предлагаю вамъ деньги? Вы пришли, говорите, благодарить меня? За что жъ иное можете благодарить, какъ не за деньги? Не знаю, далъ ли я кому нибудь изъ васъ нѣчто лучшее? Правда, до вступленія моего во владѣніе этимъ графствомъ, вы боролись съ нищетою, и извергъ угнеталъ васъ всѣми бѣдствіями рабства. Вашъ трудъ былъ не вашъ; ваши глаза глядѣли безъ участія на зеленѣющія поля и золотистыя колосья, и отецъ не смѣлъ радоваться рожденію сына. Я разорвалъ эти оковы; подарилъ отцу сына и пахарю ниву. Благословеніе сошло на ваши поля, потому что

свобода и надежда управляли плугомъ. Теперь между вами нѣтъ такого бѣдняка, кто бы, хоть разъ въ году, не закололъ для себя быка; вы живете въ просторныхъ домахъ; имѣете все необходимое и еще остается у васъ кое что на удовольствія. (*Выпрямляется и оборачивается къ нимъ лицомъ.*) Я вижу здоровье въ вашихъ глазахъ и зажиточность въ вашемъ платьѣ. Бѣлаго желать невозможно. Я сдѣлалъ васъ счастливыми.

Старикъ (*изъ толпы*). Нѣтъ, милосердый господинъ! Деньги и имущество — были малѣйшимъ изъ вашихъ благодѣяній. Ваши предшественники равняли насъ со скотомъ на нашихъ поляхъ; вы же признали въ насъ людей.

Второй Вы построили намъ церковь и воспитали нашихъ дѣтей.

Третій. Вы дали намъ хорошіе законы и правдивыхъ судей.

Четвертый. Вамъ обязаны мы тѣмъ, что живемъ какъ люди, что радуемся своей жизни.

Фонъ Гуттенъ (*погруженный въ размышленіе*). Да, да, — почва была хороша, и солнце свѣтило и грѣло, а все-таки низкіе кусты не стали деревьями. Не моя вина, если вы остались тамъ, куда я васъ бросилъ. Ваше собственное признаніе изрекаетъ вамъ судъ. Это довольство своимъ положеніемъ доказываетъ мнѣ, что труды мои для васъ — потеряны. Если бы вы почувствовали какой нибудь недостатокъ въ вашемъ счастьи, вы въ первый разъ заслужили бы этимъ мое уваженіе. (*Отворачиваясь.*) Будьте, чѣмъ можете быть. Впрочемъ, это не помѣшаетъ мнѣ идти своимъ путемъ.

Одинъ изъ толпы. Вы дали намъ все, что только

можетъ сдѣлать счастливыми. Теперь подарите намъ вашу любовь.

Фонъ Гуттенъ (*съ мрачной важностью*). Горе тебѣ: ты мнѣ напомнилъ, какъ часто мое безуміе расточало это благо. Никто во всей этой толпѣ не можетъ заставить меня быть тѣмъ, чѣмъ я былъ прежде. Мою *любовь*? Грѣйся на солнцѣ, благословляй случай, направившій лучи его на *твой* виноградникъ; но заглуши въ себѣ сумасбродное желаніе погружаться въ его пламенѣющій источникъ. Грустно было бы и тебѣ и ему, если бѣ оно должно было *знать* про тебя, чтобы свѣтитъ тебѣ, если бѣ ему, вѣчно-текущему, надлежало на небесномъ пути своемъ останавливаться для твоей благодарности. Послушное вѣчному закону, оно льетъ свой лучезарный потокъ, равно мало заботясь о насѣкомомъ, играющемъ въ немъ, какъ и о тебѣ, оскверняющемъ его небесный свѣтъ своими пороками. Къ чему мнѣ эти приношенія? Не любовь моя дала вамъ ваше счастье. Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны.

Старикъ. Больно намъ, мой дорогой господинъ, что мы, имѣя все, лишены одного удовольствія — благодарности.

Фонъ Гуттенъ. Прочь съ нею! Я гнушаюсь благодарностью изъ такихъ грѣшныхъ рукъ. Смойте сначала клевету съ вашихъ устъ, лихоимство съ вашихъ пальцевъ, черную зависть съ вашихъ глазъ. Очистите ваше сердце отъ коварства, скиньте личину притворства, выпустите вѣсы правосудія изъ вашихъ преступныхъ рукъ. Какъ? Ужели вы думаете, что это наружное согласіе скроетъ отъ меня завистливый раздоръ, подтачивающій самыя священныя связи ваши? Развѣ я не знаю каждаго въ этой толпѣ, которая своимъ множествомъ ду-

маеть внушить мнѣ уваженіе? Незримо слѣдятъ васъ глаза мои. Ваши пороки питають во мнѣ справедливую ненависть. (*Старику.*) Ты считалъ себя въ правѣ требовать моего уваженія, потому-что старость убѣлила твои волосы, потому-что бремя долгой жизни согнуло твою спину? Тѣмъ болѣе убѣжденъ я теперь, что ты потерянъ для моей надежды. Съ пустыми руками низходишь ты съ зенита своей жизни. Что упущено въ полной силѣ мужества, того не воротишь съ клюкою. Или вы думали, что видъ этихъ невинныхъ крошекъ (*указывая на дѣтей*) тронетъ мое сердце? О, они всѣ будутъ походить на своихъ отцовъ: вы развратите этихъ невинныхъ, чтобъ увидать въ нихъ самихъ себя; отвлечете отъ цѣли ихъ существованія. О, зачѣмъ вы пришли сюда? Я не могу. . . . Къ чему вамъ было исторгать у меня это признаніе? Я не могу говорить съ вами ласково. (*Уходитъ.*)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Уединенное мѣстоположеніе въ паркѣ, отсюда закрытое деревьями, привлекательнаго, но меланхолическаго характера.

Фонъ Гуттенъ (*входитъ, разговаривая самъ съ собою*). Если бъ вы были такъ же достойны этого имени, какъ оно для меня свято! Человѣкъ! — святое, высокое созданье! Прекраснѣйшая изъ всѣхъ мыслей Творца! Какъ богато, какъ окончено вышло ты изъ Его рукъ! Какіе чудные звуки спали въ твоей груди,

пока страсти не порвали золотыхъ струнъ твоего сердца.

Все вокругъ тебя и надъ тобою ищетъ и находитъ чудную гармонію совершенства. Ты одинъ остаешься незрѣлымъ, уродливымъ въ безукоризненномъ устройствѣ міра. Не замѣченные ни чѣмъ глазомъ, не удивляющіе ни чей умъ, жемчужина въ молчаливой раковинѣ, кристаллъ въ глубинѣ горъ стремятся къ прекраснѣйшей формѣ. Куда ни посмотришь, повсюду согласное стремленіе всѣхъ существъ обнаружить тайну своихъ скрытыхъ силъ. Благодарно несутъ дѣти природы зрѣлые плоды на встрѣчу довольной матери, и гдѣ она посѣтитъ, тамъ находитъ жатву. Ты одинъ, ея любимый сынъ, осыпанный всѣми дарами, остаешься позади. Только того, что дала *тебѣ*, не находитъ она снова, не узнаетъ прекраснаго въ искаженномъ видѣ.

Будь совершенъ! Тысячи гармоній дремлютъ въ тебѣ, готовая пробудиться по твоему велѣнію. Вызови ихъ на свѣтъ своимъ совершенствомъ. Развѣ не игралъ чудный лучъ свѣта въ глазахъ твоихъ, когда радость согрѣвала сердце? или не яснили твои щеки, когда спокойствіе проникало въ грудь? Позволишь ли низкому, преходящему затмить въ себѣ благородное, безсмертное?

Осчастливить тебя — это вѣнецъ, о которомъ спорить все живущее, котораго ищетъ все прекрасное. Твои дикія страсти противодѣйствуютъ этому благородному стремленію; насильно извращаешь ты лучшія цѣли природы. Благая, она разлила *жизнь* вокругъ тебя, а ты требуешь отъ нея *смерти*. Твоя ненависть выточила мечъ изъ мирнаго желѣза; твоя алчность обременила преступленіями и проклятіями невинное золото;

въ твоихъ неумѣренныхъ устахъ живительный виноградъ ставится ядомъ. Противъ воли все прекрасное служить твоимъ порокамъ, но пороки твои не заразятъ его. Оружіе останется чистымъ въ твоёмъ нечистомъ служеніи. Ты можешь у него отнять его назначеніе, но не покорность, съ какой оно ему служить. Будь ты человѣкъ или дикарь, послушное сердце станетъ сопровождать одинаковымъ біеніемъ твою ненависть и твою кротость.

Природа, научи меня *своему* довольству, своему спокойному равнодушію! Неизмѣнно, какъ ты, обожалъ я красоту: такъ научи же меня *сама*, какъ переносить страданья послѣ неудачныхъ попытокъ счастья. Но чтобъ сохранить свою дорогую волю, чтобъ не потерять бодрости духа, дай мнѣ раздѣлить съ тобой твою счастливую слѣпоту. Въ лонѣ твоего мира скрой отъ меня свѣтъ, для котораго я дѣйствую. Стала бъ луна наполнять свой лучезарный кругъ, если бы видѣла убійцу, которому освѣтить дорогу? Къ тебѣ обращается это вѣжное сердце: стань между моею человѣчностью и человѣкомъ. Здѣсь, гдѣ меня не встрѣтитъ его суровая рука, гдѣ враждебная истина не разрушитъ моего очаровательнаго сна, вдали отъ рода человѣческаго, позволь мнѣ предать святой долгъ бытія въ руки моей праматери — вѣчной красоты. (*Осматриваясь.*) Тихій міръ растений! въ твоёмъ чудномъ спокойствіи чувствую присутствіе Божества; твоё безсознательное совершенство возноситъ мой пытливый духъ къ безконечному разуму; въ твоёмъ мирномъ зеркалѣ сіяетъ для меня Создатель. (*Онъ хочетъ встать. Входитъ Ангелика.*)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Фонъ Гуттенъ. Ангелика.

Ангелика (*робко отступаетъ*). Вы приказывали, батюшка. . . . Но если я нарушаю ваше уединеніе. . . .

Фонъ Гуттенъ (*молча, нѣсколько времени мѣрзаетъ ее глазами, потомъ съ кроткимъ упрекомъ*). Ты дурно со мной поступила, Ангелика.

Ангелика (*смѣшавшись*). Батюшка! . . .

Фонъ Гуттенъ. Ты знала объ этомъ нападеніи? Признайся, ты сама его затѣяла?

Ангелика. Я не смѣю сказать *нѣтъ*, батюшка.

Фонъ Гуттенъ. Они вышли отсюда печальны. Никто меня не понялъ. Видишь, ты дурно поступила.

Ангелика. Но мое намѣреніе заслуживаетъ прощенія.

Фонъ Гуттенъ. Ты плакала объ этихъ людяхъ. Не скрывай отъ меня. Твое сердце бьется для нихъ. Я вижу тебя насквозь. Ты осуждаешь мою печаль.

Ангелика. Я уважаю ее, но не могу не плакать.

Фонъ Гуттенъ. Эти слезы подозрительны, Ангелика. Ты колеблешься между свѣтомъ и отцомъ. Гдѣ нѣтъ надежды на примиреніе, дочь моя, тамъ должна ты взять одну какую нибудь сторону. Отъ одного изъ двухъ ты должна совсѣмъ отречься, или принадлежать ему нераздѣльно. Будь откровенна: ты осуждаешь мою печаль?

Ангелика. Я думаю, что она справедлива.

Фонъ Гуттенъ. Ты думаешь? точно ты думаешь это? Послушай, Ангелика! Я испытаю твою откровенность. Ты колеблешься — и у меня нѣтъ болѣе дочери. Сядь возлѣ меня.

Ангелика. Этотъ торжественный тонъ....

Фонъ Гуттенъ. Я посылалъ за тобою. У меня была къ тебѣ просьба. Но я раздумалъ. Годъ еще можно подождать.

Ангелика. Просьба къ вашей дочери — и вы не рѣшаетесь ее высказать?

Фонъ Гуттенъ. Сегодня я въ болѣе серьезномъ настроеніи: мнѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. Тяжелая судьба состарила меня до времени. Можетъ случиться, что когда нибудь утромъ меня найдутъ мертвымъ, и я не успѣю.... (*Встаетъ.*) Да, если ты хочешь плакать, то тебѣ некогда меня слушать.

Ангелика. О, перестаньте, батюшка! Не говорите такъ. Вы разрываете мое сердце.

Фонъ Гуттенъ. Мнѣ бы не хотѣлось умереть, пока мы не объяснимся съ тобою. Да, я чувствую, что еще привязанъ къ свѣту. Нищему такъ же тяжело разстаться со своею бѣдностью, какъ и властелину со своимъ величіемъ. Для меня ты — все, съ чѣмъ мнѣ жаль разстаться. (*Молчаніе.*) Полный тоски, останавливается на тебѣ мой послѣдній взглядъ. Я умру — и ты останешься между двумя пропастями. Ты будешь плакать, дочь моя, или сама будешь достойна слезъ. До сихъ поръ мнѣ удавалось скрывать отъ тебя неизбежность этого горькаго выбора. Ты весело смотришь на жизнь, и міръ радостно манитъ тебя.

Ангелика. О, если бъ эти глаза стали веселѣе, батюшка! Да, этотъ міръ прекрасенъ.

Фонъ Гуттенъ. Отраженіе твоей собственной души, Ангелика. И на мою долю выпадаютъ счастливые часы! Онъ будетъ тебѣ казаться такимъ очаровательнымъ, пока не подымешь завѣсы, закрывающей отъ тебя дѣйствительность, пока не станешь избѣгать людей, довольствуясь своимъ собственнымъ сердцемъ.

Ангелика. Или пока оно не найдетъ такое, батюшка, которое встрѣтитъ мое сочувствіемъ.

Фонъ Гуттенъ (*быстро и важно*). Ты никогда не найдешь его.... Но бойся несчастной мечты, которая скажетъ тебѣ, что ты его нашла. (*Послѣ нѣкотораго молчанія, въ продолженіе котораго онъ сидѣлъ, погруженный въ задумчивость.*) Наша душа, Ангелика, создаетъ иногда благородные, чудные образы, образы лучшаго міра, отлитые въ благороднѣйшія формы. Чертами далекими отъ сходства рисуетъ она разнообразную природу, и ей удается порой обмануть изумленное сердце какъ-будто сбывшимся идеаломъ. Испытать это суждено было отцу твоему, Ангелика. Часто узнавалъ я свѣтлый призракъ своей фантазіи въ чертахъ человѣка. Упоенный радостью, я простиралъ къ нему руки, но туманный образъ исчезалъ въ моихъ объятіяхъ.

Ангелика. Однакожь, батюшка....

Фонъ Гуттенъ (*прерываетъ ее*). Свѣтъ ничего не можетъ предложить тебѣ, чего бы самъ не получилъ отъ *тебя*. Любуйся своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ водъ, но не бросайся въ нихъ, чтобъ обнять призракъ: въ этихъ волнахъ встрѣтитъ тебя смерть. *Любовью* назвали вы это сладкое безуміе. Не вѣрь ослѣпляющему чувству, что поэты рисуютъ намъ такимъ очаровательнымъ. Созданье, которое ты боготворишь — ты сама;

голосъ, что тебѣ отвѣчаетъ, есть могильный отголо-сокъ твоихъ словъ, и — вотъ стоишь ты одна въ ужас-номъ одиночествѣ.

Ангелика. Я надѣюсь, что есть еще люди, батюш-ка, не похожіе. . . .

Фонъ Гуттенъ (*внимательно*). Ты надѣешься? надѣешься? (*Встаетъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ.*) Да, дочь моя, это напомнило мнѣ, за-чѣмъ я посылалъ за тобою. (*Останавливается передъ нею и смотритъ на нее испытующимъ взглядомъ.*) Ты предупредила меня Я удивляюсь. . . . Я трепещу за свою безпечную увѣренность. Я былъ такъ близокъ опасности потерять плоды трудовъ всей моей жизни.

Ангелика. Батюшка, я васъ не понимаю.

Фонъ Гуттенъ. Настало время объясниться. Тебѣ девятнадцать лѣтъ: ты въ правѣ требовать отчета. Я отнялъ тебя у свѣта, которому ты принадлежишь, и увлекъ въ эту мирную долину. Тайна для себя самой, росла ты здѣсь. Ты не знаешь, какое назначенье тебя ожидаетъ. Пора узнать себя Пора прозрѣть тебѣ.

Ангелика. Вы пугаете меня, батюшка.

Фонъ Гуттенъ. Не твое назначеніе — отцвѣсть въ этой мирной долинѣ. Похорони меня здѣсь, и тогда отдайся свѣту, для котораго я взлелѣялъ тебя.

Ангелика. Батюшка, вы хотите бросить меня въ свѣтъ, гдѣ сами были такъ несчастливы?

Фонъ Гуттенъ. Ты будешь въ немъ счастливѣе. (*Послѣ нѣкотораго молчанія.*) Еслибъ даже вышло иначе, дочь моя, твоя молодость обязана ему тѣмъ, чего моя преждевременная старость уже исполнить не въ си-лахъ. Мнѣ нечего руководить тебѣ болѣе Моя обязан-ность окончена. Тайно, въ замкнутой мастерской, вы-

ходить статуя изъ подъ рѣзца художника; оконченная — она должна блистать съ высокаго пьедестала.

Ангелика. Нѣтъ, нѣтъ, батюшка! Не выпускайте меня изъ вашихъ творческихъ рукъ.

Фонъ Гуттенъ. Всего одно желаніе я оставилъ для себя. Вмѣстѣ съ тобою росло оно въ моемъ сердцѣ; съ каждою новою прелестью, разцвѣтавшею на этихъ щекахъ, съ каждымъ новымъ развитіемъ души, съ каждымъ благороднымъ вздохомъ этой груди — все громче и громче говорило оно въ моемъ сердцѣ. Это желаніе, дочь моя Дай мнѣ руку.

Ангелика. Вы скажите его. Душа моя летитъ ему на встрѣчу.

Фонъ Гуттенъ. Ангелика! — ты дочь одного изъ богатѣйшихъ людей. Такъ думаютъ въ свѣтѣ, но никто не знаетъ всего моего богатства. Моя смерть отдастъ въ твое распоряженіе такія сокровища, которыхъ не истощитъ вся твоя благотворительность. . . . Ты можешь изумить ненасытнаго.

Ангелика. Батюшка, какъ вы меня унижаете!

Фонъ Гуттенъ. Ты хороша, Ангелика! Позволь отцу высказать тебѣ то, чего ты не услышишь ни отъ кого другаго. Твоя мать была лучшимъ украшеніемъ своего пола. Ты — отраженіе ея образа, но еще болѣе облагороженное. Мужчины увидятъ тебя, и любовь приведетъ ихъ къ твоимъ ногамъ. Кто получитъ эту руку. . . .

Ангелика. Это ли голосъ моего отца? Что я слышу? Вы отторгли меня отъ своего сердца.

Фонъ Гуттенъ (*глядя на нее съ наслажденіемъ*). Въ этомъ прекрасномъ образѣ обитаетъ душа еще прекраснѣе. Что, если любовь заронится въ эту спокойную грудь? Какая жатва созрѣетъ для любви?

Вотъ гдѣ лучшая награда для благороднѣйшаго изъ людей.

Ангелика (*глубоко тронутая, склоняется предъ нимъ на колѣни и закрываетъ лицо руками*).

Фонъ Гуттенъ. Бѣльшаго счастья челоѱкъ не можетъ получить отъ руки женщины. Знаешь ли, что ты всѣмъ этимъ обязана *мнѣ*? Я собралъ сокровища для твоей благотворительности; я берегъ твою красоту; я хранилъ твое сердце; я развилъ въ тебѣ кротость души. За все это у меня *одна* къ тебѣ просьба. Исполненіемъ этой единственной просьбы ты вознаградишь меня за все, чѣмъ мнѣ обязана. Ужели откажешь мнѣ въ ней?

Ангелика. Батюшка! къ чему эти окольные дороги къ сердцу вашей Ангелики?

Фонъ Гуттенъ. Въ тебѣ есть все, что можетъ составить счастье челоѱка. (*Онъ останавливается и мѣритъ ее пронизательнымъ взглядомъ.*) Не дѣлай никого счастливымъ!

Ангелика (*блѣднѣетъ и потупляетъ глаза*).

Фонъ Гуттенъ. Ты молчишь? Этотъ страхъ эта дрожь Ангелика!

Ангелика. Ахъ, батюшка! . . .

Фонъ Гуттенъ (*нѣжнѣе*). Твою руку, дочь моя! Обѣдай мнѣ клянись мнѣ Что это значитъ? Что дрожить твоя рука? Обѣдай мнѣ — никогда этой руки не отдавать челоѱку.

Ангелика (*въ слезеніи*). Никогда, батюшка. . . . развѣ съ вашего одобренія.

Фонъ Гуттенъ. Даже и тогда, когда меня не будетъ Клянись мнѣ — никогда этой руки не отдавать челоѱку.

Ангелика (*въ борьбѣ, дрожащимъ голосомъ*).
Никогда, никогда, пока . . . пока вы сами не разрѣшите этой клятвы.

Фонъ Гуттенъ. Значить — никогда. (*Онъ выпускаетъ ея руку. Послѣ продолжительнаго молчанія.*) Посмотри на эти слабѣющія руки, на эти морщины, изрытыя скорбью на моихъ щекахъ! Передъ тобою старикъ, стоящій одной ногою въ могилѣ, тогда какъ годы мои — еще годы силы и мужества. Это сдѣлали люди. Весь родъ человѣческій былъ моимъ убійцей, Ангелика. Не сопровождай же къ алтарю сына моего убійцы! Неужели моя кровавая скорбь должна разыгратъ комедіей? Этотъ цвѣтокъ, выращенный моимъ горемъ, политый моими слезами, не долженъ быть сорванъ рукою радости. Первая слеза, пролитая тобою для любви, смѣшаетъ тебя снова съ этими презрѣнными созданіями; рука, которую ты у алтаря подашь мужчинѣ, напишетъ мое имя на позорномъ столбѣ безумцевъ.

Ангелика. Не продолжайте, батюшка! не продолжайте! Позвольте мнѣ.... (*Она хочетъ идти; Гуттенъ ее удерживаетъ.*)

Фонъ Гуттенъ. Я не жестокій отецъ, дочь моя! Если бъ я любилъ менѣе — я самъ бы отдалъ тебя объятіямъ мужа. Во мнѣ нѣтъ *ненависти* къ людямъ. Не правъ тотъ, кто называетъ меня мизантропомъ. Я благоговѣю передъ человѣческой природой, но людей не могу любить болѣе. Не считай меня за обыкновеннаго глупца, что преслѣдуетъ честныхъ за обиды, нанесенныя ему безчестными. Все что я вынесъ отъ безчестныхъ — забыто. Мое сердце страдаетъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему лучшими, честнѣйшими. . . .

Ангелика. Откройте его этимъ лучшимъ и чест-

нѣйшимъ: они волюють цѣлительный бальзамъ въ эти раны. Прервите ваше таинственное молчаніе.

Фонъ Гуттенъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).
О, еслибъ я могъ рассказать тебѣ повѣсть моихъ оскорбленій, Ангелика! Но я не могу.... не хочу. Не хочу отнять у тебя увѣренности, сладкаго довѣрія къ самой себѣ. Не хочу вливать ненависти въ эту спокойную грудь. Я бы хотѣлъ тебя спрятать отъ людей, но не ожесточать противъ нихъ. Мой правдивый рассказъ потушилъ бы нѣжность въ твоей груди, а я хочу сохранить этотъ священный огонь. Пока не образуются, не возникнутъ здѣсь сами собою новые міры — не хочу исторгать изъ твоего сердца міръ дѣйствительный. (*Молчаніе. Ангелика склоняется къ нему со слезами на глазахъ.*)

Я оставляю тебѣ отрадный взглядъ на жизнь, счастливую вѣру въ людей, которые еще кажутся тебѣ прекрасными явленіями: она была нужна, она была необходима, чтобъ развить въ твоёмъ сердцѣ самую божественную изъ привязанностей. Дивлюсь мудрой заботливости природы. Она окружаетъ нашу юную душу очаровательнымъ міромъ, и возникающая потребность любви находитъ себѣ пищу. Къ этой слабой подпорѣ припадаетъ нѣжный отростокъ и обвиваетъ окружающій міръ тысячью роскошныхъ вѣтвей. Но что, если онъ захочетъ въ царственной силѣ, въ гордой красотѣ подняться до неба? О, пусть умрутъ тогда эти побочныя вѣтви, и живое побужденіе, сосредоточенное въ себѣ самомъ, стремится по прямому направленію къ небу. Тихо и нѣжно начинается тогда оцѣпенѣвшая душа отзываться изъ міра дѣйствительнаго заблуждавшіяся привязанности — и несетъ ихъ на встрѣчу божественному идеалу, вспыхнувшему въ ея сокровенныхъ нѣдрахъ.

Тогда нашъ благородный духъ не нуждается болѣе въ этой опорѣ дѣтства, и очищенное пламя восторга поддерживается внутреннимъ, безсмертнымъ огнемъ.

Ангелика. Алъ, батюшка! какъ много не достаетъ мнѣ, чтобъ походить на эту картину. Въ этомъ высокомъ полѣтѣ ваша дочь не можетъ слѣдовать за вами. Оставьте меня преслѣдовать милый призракъ, пока онъ самъ не оставитъ меня. Какъ стану я какъ могу я ненавидѣть въ другихъ то, что вы научили меня любить во мнѣ самой? что вы сами любите въ своей Ангеликѣ?

Фонъ Гуттенъ (*съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ*). Тебя испортило уединеніе, Ангелика! Я познакомлю тебя съ людьми, чтобъ ты разучилась ихъ уважать. Преслѣдуй его, твой милый призракъ; разсмотри поближе этотъ божественный образъ твоего воображенія. Хорошо, что при этомъ я ничѣмъ не риску. Я вложилъ въ грудь твою идеаль, недостижимый для людей (*Глядя на нее съ тихимъ восторгомъ*). О, для меня еще расцвѣтаетъ одна радость, и давнее желаніе готово исполниться. Какъ они изумятся, какими невѣдомыми чувствами наполнятся ихъ груди, когда я введу въ среду ихъ безпорочнаго ангела. Они мои! — конечно, они мои! Лучшихъ и благороднѣйшихъ изъ нихъ опутаю я этой золотой сѣтью, Ангелика! (*Важно и торжественно приближается къ ней, и кладетъ руку ей на голову.*) Будь высшимъ существомъ между этимъ падшимъ родомъ людскимъ! Разливай вокругъ себя благословенія, какъ всещедрое божество! Совершай дѣла, какихъ не освѣщало солнце! Тѣшься добродѣтелью, подъ которою изнемогаетъ героизмъ героя и мудрость мудрѣйшаго! Вооруженная

всепобѣждающею красотою, повтори предъ ихъ глазами жизнь, безвѣстно прожитую мною межъ ними, и да прославится *твоею прелестью* моя осужденная добродѣтель. Пусть ослѣпительный блескъ ея въ твоей женской душѣ сіяетъ нѣжнѣе, и ихъ слабые глаза откроются наконецъ предъ ея побѣдоносными лучами. Будь съ ними, пока они не увидятъ всего неба, заключеннаго въ этомъ сердцѣ, пока они не устремятъ пламенныхъ желаній къ этому невыразимому благу, — и *тогда* — вознесись къ своей славѣ: пускай они увидятъ въ неизмѣримой высотѣ небесное явленіе, вѣчно не достигаемое, всегда желанное, какъ Оріонъ для смертныхъ рукъ нашихъ въ священныхъ поляхъ ээира! Я искалъ живыхъ существъ и нашелъ одни тѣни: разлетись и *ты* для нихъ тѣнью. Вступи въ кругъ челоувѣчества: ты знаешь, *кто* ты Я воспиталъ тебя для мщенія *).

*) Примѣчаніе издателя. Въ 11-й части «Таліи», гдѣ этотъ отрывокъ появился въ первый разъ, въ концѣ его находится примѣчаніе:

«Помѣщенные здѣсь сцены — отрывки изъ трагедіи, начатой нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но по разнымъ причинамъ еще не оконченной. Быть можетъ, когда нибудь повѣсть объ этомъ мизантропѣ и вся его характеристика явится передъ публикою въ другой формѣ, болѣе соотвѣтствующей предмету, чѣмъ драматическая.»

Въ оставшихся послѣ смерти Шиллера бумагахъ не оказалось ничего, касающагося этого сюжета. Заглавіе отрывка въ «Таліи»: *Примиренный мизантропъ*, намекаетъ, впрочемъ, на развязку пьесы. Издатель припоминаетъ также, изъ тогдашнихъ разговоровъ съ авторомъ, что Розенбергъ долженъ былъ подъ конецъ побѣдить упорное противодѣйствіе Гуттена, и чтобы усилить вліяніе на него, Шиллеръ хотѣлъ вывести нѣсколько мизантроповъ другаго рода.

ОЖЕСТОЧЕННЫЙ

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ОЖЕСТОЧЕННЫЙ.

Во всей исторіи человѣчества нѣтъ главы поучительнѣе для сердца и ума, чѣмъ лѣтописи человѣческихъ заблужденій. Съ каждымъ большимъ преступленіемъ соединялась соотвѣтственная ему большая сила. Тайная игра алчности, скрываемаемая при блѣдномъ свѣтѣ обыкновенныхъ впечатлѣній, становится поразительнѣе, колоссальнѣе и сильнѣе въ состояніи сильныхъ страстей; проникательный изслѣдователь, зная, въ какой степени прочны постоянные законы обыкновенной человѣческой воли, и въ какой мѣрѣ позволительно судить по аналогіи, внесетъ изъ этой области въ свою психологію не одинъ опытъ, не одинъ фактъ для объясненія нашей духовной жизни.

При всемъ кажущемся однообразіи, нѣтъ ничего сложнѣе человѣческаго сердца. Одна и та же способность, одно и то же желаніе могутъ проявиться тысячу различныхъ формъ и направленій, могутъ произвести тысячу разнохарактерныхъ феноменовъ, мо-

гутъ соединяться иначе въ тысячѣ характеровъ, точно такъ же, какъ тысячи различныхъ характеровъ и дѣйствій могутъ проистекать изъ одной склонности, хотя бы человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, нимало не подозревалъ такого сродства. Явись и для рода человеческого, какъ для остальныхъ царствъ природы, новый Линней, и вздумай классифицировать людей по ихъ побужденіямъ и склонностямъ, намъ пришлось бы съ изумленіемъ увидѣть инаго человѣка, пороки котораго теперь подавлены тѣсной мѣщанской сферой и обузданы строгимъ закономъ, на ряду съ чудовищной Борджіей.

Въ этомъ отношеніи обыкновенное историческое изложеніе во многомъ насъ неудовлетворяетъ, и въ немъ-то, кажется, лежитъ причина, почему изученіе исторіи остается такъ безплодно для частной жизни. Между страстными движеніями души дѣйствующаго въ исторіи лица и спокойнымъ настроеніемъ читателя, которому предлагается изображеніе его дѣйствій, господствуетъ такой рѣзкій контрастъ, лежитъ такая пропасть, что читателю трудно, даже невозможно и подозревать какую нибудь съ нимъ связь. Это отдаленіе историческаго лица отъ читателя уничтожаетъ всякую возможность сравненія, или примѣненія, и вмѣсто спасительнаго страха, предостерегающаго гордую силу, возбуждаетъ отчуждающее недовѣріе. Несчастный, и въ самый мигъ злодѣянія, какъ и въ минуту постигающей его за то казни, былъ такой же человѣкъ, какъ и мы; а намъ онъ представляется существомъ какого-то инаго рода; намъ кажется, что и кровь обращается въ немъ не такъ, какъ въ насъ, что и воля его повинуется правиламъ, не похожимъ на наши. Участь его мало насъ трогаетъ, потому что сочувствіе основывается

лишь на темномъ сознаніи одинаковой опасности, а намъ и въ голову не приходитъ находить тутъ какое-нибудь сходство съ собой. Не видя отношеній къ себѣ, мы не можемъ извлекать для себя и урока, и исторія, вмѣсто того, чтобы быть школою нашего образованія, должна довольствоваться скудною заслугой передъ нашимъ любопытствомъ. Чтобы имѣть для насъ бѣльшее значеніе и достигать своей великой цѣли, исторія необходимо должна выбрать одну изъ двухъ методъ: или сообщать читателю страсть своего героя, или переносить на героя хладнокровіе читателя.

Я знаю, что нѣкоторые изъ лучшихъ историковъ новѣйшаго времени и древности держались первой методы, и подкупали сердце читателя страстнымъ изложеніемъ. Но эта манера — авторское злоупотребленіе, оскорбляющее республиканскую свободу читающей публики, которая сама должна быть судилищемъ; она нарушаетъ въ то же время границы справедливости, ибо эта метода принадлежитъ исключительно и неотъемлемо оратору и поэту. Историкъ остается лишь вторая метода.

Герой долженъ быть такъ же холоденъ, какъ читатель, или, что въ этомъ случаѣ одно и то же, мы должны быть съ нимъ знакомы прежде-чѣмъ онъ начнетъ дѣйствовать; мы должны видѣть не одни только его дѣйствія, но и самыя побужденія этихъ дѣйствій. Мысли его для насъ несравненно важнѣе, чѣмъ дѣла, и несравненно важнѣе источники его мыслей, чѣмъ послѣдствія этихъ дѣлъ. Мы изслѣдовали почву Везувія, чтобы дознаться причинъ его изверженій; отчего же явленія нравственнаго міра обращаютъ на себя меньше нашего вниманія, нежели физическія явленія? От-

чего не изслѣдуютъ въ такой же мѣрѣ свойство и положеніе вещей, окружавшихъ человѣка, пока накопившійся горючій матерьялъ не вспыхнулъ въ немъ. Мечтателя, любящаго чудесное, интересуется въ подобномъ явленіи именно его странность и необычайность. Другъ истины ищетъ матери этимъ заблудшимъ дѣтямъ. Онъ ищетъ причины ихъ въ неизмѣнномъ строеніи человѣческой души и въ измѣняющихся условіяхъ, дѣйствующихъ извнѣ, и навѣрно отыщетъ ее въ томъ и другомъ. Его уже не изумить, что на грядѣ, гдѣ цвѣтутъ цѣлебныя травы, выросло ядовитое зелье, что мудрость и глупость, порокъ и добродѣтель лежатъ рядомъ въ одной колыбѣли.

Я не привожу въ примѣръ всѣхъ выгодъ, какія можетъ извлечь психологія изъ подобнаго изложенія исторіи; оно стоитъ предпочтенія ужь по одному тому, что истребляетъ грозныя насмѣшки и гордую самоувѣренность, съ какими обыкновенно неиспытанная и прямо стоящая добродѣтель смотритъ на добродѣтель падшую; ужь по одному тому, что оно распространяетъ кроткій духъ терпимости, безъ котораго не можетъ возвратиться ни одинъ бѣглець, не можетъ примириться съ закономъ ни одинъ его нарушитель, не можетъ сохраниться отъ полного пораженія ни одинъ зараженный членъ общества.

Было-ль у преступника, о которомъ я хочу говорить, право аппеляціи къ этому духу терпимости? былъ ли онъ дѣйствительно потерянъ безъ возврата для государственнаго тѣла? Я не хочу предупреждать приговора читателей. Наше снисхожденіе ему уже не поможетъ: онъ умеръ отъ руки палача; но анатомія

его порока послужить можетъ-быть урокомъ чело-
вѣчеству и правосудію.

Христіанъ Вольфъ, сынъ трактирщика въ . . . скомъ
уѣздномъ городѣ (названіе котораго надо скрыть по
причинамъ, объясненнымъ дальше), помогалъ до двад-
цати лѣтъ матери своей смотрѣть за хозяйствомъ,
такъ-какъ отца уже не было въ живыхъ. Хозяйство
шло дурно, и у Вольфа было много досужихъ часовъ.
Еще въ школѣ онъ слылъ забіякой. Взрослая дѣвушка
жаловались на его дерзость, а городская молодежь хва-
лила его изобрѣтательную голову. Природа не позабо-
тилась о его наружности. Маленькая, невзрачная фигур-
ка, курчавые волосы непріятнаго чернаго цвѣта, при-
плюснутый носъ и припухшая верхняя губа, изуродован-
ная кромѣ того ударомъ лошадинаго копыта, придавали
ему противный видъ, отталкивавшій всѣхъ женщинъ и
служившій богатой пищей насмѣшкамъ его товарищей.

Онъ хотѣлъ угрозою пріобрѣсти то, въ чемъ ему
отказывали; хотѣлъ насильно нравиться. Чувственность
принималъ онъ за любовь. Избранная имъ дѣвушка съ
пренебреженіемъ обращалась съ нимъ; у него были
причины бояться, что соперникамъ его болѣе счастія;
но дѣвушка была бѣдна. Сердце, не тронутое его клят-
вами, тронуть можетъ-быть его подарки; но онъ самъ
терпѣлъ нужду, и тщеславная попытка наружно при-
дать себѣ вѣсь, поглотила и ту бездѣлицу, что онъ
пріобрѣлъ плохимъ хозяйствомъ. Онъ былъ слишкомъ
лѣнивъ и невѣжественъ, чтобы спекуляціей поддер-
жать свое разстроенное заведеніе, слишкомъ гордъ и
изнѣженъ, чтобы изъ господина, какимъ былъ до-сихъ-
поръ, сдѣлаться крестьяниномъ, и отказаться отъ сво-
боды, и потому видѣлъ только одинъ исходъ — кото-

рый лучше удавался тысячамъ до него и послѣ него — честно воровать. Родной его городъ былъ окруженъ казенными лѣсами; онъ сдѣлался браконьеромъ, и выручка его воровства вся переходила въ руки его возлюбленной.

Въ числѣ любовниковъ Юанны былъ Робертъ, егеръ лѣсничаго. Скоро замѣтилъ онъ перевѣсъ, который щедростью пріобрѣлъ надъ нимъ его соперникъ, и съ завистью сталъ доискиваться источниковъ этой перемѣны. Онъ сталъ чаще показываться въ *Солницъ* — такъ называлась гостинница — и его зоркіе глаза, подкрѣпленные ревностью и завистью, скоро открыли, откуда являются эти деньги. Незадолго передъ тѣмъ былъ возобновленъ строгій приказъ противъ браконьеровъ, присуждавшій ослушниковъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ. Робертъ неутомимо слѣдилъ за тайными походами своего врага; наконецъ ему удалось поймать безразсуднаго на дѣлѣ. Вольфъ былъ взятъ, и, только пожертвовавъ всѣмъ своимъ маленькимъ состояніемъ, съ трудомъ могъ отстранить денежнымъ штрафомъ присужденное наказаніе.

Робертъ торжествовалъ. Соперникъ его былъ побѣжденъ, и, какъ нищій, лишился милости Юанны. Вольфъ зналъ своего врага; и врагъ этотъ былъ счастливымъ обладателемъ Юанны! Подавляющее чувство нужды присоединилось къ оскорбленной гордости. Нужда, соединенная съ ревностью, волновала его чувства; голодъ увлекалъ его дальше отъ дома; мщеніе и страсть удерживали его на мѣстѣ. Онъ становится во второй разъ браконьеромъ; но Робертъ съ удвоенной бдительностью слѣдитъ за нимъ, ловить его снова. На этотъ разъ онъ испытываетъ всю строгость законовъ, потому что

ему больше нечѣмъ откупиться; черезъ нѣсколько недѣль его отправляютъ въ смиренный домъ въ столицу.

Годъ наказанія прошелъ; страсть его усилилась разлукой, и упорство его выросло подъ тяжестью несчастья. Получивъ свободу, онъ тотчасъ же поспѣшилъ къ себѣ на родину показаться своей Іоганнѣ. Онъ является; его бѣгутъ. Крайняя нужда преодолѣла наконецъ его гордость и изнѣженность — онъ предлагаетъ свои услуги мѣстнымъ богачамъ, и хочетъ наняться поденщикомъ. Крестьяне пожимаютъ плечами, глядя на слабаго нѣженку; плотное тѣлосложеніе его дюжаго соперника затмѣваетъ его въ глазахъ этихъ безчувственныхъ благодѣтелей. Есть еще праздная должность, крайній оплотъ честнаго имени — онъ предлагаетъ себя въ пастухи городка; но жители не хотятъ довѣрить свиней своихъ негодяю. Обманутый во всѣхъ намѣреніяхъ, всюду отверженный, онъ въ третій разъ идетъ воровать дичь, и въ третій разъ его постигаетъ несчастье, и онъ попадается въ руки своего бдительнаго врага.

Повтореніе проступка увеличило его вину. Судьи читали въ книгѣ закона, но никто не заглянулъ въ состояніе духа обвиненнаго. Приказъ противъ браконьеровъ требовалъ примѣрнаго исполненія, и Вольфъ былъ присужденъ: ему выжгли знакъ висѣлицы на спинѣ, и сослали на три года на работы въ крѣпость.

И это время миновало, и онъ вышелъ изъ крѣпости — но уже совершенно другимъ, нежели какимъ вошелъ въ нее. Тутъ въ жизни его начинается новая эпоха; пусть послушаютъ его самого, какъ онъ впоследствии говорилъ на духу и передъ судомъ. «Я вошелъ въ крѣпость», рассказывалъ онъ: «заблудшимъ, а

вышелъ изъ нея мошенникомъ. Въ міръ было еще кое-что мнѣ дорого, и гордость моя гнулась отъ стыда. Въ крѣпости посадили меня съ двадцатью тремя заключенными, изъ которыхъ трое были убійцами, а остальные все отъявленные воры и бродяги. Надо мной смѣялись, когда я говорилъ о Богѣ, и привязывались ко мнѣ съ постыдными ругательствами противъ Спасителя. Мнѣ пѣли гадкія пѣсни; и я, развратникъ, не могъ ихъ слушать безъ отвращенія и отчаянія; но то, что приходилось мнѣ видѣть, еще болѣе возмущало мою стыдливость. Не проходило дня безъ того, чтобы эти продолжки не повторялись и не замышлялись еще худшія. Сначала я удалялся отъ этихъ людей, и сколько возможно, избѣгалъ разговоровъ съ ними; но я чувствовалъ необходимость въ какомъ нибудь существѣ около себя; а мои варвары-сторожа убили и собаку мою. Работы была тяжела и мучительна, а тѣло мое слабо; я чувствовалъ потребность въ поддержкѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ сожалѣніи, и купилъ его послѣдними остатками своей совѣсти. Такимъ образомъ я привыкъ къ окружающимъ меня ужасамъ, и въ послѣднюю четверть года превзошелъ своихъ учителей.

«Съ этой минуты я жаждалъ свободы, какъ жаждалъ мести. Все человѣчество оскорбляло меня, потому-что всѣ были лучше и счастливѣе меня. Я считалъ себя мученикомъ естественнаго права и жертвою закона. Со скрежетомъ зубовъ рвалъ я свои цѣпи, когда солнце показывалось за валомъ моей тюрьмы; открытый видъ вдвое мучительнѣе для невольника. Свободный вѣтерокъ, вѣявшій въ отверстіе моей тюрьмы, ласточка, садившаяся на желѣзную полосу моей рѣшетки, казалось, дразнили меня своей свободой, и неволя моя представ-

лялась мнѣ еще ужаснѣе. Тогда поклялся я непримиримою враждою всему роду человѣческому, и клятву свою я вполнѣ сдержалъ.

«Лишь только я освободился, родной мой городъ первый пришелъ мнѣ на мысль. Какъ ни мало я надѣялся найти тамъ себѣ обезпеченіе, но за то предполагалъ утолить жажду мести. Сердце мое дико забилося, когда изъ-за лѣсу показалась церковная колокольня. Но это уже была не та сердечная радость, которую я чувствовалъ при моемъ возвращеніи; воспоминаніе обо всѣхъ претерпѣнныхъ мною тамъ оскорбленіяхъ, обо всѣхъ преслѣдованіяхъ, вдругъ пробудилось отъ страшнаго, мертваго сна; всѣ раны и язвы открылись. Я удвоилъ свои шаги, и заранѣе радовался, что своимъ неожиданнымъ появленіемъ приведу въ ужасъ враговъ своихъ, и теперь я такъ же жаждалъ новыхъ оскорбленій, какъ прежде боялся ихъ.

«Благоувѣстили къ вечернѣ, когда я пришелъ на площадь. Народъ шелъ въ церковь. Меня скоро узнали; всѣ натыкавшіеся на меня со страхомъ отступали. Я прежде очень любилъ дѣтей, и на этотъ разъ это чувство невольно мною овладѣло; и я далъ грошъ мальчику-прыгавшему около меня. Мальчикъ пристально посмолъ на меня, и бросилъ мнѣ грошъ въ лицо. Если бѣ кровь моя была нѣсколько спокойнѣе, я вспомнилъ бы, что борода, вынесенная мною изъ тюрьмы, и черты моего лица придавали мнѣ страшный видъ; но злое мое сердце помрачало мой разсудокъ. Слезы, какими я никогда не плакалъ, потекли по моимъ щекамъ.

«Мальчикъ не знаетъ, кто я такой и откуда, прошепталъ я самъ себѣ: а все таки избѣгаетъ меня, какъ постыдной твари. Развѣ я заклею гдѣ нибудь на

лбу, или пересталъ походить на человѣка, потому что чувствую, что не могу болѣе никого любить? Презрѣніе этого мальчика показалось мнѣ горше трехлѣтней каторжной работы, потому-что я хотѣлъ сдѣлать ему добро, и не могъ обвинить его въ личной ко мнѣ ненависти.

«Я сѣлъ противъ церкви. Чего мнѣ собственно хотѣлось, я не знаю; но знаю, что я всталъ оскорбленный, когда никто изъ проходившихъ мимо меня знакомыхъ не удостоилъ меня поклономъ. Нехотя оставилъ я свое мѣсто и пошелъ искать харчевни; повертывая за уголъ одной улицы, я увидѣлъ свою Іоганну.

«— Вольфъ! громко воскликнула она, и сдѣлала движеніе, чтобы обнять меня: — Ты опять здѣсь, милый Вольфъ! Слава Богу, что ты воротился!

«Ея платье говорило о голодѣ и нищетѣ, а лицо о позорной болѣзни; ея взгляды обличали въ ней отверженную тварь. Я быстро разгадалъ, что тутъ дѣлалось; по нѣсколькимъ повстрѣчавшимся мнѣ драгунамъ я узналъ, что въ городѣ стоитъ гарнизонъ.

«— Распутница! вскричалъ я, и повернулся къ ней спиной.

«Мнѣ было пріятно встрѣтить существо ниже меня. Я никогда не любилъ ея.

«Матери моей не было уже на свѣтѣ. Маленькій домъ мой кредиторы взяли за долги. У меня не было болѣе никого и ничего. Весь свѣтъ бѣжалъ меня, какъ зараженнаго; но я разучился наконецъ стыдиться. Прежде я избѣгалъ встрѣчи съ людьми, потому что презрѣніе ихъ было мнѣ невыносимо. Теперь я искалъ встрѣчъ, и радовался, что видъ мой пугаетъ ихъ, и что мнѣ нечего болѣе терять и нечего болѣе беречь. Мнѣ

не надо было болѣе хорошихъ качествъ, потому - что никто во мнѣ и не предполагалъ ихъ.

«Весь свѣтъ былъ открытъ для меня; можетъ быть въ чужой провинціи я и могъ бы считаться честнымъ человекомъ; но уже потерялъ силу казаться имъ. Отчаяніе и стыдъ наконецъ породили во мнѣ этотъ образъ мыслей. Мнѣ оставался послѣдній выходъ, выучиться не нуждаться въ чести, потому-что я не имѣлъ болѣе права на нее. Я убилъ бы себя, еслибъ мое тщеславіе и гордость пережили мое униженіе

«Я и самъ хорошенько не зналъ, на что рѣшился. Сколько я могу припомнить, мнѣ хотѣлось дѣлать зло, хотѣлось заслужить свою участь. Законы, думалъ я, благодѣтельны для человѣчества; поэтому я рѣшился оскорблять ихъ; прежде я преступалъ ихъ изъ нужды и легкомыслія; теперь сталъ преступать по свободному желанію и ради удовольствія.

«Первымъ моимъ дѣломъ было продолжать стрѣлять дичь. Охота вообще стала мало по малу моею страстью; да кромѣ того мнѣ надо было и чѣмъ нибудь жить. Это было еще не все; меня подстрекало желанье пренебрегать герцогскимъ приказомъ, и вредить всѣми силами моему государю. Я не боялся уже быть схваченнымъ, потому что теперь у меня была наготовѣ пуля для сыщика, и я зналъ, что она не пролетитъ мимо его. Я истреблялъ всякую попадавшуюся мнѣ дичь, и только малую часть ея продавалъ за-границей; остальное же бросалъ. Я жилъ кое-какъ, чтобы только покрывать издержки на дробь и порохъ. Мои охотничьи подвиги скоро сдѣлались извѣстны; но на меня уже не было подозрѣнія: видъ мой не возбуждалъ его, а имя мое было забыто.

«Жизнь эту велъ я нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ утромъ, по обыкновенію, шелъ я лѣсомъ по слѣду оленя. Два часа я напрасно мучился, и уже начиналъ считать потерянною свою добычу, какъ вдругъ увидѣлъ ее на разстояніи выстрѣла. Прикладываюсь, хочу спустить курокъ; но меня поражаетъ видъ шляпы, лежащей на землѣ за нѣсколько отъ меня шаговъ. Я смотрю пристальнѣе, и узнаю егеря Роберта, который цѣлится въ ту же дичь за толстымъ стволомъ дуба. По членамъ моимъ пробѣгаетъ въ ту минуту смертельный холодъ. Именно этого человѣка изъ всего рода человѣческаго ненавиждѣлъ я всѣхъ болѣе, и жизнь его зависла отъ моей пули. Въ ту минуту мнѣ казалось, что весь свѣтъ зависить отъ моего выстрѣла, и ненависть всей моей жизни заключена въ концѣ моего пальца, которымъ мнѣ приходилось сдѣлать убійственное движеніе. Невѣдомая, страшная рука тяготѣла надо мной; судьба моя влекла меня къ этой черной минутѣ. Рука моя дрожала, когда я назначалъ ружью своему страшный выборъ; зубы мои стучали, какъ въ лихорадкѣ, и духъ замиралъ въ груди. Съ минуту стволъ ружья моего въ нерѣшимости остановился между человѣкомъ и оленемъ — прошла минута — еще одна — и еще одна. Мечь упорно боролась съ совѣстью; но мечь побѣдила, и егеръ упалъ мертвый на землю.

«Ружье мое выпало у меня изъ рукъ тотчасъ послѣ выстрѣла . . . «Убійца!» прошепталъ я. Въ лѣсу было тихо, какъ на кладбищѣ; я слышалъ ясно, какъ сказалъ: «убійца!» Егеръ умеръ въ ту минуту, какъ я приблизился къ нему. Долго молча стоялъ я передъ покойникомъ; наконецъ хохотъ облегчилъ мою грудь. «Замолчишь ли ты теперь, пріятель?» сказалъ я, и смѣло

подошелъ ближе, и повернулъ кверху лицо убитого. Глаза его были открыты. Я сдѣлался серьезенъ, и вдругъ замолчалъ. Со мной происходило что-то странное.

«До сихъ поръ я попиралъ законы въ ущербъ своему стыду; теперь случилось что-то такое, въ чемъ еще не приходилось мнѣ каяться. Часъ тому назадъ, я думаю, никто не увѣрилъ бы меня, что есть въ мірѣ существо хуже меня; теперь я полагаю, что часъ тому назадъ положеніе мое было достойно зависти.

«Правосудіе Божіе не пришло мнѣ въ голову; но я смутно вспоминалъ о петлѣ, топорѣ и казни дѣтоубійцы, видѣнной мною еще въ дѣтствѣ. Что-то ужасное было въ мысли, что съ этой минуты я заслуживаю смерти. Многого я уже не помню; но помню, что тотчасъ же пожелалъ, чтобы Робертъ былъ живъ. Я старался живо представить себѣ все зло, сдѣланное мнѣ во всю жизнь покойникомъ; но, странно! память моя какъ будто умерла. Я ничего не могъ вызвать изъ нея, не могъ припомнить того, что за четверть часа передъ этимъ привело бы меня въ бѣшенство. Я не понималъ, какимъ образомъ могъ совершить убійство.

«И я все стоялъ передъ трупомъ. Хлопанье бича и скрипъ телеги, проѣзжавшей по лѣсу, заставили меня опомниться. Это было за четверть мили отъ проселочной дороги. Мнѣ надо было подумать о своей безопасности.

«Невольно пошелъ я въ глубь лѣса. Дорогой мнѣ пришло на умъ, что прежде у покойника были часы. Чтобы добраться до границы, мнѣ нужны были деньги; но у меня все-таки не доставало духа вернуться на мѣсто, гдѣ лежалъ убитый. Тутъ испугала меня мысль о дьяволѣ и о вездѣсущемъ Богѣ. Я призывалъ на по-

мощь всю мою смѣлость, и, рѣшившись бороться съ цѣлымъ адомъ, пошелъ назадъ. Я нашелъ часы, и въ зеленомъ кошелькѣ немного денегъ — менѣе талера. Только-что хотѣлъ я спрятать обѣ находки, какъ вдругъ остановился и сталъ думать. Не стыдъ и не страхъ увеличить свое преступленіе воровствомъ, а, я думаю, упрямство заставили меня бросить часы и взять только половину денегъ. Я хотѣлъ быть личнымъ врагомъ убитаго, а не воромъ.

«Я побѣжалъ въ глубь лѣса. Мнѣ было извѣстно, что къ сѣверу лѣсъ тянулся на четыре нѣмецкія мили и доходилъ тамъ до границы. До самаго полдня бѣжалъ я безъ отдыха. Совѣсть моя была заглушена моею торопливостью; но по мѣрѣ того, какъ силы мои ослабѣвали, и она возвращалась еще грознѣе. Тысячи ужасныхъ явленій носились передо мной, и острыми ножами поражали мнѣ грудь. Мнѣ оставался страшный выборъ: или жизнь, наполненная безпрестаннымъ смертельнымъ страхомъ, или насильственная смерть; и мнѣ надо было выбирать! У меня не доставало силы умереть отъ своей собственной руки, и я приходилъ въ отчаяніе отъ мысли остаться въ этомъ мірѣ. Шестой часъ своего бѣгства я провелъ въ нерѣшимости между извѣстными страданіями земной жизни и неизвѣстными ужасами будущей, не зная, жить или умереть; это былъ часъ такихъ страданій, какихъ никто въ свѣтѣ не сѣумѣетъ передать.

«Я шелъ тихо и въ раздумьи, безсознательно надвинувъ на лицо шляпу, какъ будто хотѣлъ, чтобы безжизненная природа не могла узнать меня, и незамѣтно направилъ шаги по узкой тропинкѣ, ведущей въ самую темную чащу. Вдругъ грубый повелительный голосъ

крикнулъ мнѣ: «стой!» Голосъ слышался совершенно близко; разсѣянность моя и надвинутая шляпа мѣшали мнѣ осматриваться. Я открылъ глаза, и увидалъ подходящаго ко мнѣ одичалаго человѣка, съ суковатой дубиной въ рукахъ. Это былъ великанъ — такимъ по-крайней-мѣрѣ показался онъ мнѣ въ первую минуту смущенія — и цвѣтъ кожи его былъ желтовато темнаго цвѣта, какъ у мулатовъ; бѣлки косыхъ его глазъ выдавались на немъ до безобразія. Вмѣсто кушака, зеленый шерстяной кафтанъ его былъ опоясанъ въ два раза толстой веревкой, за которой были заткнуты широкій ножъ и пистолетъ. Онъ повторилъ свой возгласъ и схватилъ меня сильной рукой. Присутствіе человѣка испугало меня; но видъ злодѣя придалъ мнѣ бодрости. Въ настоящемъ моемъ положеніи, у меня были причины бояться всякаго честнаго человѣка, но ужь никакъ не разбойника.

« — Кто идетъ? спросилъ этотъ человѣкъ.

« — Тебѣ подобный, отвѣчалъ я: — если ты то, чѣмъ ты кажешься.

« — Туда нѣтъ дороги. Чего ты тутъ ищешь?

« — Чего ты тутъ спрашиваешь? упрямо отвѣчалъ я.

« Онъ два раза осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, и, казалось, сравнивалъ мою фигуру съ своей, и отвѣтъ мой съ моей фигурой.

« — Ты грубъ, какъ нищій, сказалъ онъ наконецъ.

« — Можетъ быть. Я еще вчера былъ нищимъ.

« Онъ засмѣялся.

« — Въ этомъ можно побожиться! вскричалъ онъ: — ты и теперь кажешься ничѣмъ не лучше нищаго.

« — Зато чѣмъ нибудь хуже.

« Я хотѣлъ идти дальше.

вышелъ изъ нея мошенникомъ. Въ міръ было еще кое-что мнѣ дорого, и гордость моя гнулась отъ стыда. Въ крѣпости посадили меня съ двадцатью тремя заключенными, изъ которыхъ трое были убійцами, а остальные все отъявленные воры и бродяги. Надо мной смѣялись, когда я говорилъ о Богѣ, и привязывались ко мнѣ съ постыдными ругательствами противъ Спасителя. Мнѣ пѣли гадкія пѣсни; и я, развратникъ, не могъ ихъ слушать безъ отвращенія и отчаянія; но то, что приходилось мнѣ видѣть, еще болѣе возмущало мою стыдливость. Не проходило дня безъ того, чтобы эти продолжки не повторялись и не замышлялись еще худшія. Сначала я удалялся отъ этихъ людей, и сколько возможно, избѣгалъ разговоровъ съ ними; но я чувствовалъ необходимость въ какомъ нибудь существѣ около себя; а мои варвары-сторожа убили и собаку мою. Работы была тяжела и мучительна, а тѣло мое слабо; я чувствовалъ потребность въ поддержкѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ сожалѣніи, и купилъ его послѣдними остатками своей совѣсти. Такимъ образомъ я привыкъ къ окружающимъ меня ужасамъ, и въ послѣднюю четверть года превзошелъ своихъ учителей.

«Съ этой минуты я жаждалъ свободы, какъ жаждалъ мести. Все человѣчество оскорбляло меня, потому-что всѣ были лучше и счастливѣе меня. Я считалъ себя мученикомъ естественнаго права и жертвою закона. Со скрежетомъ зубовъ рвалъ я свои цѣпи, когда солнце показывалось за валомъ моей тюрьмы; открытый видъ вдвое мучительнѣе для невольника. Свободный вѣтерокъ, вѣявшій въ отверстіе моей тюрьмы, ласточка, садившаяся на желѣзную полосу моей рѣшетки, казалось, дразнили меня своей свободой, и неволя моя представ-

лялась мнѣ еще ужаснѣе. Тогда поклялся я непримиримою враждою всему роду человѣческому, и клятву свою я вполнѣ сдержалъ.

«Лишь только я освободился, родной мой городъ первый пришелъ мнѣ на мысль. Какъ ни мало я надѣялся найти тамъ себѣ обезпеченіе, но за то предполагалъ утолить жажду мести. Сердце мое дико забилося, когда изъ-за лѣсу показалась церковная колокольня. Но это уже была не та сердечная радость, которую я чувствовалъ при моемъ возвращеніи; воспоминаніе обо всѣхъ претерпѣнныхъ мною тамъ оскорбленіяхъ, обо всѣхъ преслѣдованіяхъ, вдругъ пробудилось отъ страшнаго, мертваго сна; всѣ раны и язвы открылись. Я удвоилъ свои шаги, и заранѣе радовался, что своимъ неожиданнымъ появленіемъ приведу въ ужасъ враговъ своихъ, и теперь я такъ же жаждалъ новыхъ оскорбленій, какъ прежде боялся ихъ.

«Благоговѣстили къ вечернѣ, когда я пришелъ на площадь. Народъ шелъ въ церковь. Меня скоро узнали; всѣ натыкавшіеся на меня со страхомъ отступали. Я прежде очень любилъ дѣтей, и на этотъ разъ это чувство невольно мною овладѣло, и я далъ грошъ мальчику-прыгавшему около меня. Мальчикъ пристально посмолъ на меня, и бросилъ мнѣ грошъ въ лицо. Если бѣ кровь моя была нѣсколько спокойнѣе, я вспомнилъ бы, что борода, вынесенная мною изъ тюрьмы, и черты моего лица придавали мнѣ страшный видъ; но злое мое сердце помрачало мой разумъ. Слезы, какими я никогда не плакалъ, потекли по моимъ щекамъ.

«Мальчикъ не знаетъ, кто я такой и откуда, прошепталъ я самъ себѣ: а все таки избѣгаетъ меня, какъ постыдной твари. Развѣ я заклею гдѣ нибудь на

лбу, или пересталъ походить на человѣка, потому что чувствую, что не могу болѣе никого любить? Презрѣніе этого мальчика показалось мнѣ горше трехлѣтней каторжной работы, потому-что я хотѣлъ сдѣлать ему добро, и не могъ обвинить его въ личной ко мнѣ ненависти.

«Я сѣлъ противъ церкви. Чего мнѣ собственно хотѣлось, я не знаю; но знаю, что я всталъ оскорбленный, когда никто изъ проходившихъ мимо меня знакомыхъ не удостоилъ меня поклономъ. Нехотя оставилъ я свое мѣсто и пошелъ искать харчевни; повертывая за уголъ одной улицы, я увидѣлъ свою Іоганну.

«— Вольфъ! громко воскликнула она, и сдѣлала движеніе, чтобы обнять меня: — Ты опять здѣсь, милый Вольфъ! Слава Богу, что ты воротился!

«Ея платье говорило о голодѣ и нищетѣ, а лицо о позорной болѣзни; ея взгляды обличали въ ней отверженную тварь. Я быстро разгадалъ, что тутъ дѣлалось; по нѣсколькимъ повстрѣчавшимся мнѣ драгунамъ я узналъ, что въ городѣ стоитъ гарнизонъ.

«— Распутница! вскричалъ я, и повернулся къ ней спиной.

«Мнѣ было пріятно встрѣтить существо ниже меня. Я никогда не любилъ ея.

«Матери моей не было уже на свѣтѣ. Маленькій домъ мой кредиторы взяли за долги. У меня не было болѣе никого и ничего. Весь свѣтъ бѣжалъ меня, какъ зараженнаго; но я разучился наконецъ стыдиться. Прежде я избѣгалъ встрѣчи съ людьми, потому что презрѣніе ихъ было мнѣ невыносимо. Теперь я искалъ встрѣчь, и радовался, что видъ мой пугаетъ ихъ, и что мнѣ нечего болѣе терять и нечего болѣе беречь. Мнѣ

не надо было болѣе хорошихъ качествъ, потому - что никто во мнѣ и не предполагалъ ихъ.

«Весь свѣтъ былъ открытъ для меня; можетъ быть въ чужой провинціи я и могъ бы считаться честнымъ человекомъ; но уже потерялъ силу казаться имъ. Отчаяніе и стыдъ наконецъ породили во мнѣ этотъ образъ мыслей. Мнѣ оставался послѣдній выходъ, выучиться не нуждаться въ чести, потому-что я не имѣлъ болѣе права на нее. Я убилъ бы себя, еслибъ мое тщеславіе и гордость пережили мое униженіе»

«Я и самъ хорошенько не зналъ, на что рѣшился. Сколько я могу припомнить, мнѣ хотѣлось дѣлать зло, хотѣлось заслужить свою участь. Законы, думалъ я, благодѣтельны для человѣчества; поэтому я рѣшился оскорблять ихъ; прежде я преступалъ ихъ изъ нужды и легкомыслія; теперь сталъ преступать по свободному желанію и ради удовольствія.

«Первымъ моимъ дѣломъ было продолжать стрѣлять дичь. Охота вообще стала мало по малу моей страстью; да кромѣ того мнѣ надо было и чѣмъ нибудь жить. Это было еще не все; меня подстрекало желанье пренебрегать герцогскимъ приказомъ, и вредить всѣми силами моему государю. Я не боялся уже быть схваченнымъ, потому что теперь у меня была наготовѣ пуля для сыщика, и я зналъ, что она не пролетитъ мимо его. Я истреблялъ всякую попадавшуюся мнѣ дичь, и только малую часть ея продавалъ за-границей; остальное же бросалъ. Я жилъ кое-какъ, чтобы только покрывать издержки на дробь и порохъ. Мои охотничьи подвиги скоро сдѣлались извѣстны; но на меня уже не было подозрѣнія: видъ мой не возбуждалъ его, а имя мое было забыто.

«Жизнь эту велъ я нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ утромъ, по обыкновенію, шелъ я лѣсомъ по слѣду оленя. Два часа я напрасно мучился, и уже начиналъ считать потерянною свою добычу, какъ вдругъ увидѣлъ ее на разстояніи выстрѣла. Прикладываюсь, хочу спустить курокъ; но меня поражаетъ видъ шляпы, лежащей на землѣ за нѣсколько отъ меня шаговъ. Я смотрю пристальнѣе, и узнаю егеря Роберта, который цѣлится въ ту же дичь за толстымъ стволомъ дуба. По членамъ моимъ пробѣгаетъ въ ту минуту смертельный холодъ. Именно этого человѣка изъ всего рода человѣческаго ненавиждѣлъ я всѣхъ болѣе, и жизнь его зависела отъ моей пули. Въ ту минуту мнѣ казалось, что весь свѣтъ зависить отъ моего выстрѣла, и ненависть всей моей жизни заключена въ концѣ моего пальца, которымъ мнѣ приходилось сдѣлать убійственное движеніе. Невѣдомая, страшная рука тяготѣла надо мной; судьба моя влекла меня къ этой черной минутѣ. Рука моя дрожала, когда я назначалъ ружью своему страшный выборъ; зубы мои стучали, какъ въ лихорадкѣ, и духъ замиралъ въ груди. Съ минуту стволъ ружья моего въ нерѣшимости остановился между человѣкомъ и оленемъ — прошла минута — еще одна — и еще одна. Местъ упорно боролась съ совѣстью; но местъ побѣдила, и егерь упалъ мертвый на землю.

«Ружье мое выпало у меня изъ рукъ тотчасъ послѣ выстрѣла... «Убійца!» прошепталъ я. Въ лѣсу было тихо, какъ на кладбищѣ; я слышалъ ясно, какъ сказалъ: «убійца!» Егерь умеръ въ ту минуту, какъ я приблизился къ нему. Долго молча стоялъ я передъ покойникомъ; наконецъ хохотъ облегчилъ мою грудь. «Замолчишь ли ты теперь, пріятель?» сказалъ я, и смѣло

подошелъ ближе, и повернулъ кверху лицо убитого. Глаза его были открыты. Я сдѣлался серьёзенъ, и вдругъ замолчалъ. Со мной происходило что-то странное.

«До сихъ поръ я попиралъ законы въ ущербъ своему стыду; теперь случилось что-то такое, въ чемъ еще не приходилось мнѣ каяться. Часъ тому назадъ, я думаю, никто не увѣрилъ бы меня, что есть въ мірѣ существо хуже меня; теперь я полагаю, что часъ тому назадъ положеніе мое было достойно зависти.

«Правосудіе Божіе не пришло мнѣ въ голову; но я смутно вспоминалъ о петлѣ, топорѣ и казни дѣтоубійцы, видѣнной мною еще въ дѣтствѣ. Что-то ужасное было въ мысли, что съ этой минуты я заслуживаю смерти. Многого я уже не помню; но помню, что тотчасъ же пожелалъ, чтобы Робертъ былъ живъ. Я старался живо представить себѣ все зло, сдѣланное мнѣ во всю жизнь покойникомъ; но, странно! память моя какъ будто умерла. Я ничего не могъ вызвать изъ нея, не могъ припомнить того, что за четверть часа передъ этимъ привело бы меня въ бѣшенство. Я не понималъ, какимъ образомъ могъ совершить убійство.

«И я все стоялъ передъ трупомъ. Хлопанье бича и скрипъ телеги, проѣзжавшей по лѣсу, заставили меня опомниться. Это было за четверть мили отъ проселочной дороги. Мнѣ надо было подумать о своей безопасности.

«Невольно пошелъ я въ глубь лѣса. Дорогой мнѣ пришло на умъ, что прежде у покойника были часы. Чтобы добраться до границы, мнѣ нужны были деньги; но у меня все-таки не доставало духа вернуться на мѣсто, гдѣ лежалъ убитый. Тутъ испугала меня мысль о дьяволѣ и о вездѣсущемъ Богѣ. Я призвалъ на по-

мощь всю мою смѣлость, и, рѣшившись бороться съ цѣлымъ адомъ, пошелъ назадъ. Я нашелъ часы, и въ зеленомъ кошелькѣ немного денегъ — менѣе талера. Только-что хотѣлъ я спрятать обѣ находки, какъ вдругъ остановился и сталъ думать. Не стыдъ и не страхъ увеличить свое преступленіе воровствомъ, а, я думаю, упрямство заставили меня бросить часы и взять только половину денегъ. Я хотѣлъ быть личнымъ врагомъ убитаго, а не воромъ.

«Я побѣжалъ въ глубь лѣса. Мнѣ было извѣстно, что къ сѣверу лѣсъ тянулся на четыре нѣмецкія мили и доходилъ тамъ до границы. До самого полдня бѣжалъ я безъ отдыха. Совѣсть моя была заглушена моею торопливостью; но по мѣрѣ того, какъ силы мои ослабѣвали, и она возвращалась еще грознѣе. Тысячи ужасныхъ явленій носились передо мной, и острыми ножами поражали мнѣ грудь. Мнѣ оставался страшный выборъ: или жизнь, наполненная безпрестаннымъ смертельнымъ страхомъ, или насильственная смерть; и мнѣ надо было выбирать! У меня не доставало силы умереть отъ своей собственной руки, и я приходилъ въ отчаяніе отъ мысли остаться въ этомъ мірѣ. Шестой часъ своего бѣгства я провелъ въ нерѣшимости между извѣстными страданіями земной жизни и неизвѣстными ужасами будущей, не зная, жить или умереть; это былъ часъ такихъ страданій, какихъ никто въ свѣтѣ не сѣумѣетъ передать.

«Я шелъ тихо и въ раздумьи, безсознательно надвинувъ на лицо шляпу, какъ будто хотѣлъ, чтобы безжизненная природа не могла узнать меня, и незамѣтно направилъ шаги по узкой тропинкѣ, ведущей въ самую темную чащу. Вдругъ грубый повелительный голосъ

крикнулъ мнѣ: «стой!» Голосъ слышался совершенно близко; разсѣянность моя и надвинутая шляпа мѣшали мнѣ осматриваться. Я открылъ глаза, и увидалъ подходящаго ко мнѣ одичалаго человѣка, съ суковатой дубиной въ рукахъ. Это былъ великанъ — такимъ по крайней-мѣрѣ показался онъ мнѣ въ первую минуту смущенія — и цвѣтъ кожи его былъ желтовато темнаго цвѣта, какъ у мулатовъ; бѣлки косыхъ его глазъ выдавались на немъ до безобразія. Вмѣсто кушака, зеленый шерстяной кафтанъ его былъ опоясанъ въ два раза толстой веревкой, за которой были заткнуты широкій ножъ и пистолетъ. Онъ повторилъ свой возгласъ и схватилъ меня сильной рукой. Присутствіе человѣка испугало меня; но видъ злодѣя придалъ мнѣ бодрости. Въ настоящемъ моемъ положеніи, у меня были причины бояться всякаго честнаго человѣка, но ужь никакъ не разбойника.

« — Кто идетъ? спросилъ этотъ человѣкъ.

« — Тебѣ подобный, отвѣчалъ я: — если ты то, чѣмъ ты кажешься.

« — Туда нѣтъ дороги. Чего ты тутъ ищешь?

« — Чего ты тутъ спрашиваешь? упрямо отвѣчалъ я.

« Онъ два раза осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, и, казалось, сравнивалъ мою фигуру съ своей, и отвѣтъ мой съ моей фигурой.

« — Ты грубъ, какъ нищій, сказалъ онъ наконецъ.

« — Можетъ быть. Я еще вчера былъ нищимъ.

« Онъ засмѣялся.

« — Въ этомъ можно побожиться! вскричалъ онъ: — ты и теперь кажешься ничѣмъ не лучше нищаго.

« — Зато чѣмъ нибудь хуже.

« Я хотѣлъ идти дальше.

« — Тише, пріятель! Что тебя такъ гонитъ? Развѣ у тебя мало времени?

«Я съ минутой подумалъ. Не знаю, какимъ образомъ съ языка моего сорвались слова:

« — Жизнь коротка, тихо сказалъ я: — а адскія мученія вѣчны!

«Онъ пристально взглянулъ на меня.

« — Будь я проклятъ! сказалъ онъ наконецъ: — если ты не только-что сорвался съ висѣлицы.

« — Можетъ быть, еще попаду на нее! До свиданья, товарищъ!

« — Стой, товарищъ! вскричалъ онъ, вытащивъ изъ охотничьей сумки жестяную фляжку. Онъ хлебнулъ изъ нея изрядный глотокъ, и протянулъ ее мнѣ. Бѣгство и безпокойство совсѣмъ ослабили мои силы, и, въ продолженіе всего этого ужаснаго дня, во рту у меня не было ни росинки. Я уже начиналъ бояться погибнуть въ этомъ лѣсу, гдѣ на три мили вокругъ не было надежды на пристанище. Судите сами, съ какой радостью отвѣтилъ я на это предложеніе! Вмѣстѣ съ напиткомъ, по членамъ моимъ разлились новыя силы; въ сердцѣ явилось мужество, надежда и любовь къ жизни. Я началъ думать, что еще не совершенно несчастливъ; такъ сильно подѣйствовало вино. Признаюсь, состояніе мое снова было даже изъ счастливыхъ, потому что наконецъ, послѣ тысячи разрушенныхъ надеждъ, я нашелъ существо, похожее на меня. Я пришелъ въ такое положеніе, что готовъ былъ сдружиться съ адскимъ духомъ, только бы имѣть повѣреннаго.

«Товарищъ мой сѣлъ на траву; я сѣлъ также.

« — Вино твое подкрѣпило меня! сказалъ я: — надо намъ познакомиться.

«Онъ вырубилъ огня и закурилъ трубку.

«— Давно ты занимаешься этимъ ремесломъ?

«Онъ пристально взглянулъ на меня.

«— Что ты хочешь этимъ сказать?

«— Часто бывалъ въ крови? спросилъ я, вынувъ ножъ у него изъ-за пояса.

«— Кто ты такой? вскричалъ онъ страшнымъ голосомъ, отложивъ трубку.

«— Такой же, какъ и ты, убійца! только еще начинающій!

«Онъ пристально взглянулъ на меня, и снова взялся за трубку.

«— Ты не изъ здѣшнихъ мѣстъ? сказалъ онъ наконецъ.

«— За три мили отсюда. Хозяинъ *Солнца* въ Л . . . , если ты только слыхалъ обо мнѣ.

«Онъ вскочилъ, какъ изступленный.

«— Стрѣлокъ Вольфъ? вскричалъ онъ.

«— Онъ самый.

«— Милости просимъ, товарищъ! милости просимъ! вскричалъ онъ, сильно пожимая мнѣ руки. — Я радъ, что вижу тебя наконецъ, Вольфъ! Года и дни мечталъ я завладѣть тобою. Я очень хорошо знаю тебя! Я знаю все! Я давно рассчитывалъ на тебя!

«— Рассчитывалъ на меня? Какъ-такъ?

«— Ты извѣстенъ во всемъ округѣ. У тебя есть враги; тебя преслѣдовала полиція, Вольфъ! Тебя уничтожили; съ тобой поступили вопіющимъ образомъ.

«Онъ горячился.

«— За то, что ты застрѣлилъ пару кабановъ, которыхъ герцогъ кормить на нашихъ пашняхъ и поляхъ, тебя продержали цѣлые года въ смиренномъ

домъ да въ тюрьмѣ, отобрали у тебя домъ и хозяйство, довели тебя до нищеты. Или ужъ дошло до того, братецъ, что человѣкъ стоитъ не больше зайца? Или мы не лучше скотины, что бродить въ полѣ? И такой молодецъ, какъ ты, могъ это позволить?

«— Да развѣ я могъ измѣнить это?

«— А вотъ увидимъ! Да скажи же мнѣ, откуда ты теперь и какое твое намѣреніе?

«Я рассказалъ ему всѣ свои приключенія. Товарищъ мой, не дожидаясь конца, вскочилъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ и повлекъ меня.

«— Идемъ, братъ Вольфъ! сказалъ онъ: — теперь ты готовъ, теперь ты мой! Теперь-то мнѣ и нужно тебя. Мы съ тобой прославимся! Идемъ!

«— Куда ты ведешь меня?

«— Не спрашивай много. Идемъ!

«Онъ силой потащилъ меня

«Мы прошли съ четверть мили. Лѣсъ становился все глуше, гуще и неприступнѣе; мы шли, не говоря ни слова, пока свистъ моего товарища не вывелъ меня изъ задумчивости. Я осмотрѣлся; мы стояли на крутомъ обрывѣ скалы, изгибающейся глубокимъ ущельемъ. Внизу слышался другой свистъ, и изъ глубины ея, словно сама собой, начала тихо подниматься лѣстница. Спутникъ мой первый сталъ спускаться, велѣвъ мнѣ дожидаться, пока онъ не воротится.

«— Прежде мнѣ надо привязать на цѣпь собаку, прибавилъ онъ: — а то бестія разорветъ тебя!

«Тутъ онъ ушелъ.

«Я остался одинъ передъ пропастью, и очень хорошо зналъ, что я одинъ. Неосторожность моего проводника не укрылась отъ моего вниманія. Мнѣ стоило

только рѣшиться вытащить лѣстницу; я былъ бы свободенъ и бѣгство мое было бы безопасно. Признаюсь, все это я предвидѣлъ. Я взглянулъ въ пропасть, куда долженъ былъ спуститься; она смутно напомнила мнѣ пучину ада, откуда нельзя уже болѣе высвободиться. Я началъ страшиться поприща, на которое хотѣлъ вступить; только быстрый побѣгъ могъ спасти меня. Я рѣшился бѣжать — уже протянулъ руку за лѣстницей — но вдругъ въ ушахъ моихъ раздались слова, произнесенные какъ будто съ адскимъ насмѣшливымъ хохотомъ: «На что можетъ надѣяться убійца?» — и рука моя опустилась. Счеты мои были покончены; время раскаянія миновало; совершенное мной убійство, какъ скала, лежало за мной, и на вѣки преграждало мнѣ возвратный путь. Вскорѣ появился мой проводникъ, и объявилъ мнѣ, что я могу идти. Теперь уже не время было выбирать. Я спустился внизъ.

«Мы прошли нѣсколько шаговъ подъ стѣной скалы; ущелье разширялось, и тутъ показалось нѣсколько хижинъ. Посреди ихъ была лужайка, на которой лежало около костра восемнадцать или двадцать человѣкъ.

«— Вотъ, товарищи, сказалъ проводникъ мой, подводя меня къ кружку: — вотъ нашъ Вольфъ! примите его!

«— Вольфъ! вскрикнули всѣ, и всѣ, мужчины и женщины, встали и окружили меня. Надо ли говорить, что радость была нелицемерна и отъ души? На всѣхъ лицахъ виднѣлось довѣріе и даже уваженіе; кто пожималъ мнѣ руку, кто дружески дергалъ меня за платье; всѣ, казалось, встрѣчали дорогаго, стараго знакомаго. Приходъ мой прервалъ только что начавшійся обѣдъ. Всѣ снова усѣлись, и заставили меня пить за ихъ и

свое здоровье. Обѣдъ состоялъ изъ разнаго рода дичи, и стаканы съ виномъ то-и-дѣло переходили изъ рукъ въ руки. Довольство и согласіе, казалось, соединяли эту шайку, и всѣ старались выказать мнѣ пріязнь свою.

«Меня усадили за обѣдомъ на почетное мѣсто, между двухъ женщинъ. Я ожидалъ встрѣтить тутъ нѣчто отвратительное; но каково было мое удивленіе, когда я увидалъ среди этой постыдной шайки двухъ прекраснѣйшихъ женщинъ, какихъ когда либо встрѣчалъ. Маргарита, старшая и красивѣйшая изъ двухъ, называлась дѣвицей, и ей едва ли было двадцать пять лѣтъ. Она говорила слишкомъ нагло, а движенія ея выражали еще болѣе. Марія, младшая, была за-мужемъ, но ушла отъ мужа, дурно обращавшагося съ ней. Она была болѣе образована, но блѣдна и худа, и не такъ бросалась въ глаза, какъ ея страстная сосѣдка. Обѣ онѣ другъ передъ другомъ старались разжечь мои желанья; прекрасная Маргарита наглыми шутками хотѣла преодолѣть мою застѣнчивость, но она не нравилась мнѣ, а робкая Марія на вѣки покорила мое сердце.

« — Видишь, братъ Вольфъ, началъ приведшій меня товарищъ: — какъ мы живемъ другъ съ другомъ; всѣ дни проходятъ, какъ сегодняшній. Не такъ ли, товарищи?

« — Всѣ, какъ сегодняшній! повторила вся шайка.

« — Такъ хочешь ли ты рѣшиться на нашу жизнь? Если да, то — по рукамъ, и будь нашимъ атаманомъ! Атаманомъ былъ до сихъ поръ я; но теперь уступаю мѣсто тебѣ. Довольны ли вы, товарищи?

« Радостное «да» послышалось со всѣхъ сторонъ.

« Голова у меня горѣла; мысли притупились; отъ вина и желаній кипѣла вся кровь. Свѣтъ отвергъ меня,

какъ зачумленнаго; а тутъ я встрѣтилъ братскій пріемъ, довольство и почестъ. Чтò бы я ни выбралъ, меня ожидала смерть; но тутъ по крайней мѣрѣ я могъ продать жизнь лишь за дорогую цѣну. Всего сильнѣе говорило во мнѣ сладострастіе; до сихъ поръ женскій полъ показывалъ мнѣ одно презрѣніе; тутъ же ожидали меня благосклонность и необузданное наслажденіе. Не многого стоило мнѣ рѣшиться.

« — Я остаюсь у васъ, товарищи! громко и рѣшительно вскричалъ я, и вышелъ на средину кружка. — Я остаюсь у васъ! вскричалъ я еще разъ: — если вы уступите мнѣ мою хорошенькую сосѣдку!

« Всѣ согласились исполнить мое желаніе; я былъ объявленъ обладателемъ Маріи и атаманомъ разбойничьей шайки.»

Я не привожу дальнѣйшихъ признаній Вольфа, потому что въ нихъ, кромѣ гадкаго, нѣтъ ничего, и они не могутъ быть поучительны для читателя. Несчастный, упавшій такъ низко, долженъ былъ наконецъ позволить себѣ все, возмущающее душу; но онъ не былъ во второй разъ убійцей, какъ самъ показалъ на пыткѣ.

Слава его скоро разнеслась по всей провинціи. Дороги перестали быть безопасными; ночныя нападенія беспокоили жителей; имя Христіана Вольфа сдѣлалось страшилищемъ для поселянъ; полиція искала его, и за голову его была назначена награда. Ему посчастливилось уничтожить всѣ попытки — лишить его свободы, и онъ хитро употребилъ для своей безопасности суевѣріе крестьянъ. Товарищи его должны были распускать слухи, что онъ въ союзѣ съ дьяволомъ и умѣетъ колдовать. Округъ, гдѣ онъ игралъ эту роль, принадлежалъ тогда еще менѣе, чѣмъ теперь, къ про-

свѣщенной Германіи; этимъ слухамъ вѣрили, и онъ былъ въ безопасности. Ни у кого не было охоты связываться съ опаснымъ человѣкомъ, у котораго въ услуженіи чортъ.

Онъ занимался годъ этимъ печальнымъ ремесломъ, и оно начинало становиться ему невыносимымъ. Шайка, во главѣ которой онъ стоялъ, не оправдала его блестящихъ ожиданій. Обольстительная внѣшность ослѣпила его тогда, отуманеннаго виномъ; теперь онъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ глубоко былъ обманутъ. Голодъ и нужда смѣнили излишество, которымъ успокоили его на первый разъ; часто приходилось ему рисковать жизнью изъ за обѣда, едва спасавшаго отъ голодной смерти. Призракъ прежнихъ братскихъ отношеній исчезъ; зависть, злоба и ревность кипѣли въ этой преступной шайкѣ. Полиція обѣщала награду тому, кто представитъ Вольфа живаго, если же это сдѣлаетъ кто-либо изъ соучастниковъ его, то торжественное прощеніе.... Это было сильнымъ искушеніемъ для отверженцевъ отъ міра! Несчастный зналъ грозившую ему опасность. Честность людей, измѣнившихъ человѣчеству и Богу, была ему плохимъ залогомъ. Съ этого времени онъ потерялъ сонъ; постоянный страхъ смерти погубилъ его спокойствіе; отвратительный призракъ подозрѣнія постоянно былъ съ нимъ, куда бы онъ ни шелъ; онъ мучилъ его днемъ, ложился подлѣ него ночью, и пугалъ его страшными снами. Смолкнувшая совѣсть снова заговорила, и заснувшая змѣя раскаянія пробудилась при этой общей бурѣ въ его груди. Вся ненависть его отвортилась отъ человѣчества и направила жало свое на него самого. На этотъ разъ онъ простилъ все природѣ, и проклиналъ только одного себя.

Порокъ уже болѣе не привлекалъ несчастнаго; его природный здравый смыслъ побѣдилъ наконецъ печальное обольщеніе. Тутъ онъ почувствовалъ, какъ низко упалъ; громкое отчаяніе смѣнилось тихимъ уныніемъ. Со слезами желалъ онъ возврата прошедшаго; на этотъ разъ онъ зналъ, что повторилъ бы жизнь совершенно иначе. Онъ сталъ надѣяться, что еще смѣетъ быть честнымъ, потому что чувствовалъ, что можетъ имъ быть. На высшей точкѣ своей испорченности онъ былъ ближе къ добру, чѣмъ можетъ-быть передъ первымъ своимъ проступкомъ.

Именно въ это время вспыхнула семилѣтняя война, и производился усиленный наборъ; на этомъ обстоятельстве несчастный основалъ свои надежды, и написалъ письмо къ своему государю, которое я приведу вкратцѣ:

«Если Вашему царственному милосердію не противно снизойти до меня, если подобный мнѣ преступникъ не внѣ Вашего состраданія, то выслушайте меня, Ваше Величество! Я убійца и воръ; законъ приговорилъ меня къ смерти; полиція ищетъ меня. . . . а я предлагаю добровольно явиться. Но къ престолу Вашему я повергаю странную просьбу. Я не дорожу своей жизнью, и не боюсь смерти; но мнѣ страшно умереть не живши. Я желалъ бы жить, чтобы примириться съ государствомъ, которое оскорбилъ. Казнь моя будетъ примѣромъ для людей, но не платою за мои проступки. Я ненавижу порокъ, и горячо стремлюсь къ чести и добродѣтели. Я выказалъ способность вредить своему отечеству; но надѣюсь, что могу быть и полезнымъ ему.

«Я знаю, что требую чего-то неслыханнаго. Я за-

служилъ смерть; мнѣ нечего дѣлать условія съ правосудіемъ. Но я являюсь къ Вамъ не въ цѣпяхъ и не связаннымъ — я еще свободенъ — и страхъ всего менѣе играетъ роль въ моей просьбѣ.

« Я прошу у Васъ милости. У меня нѣтъ права на судебное оправданіе, да хотя бы и было, я уже не хочу его. — Но судьямъ своимъ я могу напомнить вотъ что. Преступленія мои начались съ того самаго времени, какъ меня навсегда лишили чести. Если бы мнѣ тогда не отказали въ справедливости, я можетъ быть не нуждался бы теперь въ помилованіи.

« Замѣните милостью правосудіе, Государь! Если во власти Вашего Величества умолить для меня законъ, то подарите мнѣ жизнь! Отнынѣ она будетъ посвящена на службу Вамъ. Если Вамъ возможно, объявите въ газетахъ высочайшую Вашу милость, и я явлюсь въ столицу, вѣря въ Ваше слово. Если же Вы рѣшите поступить со мной иначе, пусть правосудіе дѣлаетъ свое дѣло, а я буду дѣлать свое! »

Просьба эта осталась безъ отвѣта, какъ и вторая и третья, которыми Вольфъ просилъ мѣста солдата въ войскѣ герцога. Надежда на прощеніе совершенно исчезла въ немъ, и онъ рѣшился бѣжать изъ герцогства, и умереть храбрымъ солдатомъ въ службѣ короля прусскаго.

Онъ счастливо ускользнулъ отъ своей шайки и пустился въ путь. Дорога его шла черезъ маленькій уѣздный городъ, гдѣ онъ хотѣлъ переночевать. Незадолго передъ тѣмъ по всему герцогству былъ подтвержденъ приказъ строже осматривать проѣзжихъ, потому что герцогъ принялъ участіе въ войнѣ. Смотритель заставы этого городка получилъ также это подтвержденіе,

и сидѣлъ на скамейкѣ передъ заставой въ то время, какъ Вольфъ подъѣзжалъ. Въ фигурѣ Вольфа было что-то смѣшное, и въ тоже время ужасное и дикое. Худая кляча, на которой онъ ѣхалъ, и причудливой выборъ платья, въ которомъ конечно участвовалъ не столько его вкусъ, сколько исторія его воровства, странно противорѣчили лицу, на которомъ отражались бѣшенныя страсти, подобно обезображеннымъ трупамъ на полѣ сраженія. Смотрителя заставы поразилъ видъ этого страннаго путешественника. Онъ посѣдѣлъ, сидя у заставы, и сорокалѣтняя служба развила въ немъ способность безошибочно узнавать бродягъ по физиономіи. Ястребиный взглядъ служаки и тутъ не ошибся. Онъ тотчасъ же заперъ городскія ворота, и спросилъ у всадника паспортъ, завладѣвъ поводьями лошади. Вольфъ приготовился на всякой подобный случай, и у него былъ паспортъ, который онъ незадолго передъ тѣмъ взялъ у ограбленнаго купца. Но этого единственнаго доказательства было недостаточно, чтобы опровергнуть сорокалѣтнюю наблюдательность и успокоить смотрителя. Своимъ глазамъ онъ вѣрилъ болѣе, чѣмъ бумагѣ, и Вольфъ былъ принужденъ идти за нимъ къ ратушѣ.

Главный мѣстный судья осмотрѣлъ паспортъ, и нашелъ его вѣрнымъ. Это былъ большой любитель новостей и въ особенности любилъ поболтать о газетахъ за бутылкою вина. Изъ паспорта онъ увидѣлъ, что путешественникъ ѣдетъ изъ непріятельской страны, гдѣ происходила война. Онъ надѣялся узнать частныя слухи отъ незнакомца, и послалъ съ паспортомъ секретаря попросить проѣзжаго на бутылку вина.

Вольфъ между тѣмъ стоялъ передъ ратушей; смѣш-

ной видъ его собралъ вокругъ толпу городской черни. Всѣ шептались, указывая на лошадь и на всадника; насмѣшки разразились наконецъ громкимъ шумомъ. Къ несчастію лошадь, на которую всѣ указывали пальцами, была краденая; Вольфъ вообразилъ, что лошадь описана въ объявленіяхъ, и теперь узнана. Неожиданное гостепріимство судьи увеличило его подозрѣніе. На этотъ разъ онъ былъ совершенно увѣренъ, что обманъ его паспорта открытъ и приглашеніе это не что иное, какъ ловушка, чтобы схватить его живаго и безъ сопротивленія. Нечистая совѣсть омрачила его голову, онъ пришпорилъ свою лошадь и поскакалъ, не давъ отвѣта.

Внезапный побѣгъ этотъ послужилъ поводомъ къ общему волненію.

— Мошенникъ! кричатъ всѣ, и бросаются за нимъ въ погоню. Дѣло шло о жизни или смерти; всадникъ уже ускакалъ далеко впередъ; преслѣдователи его задыхаются; спасеніе близко — но надъ нимъ тяготѣетъ невидимая тяжелая рука; часы его уже сосчитаны; неумолимая Немезида задерживаетъ своего должника. Улица, въ которую онъ въѣхалъ, оказалась глухою, и оканчивалась сплошнымъ угломъ; онъ долженъ былъ повернуть лошадь назадъ, къ своимъ преслѣдователямъ.

Между тѣмъ слухъ объ этомъ происшествіи привелъ въ движеніе весь городокъ; толпа собиралась за толпой; всѣ улицы были заняты. Вольфа окружили. Онъ показываетъ пистолетъ — и народъ отступаетъ; онъ силою хочетъ проложить себѣ дорогу сквозь толпу.

— Этотъ выстрѣлъ, кричитъ онъ: — положить на мѣстѣ того, кто вздумаетъ схватить меня.

Все смолкло отъ страха — вдругъ одинъ храбрый

слесарь хватаетъ его сзади за руку и вывихиваетъ ему палецъ, которымъ несчастный хотѣлъ уже спустить курокъ. Пистолетъ выпадаетъ у него изъ рукъ; обезоруженнаго Вольфа стаскиваютъ съ лошади, и съ торжествомъ ведутъ въ ратушу.

— Кто вы такой? спрашиваетъ судья довольно грубымъ тономъ.

— Человѣкъ, рѣшившійся не отвѣчать ни на какіе вопросы, пока ихъ не сдѣлаютъ вѣжливіе.

— Кто вы такой?

— Я тотъ, за кого выдалъ себя. Я проѣхалъ всю Германію, но нигдѣ не встрѣчалъ такого безстыдства, какъ здѣсь.

— Вашъ поспѣшный побѣгъ дѣлаетъ васъ подозрительнымъ. Зачѣмъ вы бѣжали?

— Потому-что меня утомили насмѣшки вашего народа.

— Вы угрожали выстрѣломъ.

— Пистолетъ мой не заряженъ.

Пистолетъ осмотрѣли: въ немъ не было пули.

— Зачѣмъ у васъ было спрятано оружіе?

— Потому-что со мной есть драгоцѣнныя вещи, и меня предостерегали отъ извѣстнаго Христіана Вольфа, который бродитъ здѣсь въ окрестности.

— Отвѣты ваши доказываютъ вашу смѣлость, но не оправдываютъ васъ. Даю вамъ время до завтра; можетъ быть вы откроете мнѣ истину.

— Я останусь при своемъ.

— Сведите его въ башню!

— Въ башню? Надѣюсь, господинъ судья, что есть же правосудіе въ этой странѣ. — Я буду требовать удовлетворенія.

— Вы и получите его, какъ только будете оправданы.

На слѣдующее утро судья разсудилъ, что незнакомецъ можетъ быть и совершенно невиненъ; повелительнымъ тономъ не преодолѣешь его упрямства, и можетъ быть лучше было бы если бы, его встрѣтили вѣжливо и кротко. Судья собралъ городскихъ присяжныхъ и велѣлъ привести заключеннаго.

— Извините, милостивый государь, если вчера, при общемъ волненіи, я обошелся съ вами нѣсколько грубо.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Законы наши строги, а приключеніе ваше надѣлало шуму. Я не могу освободить васъ, не измѣняя своей обязанности. Обстоятельства противъ васъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы сказали что нибудь, чѣмъ бы можно было уничтожить подозрѣніе.

— Но если я ничего не знаю?

— Въ такомъ случаѣ я долженъ донести правительству о случившемся, а до тѣхъ поръ вы будете подъ строгимъ присмотромъ.

— А потомъ?

— Потомъ вы подвергаетесь опасности быть высланнымъ за границу, или, если дѣло приметъ хорошій оборотъ, попадете въ рекруты.

Вольфъ молчалъ нѣсколько минутъ; казалось, въ немъ происходила сильная борьба; потомъ онъ быстро обратился къ судѣ:

— Можно ли мнѣ на четверть часа остаться съ вами наединѣ?

Присяжные двусмысленно взглянули другъ на друга, но удалились по данному имъ знаку судьи.

— Вчерашнее ваше обращеніе никогда не довело бы меня до признанія, потому-что я не боюсь силы. Но сегодняшнее вѣжливое обращеніе ваше со мною поселило во мнѣ довѣріе и уваженіе къ вамъ. Мнѣ кажется, вы благородный человѣкъ.

— Что хотите вы сказать?

— Я вижу, что вы благородный человѣкъ. Я давно желалъ встрѣтить такого человѣка, какъ вы. Позвольте мнѣ вашу руку!

— Къ чему все это клонится?

— Голова ваша сѣда и почтенна. Вы долго жили въ свѣтѣ — вѣроятно много перенесли горя.... неправда ли? ... и стали человѣчнѣе....

— Милостивый государь! что все это значить?

— Вы уже близки къ вѣчности; скоро — скоро вамъ понадобится милосердіе Господа. — Неужели вы ничего не подозреваете? Съ кѣмъ, полагаете вы, говорите теперь?

— Что такое? вы пугаете меня!

— Неужели вы не угадываете? — Напишите вашему герцогу, какъ нашли меня, и что я самъ добровольно предалъ себя.... что Богъ помилуетъ его, если теперь онъ помилуетъ меня.... Попросите за меня, и поплачьте надъ вашимъ донесеніемъ.... Я Христіанъ Вольфъ!

ИГРА СУДЬБЫ

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТИННАГО ПРОИСШЕСТВІЯ

ИГРА СУДЬБЫ.

Отецъ Алоизія Г*** былъ въ ***ской службѣ, и либеральное воспитаніе рано развило природныя способности мальчика. Еще очень молодымъ, но уже съ основательными познаніями, вступилъ Алоизій въ военную службу. Государь его скоро замѣтилъ, какъ молодаго человѣка съ большими заслугами и съ еще бѣльшими надеждами. Г*** былъ въ полномъ цвѣтѣ молодости, герцогъ также; Г*** былъ живъ и предприимчивъ; герцогъ былъ таковъ же и любилъ подобныя характеры. Обращеніе свое Г*** умѣлъ оживлять богатымъ остроуміемъ и познаніями; въ какомъ бы обществѣ онъ ни находился, онъ всегда умѣлъ развеселить его своею ровной любезностью, и воодушевлялъ всѣхъ окружающихъ. Герцогъ умѣлъ цѣнить добродѣтели, которыми самъ обладалъ въ высшей степени. Во всѣхъ его предпріятіяхъ, даже въ самыхъ играхъ, былъ какой то оттѣнокъ величія; препятствія не пугали его, и никакой промахъ не могъ поколебать его

твердости. Цѣну этихъ достоинствъ увеличивали прекрасный ростъ, цвѣтущее здоровье и геркулесовская сила, одушевленные краснорѣчивой игрой живаго ума; во взглядѣ его, походкѣ и манерахъ было врожденное величіе, смягченное благородною скромностью. Герцогъ былъ очарованъ умомъ своего юнаго товарища, плѣнительная наружность котораго также привлекала къ нему. Одинакія лѣта, сходство наклонностей и характеровъ скоро образовали между ними сильную дружбу и горячую, страстную любовь. Къ Г*** чины летѣли зачинами; но эти внѣшніе знаки были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ былъ дорогъ герцогу. Счастіе его возрастало съ удивительной быстротой, потому что оно зависило отъ его повелителя и страстнаго друга. Ему еще не было двадцати двухъ лѣтъ, а онъ уже достигъ такой высоты, которою другіе счастливыцы оканчиваютъ свое поприще. Дѣятельный умъ его не могъ оставаться долго въ праздности, или довольствоваться блестящими послѣдствіями величія, къ основательному пользованію которымъ онъ чувствовалъ довольно мужества и силъ. Между тѣмъ какъ герцогъ предавался удовольствіямъ, молодой любимецъ зарылся въ актахъ и книгахъ, и прилежно посвятилъ себѣ дѣламъ; онъ скоро такъ ловко и вполнѣ овладѣлъ ими, что не было дѣла хотя сколько нибудь важнаго, которое бы не проходило черезъ его руки. Изъ товарища удовольствій скоро онъ сдѣлался первымъ совѣтникомъ, министромъ и наконецъ господиномъ своего государя. Скоро доступъ къ послѣднему былъ только черезъ него. Онъ раздавалъ всѣ должности и достоинства; всѣ награды шли изъ рукъ его.

Г*** достигъ этого величія въ слишкомъ молодыхъ

лѣтахъ и слишкомъ быстрыми шагами, чтобы умѣренно пользоваться имъ. У него закружилась голова отъ высоты, на которой онъ себя увидѣлъ; онъ пересталъ быть скромнымъ, лишь только достигнулъ послѣдней цѣли своихъ желаній. Унизительная покорность, съ которою обращались къ нему всѣ первые сановники, стоявшіе по рожденію и заслугамъ гораздо выше его, даже старики, отуманила его высокомеріемъ, и неограниченная власть его скоро образовала въ немъ какую-то жесткость, зародышъ которой и прежде былъ въ его характерѣ, и которая осталась въ немъ, несмотря на всѣ измѣненія счастья. Для друзей никакая услуга не была ему трудна; но враги его трепетали: какъ для первыхъ онъ расточалъ свои благодѣянія, такъ относительно послѣднихъ не сдерживалъ своей мести. Власть свою онъ употреблялъ болѣе на обогащеніе другихъ, чѣмъ самого себя; онъ хотѣлъ, чтобы эти счастливыя преклонялись передъ нимъ, какъ передъ творцемъ ихъ счастья; не минутная прихоть, а несправедливость управляли его дѣйствіями. Высокомернымъ повелительнымъ обращеніемъ отталкивалъ онъ сердца людей, всего болѣе облагодѣтельствованныхъ имъ, и въ то же время обращалъ своихъ соперниковъ и тайныхъ завистниковъ въ непримиримыхъ враговъ.

Въ числѣ людей, смотрѣвшихъ на всѣ дѣла его глазами зависти и втайнѣ готовившихъ его паденіе, былъ піемонтскій графъ Іосифъ Мартиненго изъ свиты герцога; самъ Г*** помѣстилъ его при дворѣ, какъ человека неопаснаго и ему покорнаго, чтобы онъ занялъ въ увеселеніяхъ герцога его мѣсто, надѣвшее ему, и которое ему желалось промѣнять на серіозныя занятія. Такъ какъ онъ смотрѣлъ на этаго человека, какъ на

дѣло рукъ своихъ, которое онъ по желанію могъ разрушить, то и предполагалъ, что страхомъ и благодарностью удержать его привязанность, и сдѣлалъ ту же ошибку, какъ Ришельё, предоставившій ле Грану забавлять Людовика XIII. Но не умѣя исправить этой ошибки съ ловкостью Ришельё, онъ имѣлъ кромѣ того дѣло съ врагомъ гораздо хитрѣе французскаго министра. Въмѣсто того, чтобы гордиться своимъ счастіемъ, и дать почувствовать своему благодѣтелю, что не нуждается въ немъ болѣе, Мартиненго всячески старался выказать свою зависимость отъ него, и все болѣе и болѣе сближался съ нимъ наружною покорностью. Въ то же время онъ не пропускалъ случая чаще бывать съ герцогомъ и пользовался всѣмъ, чтобы мало-по-малу стать ему необходимымъ. Онъ скоро вполнѣ изучилъ характеръ герцога, выведалъ всѣ пути къ его довѣрію, и незамѣтно вкрался въ его милость. Все, что презиралъ министръ, по благородной гордости и природному величію души, итальянецъ привелъ въ дѣйствіе, и не пренебрегалъ самыми низкими средствами для достиженія своей цѣли. Зная, что человѣкъ нигдѣ не нуждается такъ въ товарищѣ и помощникѣ, какъ на пути порока, и что ничто такъ не способствуетъ къ дерзкой короткости, какъ знаніе скрываемыхъ слабостей, онъ пробудилъ въ герцогѣ до сихъ-поръ дремавшія слабости, и тогда самъ предложилъ себя въ повѣренныя и участники. Онъ развилъ въ немъ развратъ, не терпѣвшій свидѣтелей и соучастниковъ, и тѣмъ незамѣтно приучилъ его сообщать ему тайны, никому неизвѣстныя. Такимъ образомъ удалось ему на развращеніи герцога основать свой постыдной планъ счастья, и именно потому, что тайна была для этаго существеннымъ

средствомъ, завладѣлъ онъ сердцемъ герцога прежде, чѣмъ Г*** могъ подумать, что у него есть соперники.

Станнымъ покажется, что такая важная перемѣна ускользнула отъ вниманія министра; но Г*** былъ слишкомъ увѣренъ въ своемъ собственномъ значеніи, чтобы предполагать соперника въ такомъ человѣкѣ, какъ Мартиненго, а итальянецъ напротивъ слишкомъ насторожѣ, чтобы какой нибудь необдуманностію не вывести его изъ этой гордой увѣренности. Причина паденія Г*** была таже, отъ какой падали на скользкомъ пути царскихъ милостей тысячи до него — слишкомъ большая самоувѣренность. Тайныя сношенія Мартиненго съ герцогомъ не беспокоили его. Онъ съ удовольствіемъ уступалъ новому любимцу счастье, которое презиралъ въ душѣ и не считалъ никогда цѣлью своихъ стремлений. Дружба герцога привлекала его только потому, что она одна могла открыть ему дорогу къ высочайшимъ почестямъ, и онъ легкомысленно оттолкнулъ за собой лѣстницу, лишь только вошелъ по ней на желанную высоту.

Мартиненго былъ не такой человѣкъ, чтобы довольствоваться такой второстепенной ролью. Съ каждымъ шагомъ его въ милостяхъ герцога, желанія его становились смѣлѣе, и честолюбіе его начало стремиться къ рѣшительному удовлетворенію. Искусная роль покорнаго слуги, которую онъ все еще игралъ передъ своимъ благодѣтелемъ, тяготила его часъ отъ часу болѣе, по мѣрѣ того, какъ возрастающая милость пробуждала его надмѣнность. Такъ какъ обращеніе съ нимъ министра не улучшалось сообразно съ быстрыми успѣхами милости къ нему герцога, а напротивъ часто повидимому выказывало желаніе унижить его возрастаю-

щую гордость полезнымъ напоминаніемъ о его происхожденіи; то эти принужденныя, противорѣчивыя отношенія стали наконецъ ему такъ несносны, что онъ серьезно задумалъ разомъ покончить ихъ, низпровергнувъ своего соперника. Этотъ планъ созрѣлъ въ немъ подъ непроницаемымъ покровомъ притворства. Онъ еще не рѣшался помѣриться въ открытой борьбѣ съ своимъ соперникомъ, потому что, хотя первый цвѣтъ высочайшей дружбы уже миновалъ, все-таки она началась слишкомъ рано и пустила слишкомъ глубокіе корни въ душѣ юнаго герцога, чтобы такъ быстро изгладиться изъ нея. Самый ничтожный случай могъ возобновить ее съ прежней силой; Мартиненго понялъ, что ударъ, который онъ хотѣлъ нанести, долженъ быть смертельнымъ ударомъ. Что Г*** потерялъ можетъ быть въ любви герцога, то пріобрѣлъ онъ въ его уваженіи; чѣмъ больше послѣдній отстранялся отъ дѣлъ управленія, тѣмъ меньше могъ удалить человека, который соблюдалъ его пользу даже насчетъ выгодъ страны.... прежде былъ онъ дорогъ ему, какъ другъ—теперь сталъ необходимъ ему, какъ министръ.

Какими точно средствами итальянецъ достигъ до цѣли своей, осталось тайною немногихъ, упавшихъ подъ ударомъ и направившихъ его. Предполагаютъ, что онъ показалъ герцогу тайныя собственноручныя письма очень подозрительнаго свойства, которыя Г*** писалъ къ одному изъ сосѣднихъ кабинетовъ; были ли эти письма настоящія, или подложныя, мнѣнія разходятся. Какъ бы то ни было, онъ въ страшной степени достигъ своей цѣли. Г*** явился въ глазахъ герцога неблагодарнѣйшимъ и гнуснѣйшимъ измѣнникомъ, преступленіе котораго было такъ несомнѣнно, что его обвинили

безъ дальнѣйшаго розысканія. Все это произошло въ такой глубокой тайнѣ между герцогомъ и Мартиненго, что Г*** даже не замѣтилъ бури, собравшейся надъ его головой. Опасная самоувѣренность не покидала его до послѣдней минуты, даже когда онъ изъ предмета всеобщаго благоговѣнія и зависти превратился въ предметъ сожалѣнія.

Когда наступилъ рѣшительный день, Г*** по обыкновенію явился на вахтпарадъ. Изъ прапорщика онъ въ нѣсколько лѣтъ достигъ чина полковника; но и этотъ чинъ былъ слишкомъ ничтоженъ для мѣста министра, которое онъ дѣйствительно занималъ, и которое ставило его выше всѣхъ сановниковъ. На вахтпарадѣ обыкновенно гордости его льстили всеобщіе поклоны; тутъ въ продолженіи часа наслаждался онъ своимъ величіемъ и чужимъ благоговѣніемъ, для которыхъ цѣлый день тяжело трудился. Вся знать приближалась къ нему не иначе, какъ съ почтительной робостью; а не вполнѣ увѣренные въ его расположеніи — со страхомъ. Самъ герцогъ, если иногда являлся, былъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи подлѣ своего визиря, потому что гораздо опаснѣе было не понравиться министру, чѣмъ пріобрѣсти нерасположеніе герцога. И это-то мѣсто, гдѣ кланялись ему какъ Богу, было выбрано для ужаснаго зрѣлища его униженія.

Беззаботно подошелъ онъ къ хорошо знакомому кружку, подобно ему не знавшему, что должно было случиться; и на этотъ разъ, какъ всегда, кружекъ почтительно разступился передъ нимъ, ожидая приказаній. Вскорѣ явился, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ, и Мартиненго, но уже не уступчивымъ, низкопоклоннымъ, улыбающимся придворнымъ, а дерзкимъ, му-

жицки-спѣсивымъ лакеемъ, превратившимся въ барина. Твердыми шагами подходитъ онъ къ Г*** и, не снимая шляпы, именемъ герцога требуетъ его шпагу. Г*** подаетъ ему ее въ безмолвномъ удивленіи; Мартиненго упирается обнаженнымъ клинкомъ въ землю, ногой переламливаетъ его, и бросаетъ обломки къ ногамъ Г***. По этому знаку оба адъютанта бросаются на Г***, одинъ срываетъ съ груди его звѣзду, другой эполеты, аксельбантъ и перья со шляпы. Въ продолженіе всей этой ужасной операціи, сдѣланной съ удивительной быстротой, пятьсотъ человѣкъ стоятъ кругомъ въ такомъ молчаніи, что не слышно ни одного вздоха. Съ блѣдными лицами, съ бьющимися сердца, въ смертельномъ ужасѣ стоитъ испуганная толпа; Г*** переживаетъ, во время этой странной сцены, минуту, какую испытываютъ только на эшафотѣ. На его мѣстѣ тысяча другихъ отъ перваго ужаса упали бы безъ чувствъ на полъ; но его крѣпкія нервы и твердая душа вынесли это ужасное состояніе, и онъ вытерпѣлъ весь ужасъ его.

Лишь только сцена эта кончилась, его повели по рядамъ безчисленныхъ зрителей къ концу площади, гдѣ ждала его карета. Безмолвнымъ знакомъ приказываютъ ему сѣсть въ нее, и отрядъ гусаръ провожаетъ его. Вѣсть объ этомъ происшествіи распространилась между тѣмъ по всей столицѣ; всѣ окна отворяются; всѣ улицы наполнились любопытными, которые бѣгутъ за поѣздомъ съ крикомъ и то съ насмѣшкой, то со злой радостью или съ еще болѣе обиднымъ сожалѣніемъ повторяютъ его имя. Наконецъ вывозятъ его изъ города, но тутъ ожидаетъ его новый ужасъ. Карета сворачиваетъ въ сторону отъ большой дороги, на без-

людный проселокъ, ведущій къ висѣлицѣ, куда везутъ его тихо по именному приказанію герцога. Давши Г*** время испытать весь ужасъ и страхъ смерти, карета снова выѣхала на дорогу болѣе людную. Въ палящій жаръ, съ страшной жаждой и безъ всякаго утѣшенія, онъ провелъ семь ужасныхъ часовъ въ этой каретѣ, которая наконецъ къ вечеру остановилась передъ крѣпостью. Его вынесли изъ кареты безъ чувствъ, въ состояніи между жизнью и смертью (голодъ и томительная жажда осилили наконецъ его мощную натуру), и онъ уже очнулся въ ямѣ подъ землею. Когда онъ открылъ глаза, первая представилась ему темная тюремная стѣна, слабо освѣщенная свѣтомъ мѣсяца, проходившимъ въ щели на девятнадцать футовъ выше его. Подлѣ себя онъ находитъ кусокъ черстваго хлѣба и кружку воды; по другой сторонѣ связка соломы вмѣсто постели. Онъ пробылъ въ этомъ состояніи до слѣдующаго дня, когда наконецъ въ серединѣ ямы открылось отверстіе, показали двѣ руки и въ висячей корзинкѣ спустили ему такой же обѣдъ, какъ наканунѣ. Тутъ въ первый разъ послѣ этой ужасной переменны судьбы, отъ горя и страданія вырвались у него вопросы: какъ онъ очутился здѣсь? и въ чемъ онъ виноватъ? Но сверху не дали отвѣта; руки исчезли и отверстіе снова закрылось. Не видя лица человѣческаго, даже не слыша голоса, не зная рѣшенія своей ужасной судьбы, въ страшномъ сомнѣніи о будущемъ, такъ же какъ и о прошедшемъ, не освѣщенный ни однимъ чистымъ солнечнымъ лучемъ, не освѣженный свѣжимъ вѣтеркомъ, удаленный отъ всякой помощи, забытый свѣтомъ, насчиталъ онъ въ этомъ проклятомъ мѣстѣ четыреста девяносто страшныхъ дней; онъ считалъ ихъ по жал-

кимъ кускамъ хлѣба, которые печально и однообразно спускались къ нему каждый полдень. Открытіе, сдѣланное имъ еще въ первый день его пребыванія тутъ, довершило его несчастіе. Мѣсто это было ему знакомо— онъ самъ, изъ низкой мести, велѣлъ выстроить его за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, чтобы заключить одного заслуженнаго офицера, которому случилось навлечь на себя его неудовольствіе. Съ находчивой жестокостью онъ самъ изобрѣлъ средство сдѣлать печальнѣе пребываніе въ этой тюрьмѣ. Онъ недавно еще самъ лично пріѣзжалъ сюда, осмотрѣть постройку, и поторопить окончаніе ея. Для дополненія его мученій должно же было такъ случиться, что офицеръ, котораго Г*** назначалъ въ эту тюрьму, старый достойный полковникъ, получилъ мѣсто только что умершаго коменданта крѣпости, и изъ жертвы мести Г*** сдѣлался властелиномъ его судьбы. Такимъ образомъ Г*** лишился и послѣдняго печальнаго утѣшенія — сожалѣть о самомъ себѣ, и доказывать несправедливость судьбы, какъ бы она не была къ нему жестока. Къ его душевному горю присоединилось еще бѣшеное презрѣніе къ самому себѣ, и несчастіе, самое горькое для гордаго сердца, зависть отъ великодушія врага, съ которымъ самъ онъ не былъ великодушенъ.

Но этотъ честный человѣкъ былъ слишкомъ благороденъ для низкой мести. Его человѣколюбивому сердцу было тяжело строго обращаться съ заключеннымъ; но, какъ старый солдатъ, онъ привыкъ слѣпо повиноваться приказамъ, и ему оставалось только жалѣть несчастнаго. Г*** нашелъ дѣятельнаго помощника въ пасторѣ крѣпостнаго гарнизона. Пасторъ былъ тронутъ несчастіями заключеннаго, объ которыхъ онъ поздно

узналъ по неяснымъ слухамъ, и тотчасъ же рѣшился сдѣлать что-нибудь для облегченія ихъ. Этотъ почтенный пасторъ, имя котораго къ сожалѣнію я долженъ умолчать, желалъ исполнить свой пастырскій долгъ помощью несчастному.

Такъ-какъ онъ не могъ получить позволенія отъ коменданта крѣпости видѣть заключеннаго, онъ самъ отправился въ столицу, чтобы тамъ лично попросить объ этомъ герцога. Онъ бросился къ его ногамъ, и умолялъ сжалиться надъ несчастнымъ, который томится безъ христіанской помощи, въ которой не отказываютъ даже самымъ страшнымъ преступникамъ, и можетъ быть уже близокъ къ отчаянію. Безъ боязни и съ достоинствомъ, основаннымъ на сознаніи своего долга, требовалъ онъ свободнаго доступа къ страдальцу, своему духовному сыну, за душу котораго онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ. Онъ говорилъ за доброе дѣло, и былъ краснорѣчивъ; притомъ время уже нѣсколько охладило первый гнѣвъ герцога. Онъ согласился на желаніе пастора — обрадовать своимъ посѣщеніемъ заключеннаго.

Несчастный Г*** черезъ шестнадцать мѣсяцевъ увидѣлъ въ первый разъ лицо человѣческое. Единственнымъ другомъ своимъ въ мірѣ онъ былъ обязанъ несчастію: въ счастіи онъ не успѣлъ нажить друзей! Посѣщеніе пастора было для него явленіемъ ангела. Я не описываю чувствъ его. Но съ этого дня слезы потекли у него легче, потому-что онъ не одинъ оплакивалъ себя.

Пасторомъ овладѣлъ ужасъ, когда онъ вошелъ въ тюрьму. Глаза его искали человѣка; но на мѣстѣ, похожемъ скорѣе на логовище дикаго звѣря, чѣмъ на

постель разумнаго существа, показалось страшное чудовище. Это былъ блѣдный скелетъ; вся жизнь исчезла съ лица, на которомъ горе и отчаяніе положило глубокіе слѣды; борода и ногти выросли до ужасныхъ размѣровъ; платье почти сгнило, и воздухъ былъ заразителенъ отъ нечистоты... Вотъ какимъ нашелъ онъ этого любимца счастья, и желѣзное здоровье его все это вынесло! Въ себя отъ этого зрѣлища, пасторъ тотчасъ же отправился къ коменданту, чтобы оказать еще одно благодѣяніе несчастному, безъ котораго первое было совершенно ничтожнымъ.

Такъ-какъ комендантъ и на этотъ разъ отговорился точнымъ повелѣніемъ, онъ великодушно рѣшился на вторичную поѣздку въ городъ, чтобы еще разъ просить милости герцога. Онъ объяснилъ, что не можетъ удостоить заключеннаго Святыхъ Христовыхъ Тайнъ, пока не возвратятъ ему нѣкотораго пособія человѣческаго. И эта просьба была исполнена, и съ этого дня снова ожилъ несчастный.

Г*** пробылъ въ крѣпости еще нѣсколько лѣтъ, но уже въ болѣе сносномъ положеніи, потому-что краткое лѣто новаго любимца скоро миновалось, и его смѣнили другіе, болѣе человѣколюбивые, или неимѣвшіе причины мстить Г***. Наконецъ, послѣ десятилѣтняго заключенія, для него насталъ день освобожденія; но не было произведено ни судебного слѣдствія, ни законнаго оправданія. Онъ былъ освобожденъ какъ-бы изъ милости; въ то-же время ему было велѣно навсегда оставить родину.

Тутъ прекращаются извѣстія, собранныя мною о его удѣлѣ изъ устныхъ преданій, и я принужденъ пропустить цѣлыя двадцать лѣтъ. Въ продолженіе этого вре-

мени Г*** снова началъ свое служебное поприще въ военной службѣ за границей и достигъ до той же степени, съ которой такъ ужасно былъ низвергнутъ въ своемъ отечествѣ. Наконецъ время, этотъ другъ несчастныхъ, правосудіе котораго дѣйствуетъ хотя тихо, но не останавливаясь, рѣшило это дѣло. Года страстей герцога уже прошли, и по-мѣрѣ того, какъ голова его сѣдѣла, онъ становился человѣчнѣе. За два шага отъ гроба пробудилось въ немъ страстное стремленіе къ любимцу своей юности. Чтобы по возможности наградить старца за оскорбленія, претерпѣнныя имъ въ молодости, онъ дружески приглашаетъ изгнанника возвратиться на родину. Серце Г*** давно уже стремилось къ этому. Свиданіе было трогательно, пріемъ тепелъ и сердеченъ, какъ будто друзья только-что вчера разстались. Глаза герцога задумчиво остановились на лицѣ, столь хорошо ему знакомомъ и въ то-же время столь чуждомъ; казалось, онъ искалъ въ немъ знаковъ горя, имъ самимъ нанесеннаго. Внимательно искалъ онъ въ лицѣ старца милыхъ чертъ юноши, но уже не нашелъ ихъ. Оба они принуждали себя къ холодной короткости. Стыдъ и страхъ на вѣки разлучили эти два сердца. Видъ человѣка, напоминавшаго герцогу печальную опрометчивость, не могъ быть ему пріятенъ. Г*** же не могъ болѣе любить виновника своего несчастія. Но въ прошедшее онъ смотрѣлъ тихо и спокойно, какъ человѣкъ, радующійся, что прекратился тяжелый сонъ.

Вскорѣ Г*** снова пріобрѣлъ всѣ свои прежніе чины, и герцогъ побѣждалъ свое душевное нерасположеніе, чтобы блестящимъ образомъ загладить прошедшее. Но могъ ли онъ возвратить ему сердце, которое на вѣки лишилъ житейскихъ наслажденій? Могъ ли онъ

возвратить ему года надеждъ, или выдумать для отжившаго старца такое счастье, которое хотя бы не много замѣнило то, котораго онъ лишилъ его въ юности.

Еще девятнадцать лѣтъ наслаждался Г*** яснымъ закатомъ своей жизни. Ни удары судьбы, ни года, ни что не уничтожило пыла его страстей, и не затмило его яснаго ума. Еще на семидесятомъ году гнался онъ за тѣнью того блага, которымъ обладалъ въ двадцать лѣтъ. Онъ умеръ комендантомъ крѣпости***, гдѣ содержались государственные преступники. Можно было ожидать, что Г*** будетъ человѣколюбиво обращаться съ людьми, несчастіе которыхъ онъ зналъ по опыту; но напротивъ онъ былъ жестокъ и капризенъ съ ними, и припадокъ злости на одного изъ нихъ свелъ его въ могилу.

ПРИЛОЖЕНІЯ

СЦЕНА

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ ТРАГЕДІИ ШИЛЛЕРА:

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Выксинская пустыня.

Царица Марѳа. Патріархъ Іовъ.

ПАТРИАРХЪ.

Великій царь прислалъ меня къ тебѣ:
Онъ не забылъ тебя на тронѣ дальномъ;
Какъ солнце, окомъ пламеннымъ, повсюду
И свѣтъ и жизнь ліетъ на міръ широкій,
Такъ на свои владѣнья неусыпно
Взоръ всеобъемлющій бросаетъ царь,
И до границъ послѣднихъ и безвѣстныхъ,
Его державу глазъ его блюдетъ.

МАРѢА.

Что отъ него спастись нельзя, я знаю.

ПАТРІАРХЪ.

Твоей души высокой благородство
Онъ вѣдаетъ, и раздѣляетъ съ гнѣвомъ
Обиду, нанесенную тебѣ.
Узнай: преступникъ изъ земли Литовской,
Злой еретикъ, монашеской обѣтъ
Отвергнувшій, чернецъ богоотступный,
Обманомъ наглымъ оскверняетъ имя
Погибшаго младенца твоего;
Тебя онъ матерью зоветъ, и смѣетъ
Наслѣдникомъ наречься Іоанна.
Нарушивъ миръ, коварный воевода
Ведетъ на насъ, съ враждебною дружиной,
Замышленнаго имъ же лжецаря;
И сказкой православныхъ умъ смущая,
Измѣну поджигаетъ и мятежъ.
Меня къ тебѣ, съ заботою отцовской,
Великій царь прислалъ: ты память чтишь
Царевича, и не допустишь ты,
Чтобъ имя сына твоего изъ гроба
Укралъ злодѣй, чтобъ дерзостный бродяга
Въ его права втѣснился своевольно.
Объявишь ты предъ цѣлою Москвою,
Что хищника не признаешь; въ объятъя
Не примешь беззаконника чужаго;
Ты нынѣ, царь увѣренъ въ этомъ, съ гнѣвомъ
Безсовѣстный обманъ изобличишь.

МАРОА.

Что слышу, отче патріархъ! Скажи,
Чѣмъ вымыселъ свой дерзкій подтверждаетъ?
Чѣмъ доказать пришлецъ безвѣстный можетъ,
Что истинный онъ Іоанна сынъ?

ПАТРИАРХЪ.

Какъ слышно, нѣкимъ сходствомъ съ Іоанномъ,
Бумагами, найденными случайно
И рѣдкое сокровище онъ кажетъ,
Которымъ убѣждаетъ хитроумно
Всегда обманамъ преданную чернь.

МАРѢА.

Сокровище? какое? — отвѣчай!

ПАТРИАРХЪ.

Крестъ золотой, камнями драгими
Осыпанный и лжетъ обманщикъ дерзкій,
Что данъ ему отцомъ онъ крестнымъ, княземъ
Мстиславскимъ.

МАРѢА.

Какъ! онъ кажетъ этотъ крестъ? . . .

(Удерживаясь.)

Чтожь объявилъ онъ о своей судьбѣ?

ПАТРИАРХЪ.

Онъ выдумалъ, что спасъ его отъ смерти
Какой-то дякъ, и удалилъ въ Смоленскъ.

МАРѢА.

Но чтожь онъ говоритъ? гдѣ могъ скрываться
До этихъ поръ?

ПАТРИАРХЪ.

Разсказываетъ онъ,
Что въ Чудовѣ-монастырѣ жилъ долго,
Не вѣдая величья своего;
Что наконецъ бѣжалъ въ Литву, слугою
У Сендомирскаго былъ воеводы,
И случаемъ свой царскій санъ узналъ.

МАРӨА.

И удалось ему такую басней
Приверженцевъ найти?

ПАТРІАРХЪ.

Коваренъ ляхъ,
И съ завистью онъ нашу видитъ силу;
Старинный врагъ радъ каждому предлогу
Внести войну въ російскіе предѣлы.

МАРӨА.

Но какъ же и въ Москвѣ могли повѣрить
Той выдумкѣ, безумной и пустой?

ПАТРІАРХЪ.

Народъ волнуется легко, царица!
Неимовѣрному готовъ повѣрить,
И увлечется ложью дерзкой онъ....
И потому желаетъ нынѣ царь —
Да прекратишь ты черни заблужденье,
Что можешь ты одна: единымъ словомъ
Низвергнешь въ прахъ безстыднаго лжеца.
Я съ радостью твое волненье вижу:
Ты внѣ себя отъ гнуснаго обмана,
И на лицѣ твоємъ пылаетъ гнѣвъъ.

МАРӨА.

И гдѣ-жъ теперь тотъ смѣлой самозванецъ?

ПАТРІАРХЪ.

Ужъ близокъ онъ къ Чернигову, какъ слышно:
Изъ Кіева онъ выступилъ въ походъ,
На насъ идетъ съ литовскою дружиной,
И съ буйной ратью козаковъ донскихъ.

(Молчаніе.)

МАРӨА.

Хвала! хвала! хвала Тебѣ, Всевышній!
Ты наконецъ мнѣ мщеніе ниспослалъ!

ПАТРИАРХЪ.

Царица! что такое? что съ тобою?

МАРӨА.

Храните вы его, о, силы неба!
Носитесь вокругъ его знаменъ!

ПАТРИАРХЪ.

Какъ? можетъ ли обманщикъ?...

МАРӨА.

Онъ мой сынъ!

Я узнаю его по этимъ знакамъ,
Его по страху твоего царя
Я узнаю. То онъ! онъ живъ, онъ близокъ!
Долой съ престола, хищникъ! трепещи!
Внукъ Рюрика воскресъ! идетъ наследникъ,
Царь истинный — и требуетъ отчета!

ПАТРИАРХЪ.

Безумная! ты знаешь ли сама
Что говоришь? о комъ?

МАРӨА.

Пришелъ день мести,
Возстановленья день! изъ ночи гроба
Исторгнута невинность дланью Божьей!
Надменный Годуновъ, мой злѣйшій врагъ,
Ползетъ у ногъ моихъ, прося пощады!
О, вы сбылись желанія мои!

ПАТРИАРХЪ.

Ты до того-ль ослѣплена пристрастьемъ?

МАРӨА.

Онъ до того ли страхомъ ослѣпленъ,

Что отъ меня спасенья ожидаетъ?
Пощады отъ меня, такъ безгранично
Обиженной? — Отвергнуть сына мнѣ,
Котораго изъ гроба вызываетъ
Мнѣ чудомъ Богъ? — Кому — ему въ угоду,
Ему, убійцѣ рода моего?
Виновнику всѣхъ мукъ моихъ безмѣрныхъ?
Его щадя, отброшу-ль я отраду,
Въ моемъ глубокомъ горѣ наконецъ,
Какъ Божій судъ, мнѣ посланную свыше?...
Нѣтъ! нѣтъ! меня ты выслушаешь.... Нѣтъ!
Я не пущу тебя! ты здѣсь! ты мой!
О, наконецъ могу дать волю гнѣву,
И на врага излить въ душѣ глубокой
Накопленный, давно таимый ядъ!
Кто заключилъ меня въ сей гробъ живыхъ,
Съ бѣньемъ жаркимъ сердца молодого,
Съ могучими порывами души?
Кто отъ груди мнѣ сына оторвалъ,
Своихъ убійцъ послалъ, его зарѣзать?
О! словъ нѣтъ для того, что я терпѣла,
Когда средь длинной, свѣтло-звѣздной ночи,
Я по слезамъ своимъ часы считала!
Вотъ жданный день, день грозный воздаянья:
Губителя могу я погубить!

ПАТРИАРХЪ.

Ты думаешь, что ты царю страшна?

МАРША.

Въ моей онъ власти: слово устъ моихъ
Единое — рѣшить его судьбу!
Вотъ почему Борисъ тебя прислалъ.
Россія вся, вся Польша на меня

Глядитъ теперь. Пришельца объяви
Моимъ я сыномъ, сыномъ Іоанна,
И все ему покорствуешь, — онъ царь!
Отвергни я его, — и онъ погибъ!
Кому-жь на умъ придетъ, что мать, какъ я —
Обиженная мать отвергнетъ сына,
Врагамъ своимъ, его убійцамъ въ пользу?
Мнѣ стѣитъ слова, чтобъ весь міръ его
Обманщикомъ назвалъ. И это слово
Ты выпросить пришелъ; услугу эту
Я Годунову оказать могу.
Не правда ли?

ПАТРИАРХЪ.

Отечеству всему

Ее окажешь ты: спасаешь царство
Отъ бѣдствія войны, сказавши правду.
Не сомнѣваешься ты въ смерти сына —
И ты грѣха на совѣсть не возмешь.

МАРѢА.

Шестнадцать лѣтъ о немъ лила я слезы,
Но гробъ его я не открыла. Гласу
Всеобщему и горю моему
Я вѣрила; всеобщему же гласу
Я вѣрю нынѣ, и моей надеждѣ.
Преступно было бы сомнѣньемъ дерзкимъ
Поставить грань непостижимой Власти.
Но сердца моего не будь онъ сыномъ,
Онъ будетъ сыномъ мщенья моего!
Его отсель усыновляю я,
Рожденнаго мнѣ правосуднымъ небомъ.

ПАТРИАРХЪ.

Несчастливая! могучему дерзаешь

Противиться! И въ отдаленной кельѣ
Не спасена отъ царской ты руки.

МАРѢА.

Убить меня онъ можетъ: голосъ мой
Онъ можетъ заглушить въ тюрьмѣ, иль въ гробѣ,
Чтобъ не гремѣлъ онъ въ мірѣ: въ этомъ властенъ
Борись; но говорить меня заставить
Чего я не хочу, — въ томъ онъ не властенъ;
Того свершить не можетъ! — онъ ошибся.

ПАТРИАРХЪ.

Обдумай все: не съ лучшимъ ли отвѣтомъ
Мнѣ отъ тебя назадъ идти къ царю?

МАРѢА.

Надѣйся онъ на Бога, еси смѣетъ,
И на любовь народа, если можетъ.

ПАТРИАРХЪ.

Прости жь! — Бѣду себѣ ты избрала;
За шаткую хватаешься надежду:
Погибнешь ты съ опорой своей.

К. Павлова.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въспомогательный текст, который не удалось распознать из-за размытости. Видно начало абзаца: "Въспомогательный текст..."

ПРИМЕРЫ СЛОВОТВОРЕНИЯ

Второй абзац, также неразборчивый из-за качества скана. Видно начало: "Второй абзац..."

Третий абзац, неразборчивый. Видно начало: "Третий абзац..."

I.

СВѢТЪ ИСТИНЫ И ЧУВСТВО.

Въ златые дни заповѣдныхъ мечтаній
Душа полна надеждъ и упованій,
И юноша, какъ на радушный пиръ,
Съ весельемъ на челѣ вступаетъ въ міръ.
Повсюду онъ предвидитъ проявленье
Тѣхъ силъ, что въ тайникѣ души лежатъ,
И жажлетъ, въ благородномъ рвеньи,
Наукой истину стяжать.

Когда же онъ узналъ, какъ все ничтожно
И мелочно, — съ оглядкой, осторожно
Проходитъ онъ тогда въ толпѣ людей,
Лишь за себя страшась, недовѣрая ей.
Тогда, въ раздумьи мрачномъ и глубокомъ,
Среди людей онъ нелюдимъ,
И пусто въ сердцѣ одинокомъ,
И нѣтъ сочувствія къ другимъ.

Ахъ, не всегда свѣтъ истинъ лучезарный
Прольется съ жаромъ въ міръ неблагодарный.
Прекрасенъ на землѣ того удѣлъ,
Кто знаній даръ стяжать себѣ умѣлъ,
Не заплативъ за опытъ дорогою
Цѣною сердца. Благо намъ, когда
Въ насъ опытность съ сердечной теплотою
Слились для жизни навсегда.

В. Треборнъ.

II.

КЪ НИНѢ (*).

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья прошлаго мечта!
На одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, бѣдный сирота
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.

Пусть навѣкъ, съ златымъ мечтаньемъ,
Пусть тебѣ глаза закрыть
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить;
Но, увы! ты любишь свѣтъ:
И любви моей, какъ нѣтъ!

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр 102.
(Пѣсни и Романсы, VI).

Можетъ ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройти?
Бури свѣта — волнованье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умретъ небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?

М. Лермонтовъ.

III.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ (*).

«Возьмите міръ! — онъ мнѣ не нуженъ болѣ!»
Воскликнулъ Зевсъ съ заоблачныхъ высотъ
«Пусть каждый въ немъ возьметъ себѣ по долѣ,
Владѣетъ ей изъ рода въ родъ.»

Сказалъ, и словъ его лишь только смолкли звуки,
Всѣ земнородные, отъ нищихъ до вельможъ,
И старъ, и младъ, всѣ, у кого есть руки,
Всѣ съ шумомъ бросились толпами на дѣлѣжъ.

Кто села взялъ, кто мирныя долины,
Кто быстрыхъ рѣкъ свирѣпое русло,
Поля и пропасти, болота и стремнины:
Все въ мигъ себѣ хозяина нашло.

И послѣ всѣхъ, когда раздѣлъ скончали,
Пришелъ поэтъ. Онъ грустнымъ взоромъ міръ

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр. 198.
(Баллады и Разказы, VII).

Окинулъ, и головой поникъ на грудь въ печали;
У всѣхъ пріютъ: лишь онъ забыть и сирь.

Гдѣ кровь искать? и изъ груди невольно
Излилась жалоба на судъ судьбы слѣпой:
— О, богъ боговъ! подъ небомъ всѣмъ привольно.
Всѣмъ мѣсто есть, никто здѣсь не чужой.

— Лишь я одинъ всему чужой, бездомный,
Скитальцемъ жить навѣки осужденъ.
Твой міръ великъ; ужель пріютъ укромный
Откажетъ мнѣ суровый твой законъ? —

«Все кончено! роптать и плакать поздно!
Что дѣлалъ ты, когда дѣлили свѣтъ?
И гдѣ ты былъ?» Зевесъ воскликнулъ грозно.
— Я былъ съ тобой, — отвѣтствовалъ поэтъ.

— Мой взоръ въ величіи строенья мірового,
Мой слухъ въ гармоніи небесной утопалъ,
И я за мигъ блаженства неземного
Земное все забылъ и потерялъ. —

«Какъ быть! сказалъ Зевесъ: я больше надъ землею
Не властенъ: рѣздалъ все — степь, дебри и лѣса;
Но, если хочешь ты, иди, живи со мною:
Тебѣ всегда открыты небеса.»

Б. Алмазовъ.

IV.

ПЕРЧАТКА (*).

Вельможи толпою стояли
И, молча, зрѣлища ждали;
Межь нихъ сидѣль
Король величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣль.

Вотъ — царскому знаку внимаютъ:
Скрипучую дверь отворяютъ;
И левъ выходитъ стѣпной
Тяжелой стопой;
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ;
Зѣвая лѣнливо,
Трясетъ желтой гривой;
И, всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.

И царь махнулъ снова —
И тигръ суровый
Дикимъ прыжкомъ
Влетѣль опасный,

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т I, стр 217
(Баллады и Разказы, IX).

И, встрѣтись со львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ хвостомъ;
Потомъ
Тихо владыку обходить —
Глазъ кровавыхъ не сводить;
Но — рабъ предъ владыкой своимъ —
Тщетно ворчить и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.

Съ верху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четою.

И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:
«Рыцарь, пытать я сердце люблю!
«Если сильна такъ любовь у васъ,
«Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
«То подымите перчатку мою.»

И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжить —
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ —
И смѣлой рукой подымаетъ.

И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ молчаньи.
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ;
Отвсюду хвала вылетаетъ;

И вѣжнѣй, пылающій взглядъ —
Недальняго счастья закладъ —
Съ рукою дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
«Благодарности вашей не надобно мнѣ!»
И гордую тотчасъ покинулъ.

М. Лермонтовъ.

V.

ДИТЯ ВЪ ЛЮЛЬКѢ (*).

Счастливъ ребенокъ! — и въ люлькѣ просторно ему;
но дай время
Сдѣлаться мужемъ — и тѣсенъ покажется міръ.

М. Лермонтовъ.

VI.

ВСТРѢЧА ().**

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла
Еще я зрю ее передъ собой:
Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной и гордой красотой.

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I. стр. 249.
(Антологическія Стихотворенія, XXIII).

(**) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. II, стр.
76. (Пѣсни и Романсы, III).

Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой....
Но вдругъ, какъ-бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.

Что я почувствовалъ въ тотъ мигъ чудесный
И что я пѣлъ — напрасно вновь пою....
Я звукъ нашолъ, до толѣ не извѣстный,
Я мыслей чистую излилъ струю.
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно —
И вмигъ они расторгли цѣпь свою,
Въ ней вспыхнули забытые видѣнья
И страсти юныя и вдохновенья....

М. Лермонтовъ.

VII.

КЪ * (*).

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь —
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь:
На кой мнѣ чортъ душа твоя?

М. Лермонтовъ.

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. II, стр. 201. (Автологическія Стихотворенія, XXI, 4).

VIII.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ

въ «*Валленштейновомъ Лагерь*» (*).

Ну, братцы, вставай! на коней, на коней!
И въ поле, къ свободѣ, скорѣе!
Тамъ удалъ и храбрость безстрашныхъ виднѣй
И сердце тамъ бьется живѣе!
На мѣсто твое тамъ не станетъ другой,
И всякъ отвѣчай тамъ своей головой!

Приволья на свѣтѣ не стало давно,
Тщету и позоръ лишь встрѣчаютъ;
А смертными хитрость и ложь заодно
Всегда и вездѣ управляютъ.
Солдатъ отъ того и свободенъ душой,
Что съ смертью онъ свыкъся въ грозѣ боевой.

Забылъ онъ печали, забылъ суеты,
Чего жь ему болѣе страшиться?
И бодро летитъ онъ на встрѣчу судьбы:
Сегодня иль завтра онъ съ жизнью простится.
Пусть завтра! такъ, нынѣшнимъ пользуясь днемъ,
Мы, други, въ раздольѣ хоть мигъ проживемъ.

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Писателей», т. VI, стр. 64. («Лагерь Валленштейна. Драматическое стихотвореніе»).

Веселая доля съ небесъ упадетъ ,
Солдату трудиться не стоитъ !
Работникъ мечтаетъ , что кладъ онъ найдетъ ,
И землю все роетъ и роетъ ;
Какой же конецъ его вѣчнымъ трудамъ ?
Себѣ же могилу онъ выроетъ самъ .

И всадникъ съ своимъ окриленнымъ конемъ
На праздникъ незваный являлся ;
Все въ замкѣ , на свадьбѣ , блистало огнемъ ,
Но грозныхъ гостей всякъ боялся !
Онъ златомъ , тоскою любви не искалъ ,
Утѣхи жъ ея на полетѣ хваталъ .

Что дѣвица плачетъ ? . . . груститъ отъ чего ?
Въ путь должно ему непременно :
Угла постоянного нѣтъ у него ,
Что жъ ждешь ты любви неизмѣнной ?
А рокъ его мощный такъ быстро влечетъ ,
Что мѣста на отдыхъ нигдѣ не найдетъ !

Скорѣй же , дружина , на борзыхъ коней !
Чтобъ битва намъ грудь освѣжила ;
Въ насъ юность кипитъ — насладимся мы ей ,
Пока въ насъ душа не застыла .
Но жизнью играя въ кровавомъ пиру ,
Вы жизни безумно не ставьте въ игру .

А. Глинка.

IX.

ТРИ ВѢДЬМЫ.

(Изъ «Макбета» Ф. Шиллера.)

ПЕРВАЯ.

Попался мнѣ одинъ рыбакъ:

Чинилъ онъ, весель, сѣти,
Какъ будто въ рублищѣ бѣднякъ
Имѣлъ златыя горы;

И съ пѣснью день и ночи мракъ
Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ.

Я жь поклялась ему давно,
Что все сердить меня одно....

Однажды рыбу онъ ловилъ —

И кладъ ему попался;
Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ:

Ядъ черный въ немъ скрывался....
Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ —
И пѣсенъ нѣбыло съ тѣхъ поръ.

ДРУГІЯ ДВѢ.

Онъ взялъ врага себѣ на дворъ —
И пѣсенъ нѣбыло съ тѣхъ поръ.

ПЕРВАЯ.

И вотъ, гдѣ онъ — тамъ пиръ горой,
Толпа увеселеній....

И прочь, какъ съ крыльями, покой
Быстрѣй умчался тѣни.

Не зналъ безумецъ молодой,
Что деньги вѣдьмы — прахъ пустой!

ДРУГІЯ ДВѢ.

Не зналъ глупецъ, средь тѣхъ минутъ,
Что наши деньги въ адъ ведутъ!

ПЕРВАЯ.

Но бѣдность скоро вновь бѣжить....

Друзья исчезли ложны....

Онъ прибѣгалъ, чтобъ скрыть свой стыдъ,
Къ врагу людей, безбожный!

И на дорогѣ ужь большой
Творилъ убійство и разбой....

Я послѣ близъ рѣки иду,
Свободною минутой:

Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой;

Онъ говорилъ: «Мнѣ жизнь пуста!

«Вы отвращеній полны,

«Блаженства, злато! — вы мечта!...»

И зашумѣли волны.

М. Лермонтовъ.

Х.

БАЛЛАДА.

Надъ моремъ красавица-дѣва сидить,
И, къ другу ласкаяся, такъ говорить:

«Достань ожерелье... спустился на дно:
«Сегодня въ пучину упало оно.

«Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!»
Вскипѣла лихая у юноши кровь,

И умъ его обнялъ невольный недугъ:
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.

Изъ бездны перловыя брызги летять,
И волны тѣсняются и мчатся назадъ,

И снова приходятъ и о берегъ бьютъ —
Вотъ милаго друга онъ принесутъ!

О, счастье! — онъ живъ: онъ скалу охватилъ...
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ, какъ былъ...

Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ...
И влажныя кудри бѣгутъ по плечамъ.

— Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя?

— По слову спустился на черное дно. . . .

Въ коралловомъ гротѣ лежало оно. . . .

— Возьми! — И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.

Отвѣтъ былъ: «О, милый! о, юноша мой!
«Достань, если любишь, коралль дорогой!»

Съ душой безнадежной молодой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль коралль иль конецъ.

Изъ бездны перловыя брызги летать,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,

И снова приходятъ и о берегъ бьютъ,
Но милаго друга онъ не несутъ.

М. Лермонтовъ.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ ЛИРИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ШИЛЛЕРА.

I.

СВѢТЪ И ЖАРЬ.

В. ТРЕБОРНА (СВѢТЪ истины и чувство, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1858, № 32, стр. 934.

II.

КЪ ЭММѢ.

М. ЛЕРМОНТОВА (Къ Нинѣ, изъ Шиллера). См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр. 298. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.*

III.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

Б. АЛМАЗОВА (Раздѣлъ земли, изъ Шиллера). «Развлеченіе», 1859, т. I, № 8, стр. 85. См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр. 311.

IV.

ПЕРЧАТКА.

М. ЛЕРМОНТОВА (Перчатка, изъ Шиллера). См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр. 315. *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*

V.

ДИТЯ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

М. ЛЕРМОНТОВА (Дитя въ люлькѣ, изъ Шиллера). См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр. 324. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.*

VI.

ВСТРѢЧА.

М. ЛЕРМОНТОВА (Встрѣча, изъ Шиллера). См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. II, стр. 307. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ. (Первыя двѣ строфы).*

VII.

КЪ *.

М. ЛЕРМОНТОВА (Къ *, изъ Шиллера) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. II, стр. 329. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ*

VIII.

ИЗЪ «ЛАГЕРЯ ВАЛЛЕНШТЕЙНА».

А. Глинки (Военная пѣснь въ «Валленштейновомъ Лагерѣ», изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія», 1834, т. II, отд. I, стр. 107; перепечатана въ «Стихотвореніяхъ Шиллера, переводъ А. Глинки» (1859), стр. 34. См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Писателей», т. VI, стр. VI. (Конецъ послѣдняго выхода).

IX.

ИЗЪ «МАКБЕТА».

М. Лермонтова (Три вѣдьмы, изъ «Макбета» Ф. Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.* (Изъ четвертаго выхода перваго акта). Шиллеръ, какъ извѣстно, не перевелъ, а передѣлалъ Шекспирова «Макбета» для нѣмецкой сцены, при чемъ нѣкоторыя мѣста были значительно измѣнены, а иногда и совсѣмъ выкинуты и замѣнены другими. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ и переведенная Лермонтовымъ сцена, которая вся сочинена самимъ Шиллеромъ.

X.

ВОДОЛАЗЪ.

М. Лермонтова (Баллада, безъ означенія, что передѣлана изъ Шиллера). См. «Шиллеръ въ Пере

водѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр. 340. *Здѣсь это стихотвореніе напечатано въ первый разъ.* Это не переводъ, даже не подражаніе. У Шиллера поэтъ заимствовалъ одинъ сюжетъ, но и тотъ передѣлалъ по своему; однимъ словомъ, стихотвореніе это, такъ сказать, навѣяно баллагою Шиллера «Водолазъ», не болѣе.

Н. Гербель.

1859 г.

КОНЕЦЪ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВОСЬМОЙ ЧАСТИ (*).

Отъ издателя.

СТР.
V

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

1. Димитрій Самозванецъ. Неоконченная трагедія **. Переводъ Л. Мея. 1
2. Планъ трагедіи «Димитрій Самозванецъ» **. Л. Мея. 60
3. Духовидецъ. Изъ бумагъ графа О**. Романъ **. Переводъ М. Михайлова. 73
4. Мизантропъ. Драматическій отрывокъ **. Переводъ Н. Гербеля. 221
5. Ожесточенный. Истинное происшествіе **. 255
6. Игра судьбы. Отрывокъ изъ истиннаго происшествія **. 287

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- Сцена изъ послѣдней неоконченной трагедіи Шиллера: «Димитрій Самозванецъ». Переводъ К. П. Павловой. 305

(*) Статьи и стихотворенія, отмѣченныя двумя звѣздочками, означаютъ, что онѣ помѣщены здѣсь въ первый разъ; тѣ-же изъ нихъ, которыя не имѣютъ при себѣ этаго знака — перепечатаны въ предлагаемомъ изданіи безъ измѣненія.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Свѣтъ истины и чувство — В. Треборна.	315
2. Къ Нинѣ ** — М. Лермонтова.....	316
3. Раздѣлъ земли — Б. Алмазова.....	317
4. Перчатка ** — М. Лермонтова.....	319
5. Дитя въ могилѣ ** — М. Лермонтова. . .	321
6. Встрѣча ** — М. Лермонтова.....	321
7. Къ* ** — М. Лермонтова.....	322
8. Военная пѣснь въ «Валленштейновомъ Ла- герѣ» — А. Глинки.....	323
9. Три вѣдьмы ** — М. Лермонтова.....	325
10. Баллада ** — М. Лермонтова.....	327

Списокъ русскихъ переводовъ лирическихъ стихотвореній Шиллера ** — Н. Гербеля.....	329
---	-----

CONTENTS

1. Introduction	1
2. The first part of the work	10
3. The second part of the work	20
4. The third part of the work	30
5. The fourth part of the work	40
6. The fifth part of the work	50
7. The sixth part of the work	60
8. The seventh part of the work	70
9. The eighth part of the work	80
10. The ninth part of the work	90

THE END OF THE WORK

Schiller, Friedrich, 1759-1805

Lyrische, dramatische uund historische Werke Schillers in Übersetzungen
russischer Schriftsteller Liričeskije i dramatičeskije sočinenija

Bd.: VIII

St. Petersburg 1857 - 59

P.o.germ. 1274-8

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10119178-7